

"Лигранд. Империя рабства (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

рабства

Пролог

Иногда я думаю, что я болен. Очень болен. Психически. По крайней мере, с точки зрения моей первой ипостаси — это так, точнее я временами не могу найти других объяснений происходящему вокруг меня. Нет, окружающие люди меня таким не считают. Почти. Зато считают "ударенным по голове". Собственно я таковым и являюсь. В моей второй ипостаси меня довольно неплохо приложило о землю во время конной охоты на дикого лервума — очень быстрого, магически выведенного зверя. Наверно теперь и вы считаете меня сумасшедшим? Но и это ещё не всё. Ко всему прочему я являюсь Хотя нет. Если я это скажу, дальше вы меня слушать не будете. Ну что ж, а сейчас я попытаюсь разубедить вас в своём сумасшествии....

Глава 1

Сотовый завибрировал на столе, я, сбросив звук, посмотрел на экран — Лёха. Что у нас сегодня? Ну, конечно — пятница. Когда ты безработный, дни недели умудряются проплывать со скоростью ветра. Я, проведя мизинцем по экрану — остальные пальцы были в курице, снял трубку и тут же поставил на громкую.

— Миха, привет!

— Привет.

— Ты со Светкой?

Вообще Лёха без симпатии относился к Светлане, и надо сказать, это было у них взаимно. Только Лёха старался мне не показывать негативное отношение, а вот Света не упускала момента, чтобы за глаза покостерить друга. Она никак не могла понять, что лучший друг — это лучший друг. Я осознавал, что у Светки характер не ангельский, но у неё были свои положительные стороны. Пусть любви большой между нами не было, но вот в постели... она была просто чудом, и я словно наркоман вновь и вновь вёлся на её капризы. Да и, если уж быть совсем честным, не настолько я со своим подростком за последних пару лет "рюкзачком" впереди, был избалован женским вниманием, чтобы отказываться от хорошенькой девушки.

— Нет, только что дверью в очередной раз хлопнула.

— Ну, тогда я иду к тебе. Только я не один, со мной друг. "Джек Дениэлс" зовут.

— Забегай разумеется, познакомишь. А с чего вдруг праздник?

— Потом расскажу. Тётъ Алле вино брать?

У бабушки, Лёха был любимцем.

— Она сегодня к подруге ушла с ночевкой.

— Жаль. Ладно, жди, — Лёха сбросил вызов.

В пятницу после пяти это был скорее стандартный звонок. Не каждую, разумеется, но две из

четырёх, мы точно встречались. Только обычно брали что побюджетней — российские инженера всё-таки, а не олигархи. Разве что иногда баловались алкогольными деликатесами.

С Алексеем мы были знакомы с первого курса — на параллельных учились. Я на "Автоматизации", а он на "Транспортном". Тогда во время фуршета по поводу окончания сессии, а у заочников это дело святое, фуршет в смысле, мы и сдружились. Сколько уже? Лет десять наверно прошло. Ну да. Почти. Шесть — института, ну и около трёх, как я отработал на заводе инженером.

Безработным я стал всего две недели назад. Задолбало наше российское отношение — не решать проблемы, а делать вид перед руководством, что ты их решаешь. Нет, я не идейный. Но, когда вываливают миллион четыреста тысяч в заранее проигрышную реконструкцию оборудования, если можно тысяч за пятьсот сделать качественней и лучше.... Разругался с замом технического директора, пытаюсь отстоять свою точку зрения. А тот мужик вспыльчивый. Ну а я за свои двадцать пять целковых не особо держался.

Домофон противно запиликал. Быстро он. Опять как обычно, сначала к дому подошёл и только потом на сотовый позвонил. Надо отметить, Лёха, словно каким-то шестым чувством определял наличие моей тушки дома — ни разу ещё не ошибся.

— Эт я хорошо зашёл, — Лёха расплылся в улыбке.

— Да ты всегда хорошо заходишь. Разувайся, проходи, — я протянул руку.

— Что, со Светланой разругались значит? Доставай стопки, я пока лимон нарежу.

— Да. Опять пришла и кружит вокруг: "Там такая сумочка, такая сумочка...." Три дня не появлялась — секс только по телефону, а как о зарплате узнала, через час здесь. А мне потом у бабушки на шее сидеть? Была бы перспектива в ближайшее время работу найти.... Да и сумочка за шесть тыров — как-то лихо. В общем, поругались немного.

— Завтра помиритесь. А ты что расчёт получил?

— М-м-м, — я передёрнулся — сок лимона растёкся по языку. — Ага.

— А зачем ей рассказал?

— Да почему я должен скрывать?

— Тоже верно. Много дали?

— Почти пятьдесят.

— Чего это они расщедрились? — удивился друг.

— Так "белая" же, это не у тебя в шарашке. За отпуск насчитали.

— А я тоже безработный. Давай за встречу.

Виски приятно обожгло горло.

— Что случилось? — когда закусили, задал я закономерный вопрос.

— Надоело. Что мы за копейки батрачим? Я, в Питер собрался.

Тут надо отметить, что Лёха год назад побывал в Северной столице и теперь был просто влюблён в этот город. Не проходило ни одной встречи, чтобы он не пел дифирамбы о Санкт — Петербурге. А уж сколько раз пытался меня уговорить поехать туда....

— Молодец, — мне собственно, такой поворот событий ничего хорошего не сулил — привык я к Лёхе, но и не порадоваться за друга я не мог.

Тут в коридоре раздался звук открываемой двери.

— Светка?

— Нет, я ей ключей не давал — ещё не перешли на такой уровень.

— О, "котёнок" в гостях? Знала бы, молока бы купила, — бабушка заглянула на кухню.

— Так я уже тётъ Алл..., купил, — кивнув на стол, Лёха встал и, подойдя, приобнял бабушку.

— А чего ж вы? Лимонем закусываете? Что по сурьёзней ничего не нашлось? Ладно, моему охламону — полезно, но ты друга хоть раскорми.

Это была традиционная церемония встречи Лёхи и бабушки. Может иными словами, но она повторялась каждый раз.

— Разве гончую раскормишь? — ответил Лёха. — Виски будете тётъ Алл?

— Самогон заморский! Ну, налей, только чуток — попробую.

Бабушка сморщилась выпив:

— Фу!

— Тётъ Алл, если бы я знал, что вы придёте, вина бы купил. Мишка сказал, вы у подруги.

— Да ей дети позвонили, попросили с внуками посидеть, пришлось свернуть девичник. Вы то когда сподобитесь?

— На девичник?

— Ну, хотя бы, только так чтоб внуки потом.

— Так не можем найти, тётъ Алл, такую же, как вы. А другие нам не нужны.

— Подлиза. А твоя где? — переключилась бабушка на меня.

— Мы сегодня по мужски решили посидеть.

Бабушка обо всех моих девчонках отзывалась не иначе как "вертихвостки", так что "твоя", это был даже комплимент. Вообще она относилась к Светке нейтрально — без особых восторгов, но и не ругалась.

— Тоже дело. Тазики готовить?

— Тётъ Алл.... Всего раз было!

— Ну, да. Ну, да.

— Тётъ Алл, я тут в Питер собрался, Мишку с собой зову.

Я аж поперхнулся. Лёха демонстративно не смотрел на меня.

— Ленинград, это хорошо. Конечно, езжайте.

— Да понятно! — возмутился я. — Уехал и оставил тебя тут одну.

Бабушка была у меня самый близкий человек. Она меня воспитывала с пяти лет. Сиротой я не был, просто мама когда-то развелась с отцом, ну и вышла замуж за другого. Я уж точно не знаю, как там получилось, то ли я пятым колесом оказался, то ли бабушка настояла меня к себе забрать, а она могла.... Мама с Валерий Сергеевичем звали меня потом к себе в Краснодар, но..., не было большого желания.

— Ну, так и держись всю жизнь за мою юбку теперь! Я, может, мужчину в дом хочу привести, а тут хвост такой пухленький. Как увидят этакого детину — все женихи разбегутся.

— Ба-а....

— Ладно, раз уж вы всё равно в комнату не идёте, иди, включи мне на компьютере "Сватов".

Бабушка не была настолько уж древней, просто некоторые слова коверкала специально. Слышал я, как она с подругами по сотовому говорит, там такие слова проскакивают, что я без бумажки не выговорю. Да и компьютером умела она пользоваться. Но вот нравилось вот ей, когда ухаживают.

Не знаю, как получилось, но на второй бутылке я сдался на уговоры Лёхи.

"Ну а что, в самом деле? Деньги есть. У меня на счёте ещё немного было. Работы нет. Смотаемся, мир хоть посмотрим, а то я кроме Уральских гор ничего и не видел. Даже служил в ста километрах от города. Не понравится — обратно вернусь. За бабушкой тётка присмотрит — в соседнем квартале живёт". Это я уже себя на следующий день убеждал, когда вспоминал как "посидели". Разумеется, можно было отказаться.... Только вот стоящей работы в нашем городишке не было. Да и Светка наведалась с утра и словно всамделишная жена устроила истерику — надоела.

Питер развернул перед нами свои пропитанные историей улицы уже через две недели. Вернее сначала он показал нам свою современную часть, где мы заранее договорились о снятии квартиры. Несколько дороговато, но зато всего на месяц. А там уже видно будет, или подешевле найдём, или обратно вернёмся. Хотя последнее вряд ли. Лёха бредит этим городом, а я упёртый — стыдно будет бабушке показаться. Она, конечно, чуть что поймёт и даже слова не скажет....

По быстрому сполоснувшись, рванули в центр. Метро, скажу я вам, сказочно удобная штука. Только желательно изначально знать станцию, которая тебе необходима. Вылезли мы на Васильевском острове — до Дворцовой площади решили прогуляться пешком.

Площадь меня не впечатлила. Почему-то я представлял её гораздо больше. А вот сам антураж. Каменная брусчатка, Александровская колонна, кареты для туристов. Хотя ряженные "Петры" и "Екатерины", на мой взгляд, были лишними — выпадали они своей яркостью из общих тонов города. И всё равно очень красиво. Даже запах казалось тут иной. Близость Невы, возможно, сказывается, но полагаю это скорее психологически.

Часа три Лёха показывал мне достопримечательности, а потом предложил, ну как предложил, решили, пойти в настоящий питерский бар. Мы пока распаковывали чемоданы, видели рекламу одного такого — рокенрольного, а Лёха даже запомнил адрес. Смутно подозреваю, что мой "экскурсовод" изначально заложил в программу осмотра достопримечательностей это заведение. Узнав у прохожих где находится Садовая, решили прогуляться пешком. Хотя ноги уже гудели, но городом мы ещё не насладились в полной мере. Да, и как оказалось, это не сильно далеко.

Ну, что тут скажешь.... Шикарное место. Немного взбесила охрана на входе. Что за мода щупать мужиков, да ещё за ноги. Может они здесь с наклонностями? Откуда я знаю. По этому поводу устроили обмен мнениями с обыскивающим "шкафом". Лёха предложил наплевать на него.

Пара кружек пива под живую музыку и мы слегка разомлели. Много ли надо на голодный желудок и уставшему. Сзади меня, какой то тип в кожаном пальто, вернее куртке, несколько небрежно отодвинул стул, ударив мне по локтю. Ну, вот что за день!

— Можно поаккуратней?

— Так ты пододвинься.

— Так ты попроси.

— Борзый такой?

Я не успел ответить.

— Лоб, завязывай, — вместо меня ответил ещё один в коже. — Нашёл с кем.... Не видишь провинция.

"В кожаном пальто" отвернулся и сел. Закусываться дальше я тоже благоразумно не стал. Их пятеро. Я максимум одного из них смогу. Не смотря на то, что когда-то занимался боксом, больше двух трёх раз мне никто не даст ударить. На Лёху надежды мало. В драку он, конечно, полезет.... Даже вернее всего вперёд меня. Только вот по весовой категории он им не ровня.

— Смотри, какие девчонки, — прошептал Лёха.

Я как бы невзначай, посмотрел, куда указал глазами друг. Действительно довольно милые девушки лет двадцати. Причём как бы я аккуратно не повернулся, они заметили мой манёвр. И тут же улыбнувшись, стали шептаться.

— Думаю, не светит.

Мечтателем и фантазёром я не был, да и не первый раз с Лёхой гуляем. Обычно в такой ситуации срабатывала схема "красотка и... её подружка". Красотка, доставалась Лёхе, он хоть и мелкий, но смазливый, а вот подружка мне. Я к этому относился по философски — на халяву и уксус сладкий. Как же мне иногда хотелось поменяться с Лёхой местами.... Я не завидовал ему, разве что чуть-чуть... по белому. Мне даже было приятно за друга. Но вот девчонок, которые за ним ухлёстывали, хотел. Всё равно ведь бросит.... Так что я знал что говорил. В нашем случае две красотки — не вариант. Одной понравится Лёха, а второй не понравлюсь я. И чтобы не ссориться они найдут другой ва....

— Ну, почему? Идут к нам, — прервал мои размышления Лёха. — И даже сумочки и пиво

забрали с собой,

— Здравствуйте, — пропел нежный голосок. — Я Света, а мою подругу Марина зовут. Вы не против, если мы пересядем за ваш столик? А то наш — по центру, как-то не очень удобно — все вокруг ходят.

— Конечно, присаживайтесь. Я Алексей, а это Михаил.

— Очень приятно....

— Девчонки, пойдём лучше к нам, — перебил её "В кожаном пальто".

— Спасибо, но нам удобней здесь, — элегантно улыбнулась Света. — Марин, положи мою сумочку тоже на стул.

Я внутри позлорадствовал над байкерами — обломались кожаные.

Света слегка наклонилась, передавая подруге сумочку, и поскольку она была в довольно тесной юбочке и в полуповорот ко мне.... Сознание разумеется я не потерял, но вот вставать надо будет поаккуратней, как бы на слюнях не поскользнуться. Такая у неё аккуратненькая..., так и хотелось за замочек потянуть.

Три часа пролетели словно миг. Девушки оказались милыми и обаятельными, да к тому же, как и мы, провинциалками, снимавшими квартиру на Васильевском. Особенно мне понравилась Марина, застенчиво поглядывающая на меня. Хотя, я не отбрасываю вариант, что мне просто это казалось. У неё был такой задорный смех. И ямочки на щеках.... Я старался сдерживать себя в принятии алкоголя — это дело мы всегда успеем, а вот девчонки. Лёха же уже был в средней кондиции — это когда он готов и главное мог, пойти на все тяжкие ради веселья.

— Нам пора, — вдруг заявила Марина. — Скоро мосты разводить будут — хочется посмотреть, да и на остров потом не попасть.

— Так, может, мы проводим? — предложил я.

— А вы как домой успеете?

— Разберёмся, — истинно по-мужски ответил я, хотя ночевать в парке точно не хотелось.

— Так может к нам? Посидим ещё..., — предложила Света.

Кто же отказывается от такого предложения.

Развод мостов мы не увидели, поскольку Светлана и Лёха устроили на мосту чуть ли не стриптиз с поцелуями, закидыванием стройной ножки в мини-юбке на бедро и поглаживанием прелестной части девушки. Хотя девчонки вроде не сильно злоупотребляли. Мы всего ещё раз им заказывали пиво, и то пришлось уговаривать. В связи с несколько развязным поведением подруги, Марина вынесла вердикт — домой, тем более что до развода мостов, как оказалось, было ещё целых полтора часа.

Алексей со Светой, похоже, решили не терпеть до дома и предаться разврату прямо по дороге, так как с хохотом убежали в первый попавшийся на нашем пути скверик. Разумеется, я как друг, а Марина как подруга, не могли их оставить в таком состоянии в незнакомом месте.... Хотя я бы возможно из мужской солидарности подождал где-нибудь в сторонке. С Мариной

разумеется — она так нежно прижималась к плечу.... Оторвать с ходу влюблённых от скамейки, где они решили обосноваться, оказалось не так-то просто. Марина достала из сумочки бутылку вина.

— Откроешь?

Хорошо вино было недорогое и открывалось без штопора.

— Ой, а стаканчиков нет.

— Я думаю, сейчас мы замаемся их искать.

— Я так не могу. Пейте, у нас дома ещё есть.

Мы с Алексеем приложились к горлышку. Светлане Марина не разрешила. Действительно, та была уже несколько пьяненькой. Когда же Марина то до такой кондиции дойдёт? После того как я в третий раз принял бутылку из рук опускающегося на скамейку Лёхи, в голове как-то помутнело. Я отошёл в сторонку — подташнивало, а перед девчонками неудобно. Надо же так об... егориться, в переносном смысле слова. Давно мне так плохо не было. Вроде не водка. Пиво с вином намешал что ли? Так вроде мало выпил.... Ноги стали ватными, лицо прямо горело. Так захотелось прижаться к прохладной земле....

— ...Эй! Кто-нибудь! — ворвался голос Лёхи в разум вкупе с гулками ударами по металлу.

Что ж он так накидался-то. Да и я — красавец. Хорошо хоть девчонки не кинули — не на улице лежу. Что ж он так орёт-то! Голова раскалывалась от звука ударов. О-о-о. Во рту даже не кошки, а скунсы какие-то побывали. А где это я? Они что в кладовку какую меня спать уложили? Хотя скорее гараж — стены никогда не касалась штукатурка, да и кирпич не первого сорта....

— Лёха ты?

— Мишка!

— Лёх, а где мы?

— Да кто его знает. Сам понять не могу.

— Мы что, вчера накурелесили?

— После Васильевского не помню.

Тут я увидел полтарашку с водой. Как сладка бывает обычная минералка.

— А-а-а! Как хорошо! — Я решил просветить Лёху насчёт его вчерашнего поведения. — Ты вырубился в парке с вина, мы с девчонками ещё потом сидели, а потом... От, твари! — Я только теперь понял насколько "не кинули" нас Света и Марина. — Есть идеи, куда мы попали?

— Надеюсь не в сексуальное рабство.

Лёха всегда обладал чувством юмора.

— Ну, у тебя и фантазии.

— Да какие фантазии, рабочая версия. Могу предложить ещё парочку. На органы например или ...

— Что или? — я почувствовал, как кровь от лица начинает отливать.

— Да не лезет больше в голову ничего. Могут ещё в рабство куда-нибудь в ближнее зарубежье отправить.

— Может, пошутил кто?

— Да я смотрю у тебя тут куча друзей — шутников.

— Может те байкеры? С которыми немного поругались.

— Может...

Мы оба затихли.

Через час, за дверью слышались шаги.

— Эй! — Не удержался я. Хоть как-то надо прояснить ситуацию. — Кто-нибудь! Откройте!

Тут же раздался скрежет открываемого замка, и дверь слегка приоткрылась. Полностью открыть её не давала цепь.

— Отойди от двери к противоположенной стене, — какая-то рожа в респираторе равнодушно смотрела на меня.

Отделяло нас всего полметра и я решил рискнуть. План созрел моментально: рывок на дверь и рукой нащупать к чему крепится цепь с той стороны. Наверно тот, что смотрел через щель, был телепатом, или я с похмелья слишком медлителен, поскольку только я начал движение — дверь стала закрываться. Со всего маха всадив плечом, мне удалось на доли секунды вернуть щель в исходное положение, но тут же она захлопнулась и снаружи металлически щёлкнул засов. В этот день я остался голоден. Но меня тревожило не это. Мы, похоже, крупно попали. Очень крупно. Теперь фантазии Лёхи насчёт сексуального рабства не казались такими уж сказочными.

Тот в респираторе появился только на следующее утро. В этот раз я отошёл от двери. Зря я так в прошлый раз. Надо было сначала быть послушным, а вот дня через два глядишь....

Предположительно вечером, поскольку солнца не было — приходилось ориентироваться сугубо по внутренним часам, нам принесли ещё раз пакет с продуктами и водой. Только вот.... с той стороны откуда доносился обычно голос друга, стало вдруг подозрительно тихо.

— Лёха! Лёха! Ответь сволочь! Уже не смешно! Лё-ха-а-а!

Я за час сорвал голос. Через час раздались какие-то шаги. Их владелец никак не реагировал на мои крики. Зато я чётко слышал, как тащат что-то человекоподобное по полу. Теперь уже сомнений не оставалось — мы стали донорами органов.... Разумеется, я не собирался так просто сдаваться. Усыпили Лёху (а я надеялся, что всё таки только усыпили, ну и, разумеется, что теория "на органы" не верна), стопроцентно продуктами или водой. Поэтому не пить не есть.... Чёрт, без воды я долго не протяну. Остаётся одно — ещё одна попытка освободиться! Как только принял решение, как-то стало легче. Оставалось только ждать. И вот..., на

следующее утро, ну или вечер — биологическим часам я уже не верил, раздались шаги....

Я слегка присев, приготовился рывком ударить в дверь, как только отщелкнется засов. Секунда. Две. Шаги приближаются. Я напрягся. Всем нутром я почувствовал, как рука этой мрази прикоснулась к двери. Вот он повёл засов в сторону....

Рывок! Дверь тут же распахнулась сантиметров на десять. Я резко просунул руку в щель и стал пытаться нащупать, за что же цепляется цепь. В ухо ударила струя чего-то. Я машинально повернулся и тут же зажмурился — газовым баллончиком гад прыскает. Часть, слезоточивого газа попала, конечно. Но ничего! Это не в первый раз в моей жизни — ещё в школе баловались. Не такая уж это страшная штука. Да где же цепь?! Резкий удар по руке чего-то твёрдого. Не жалеют твари. Если не перелом, значит трещина, обеспечена. Но руку приходится отдернуть. Тут же сзади слышится звон разбитого стекла. Мутным зрением вижу разбитую бутылку которую перекинули через меня. В горле начинает першить....

Очнулся я связанным. Правая рука нестерпимо болела — точно перелом. Минут через двадцать, показавшихся вечностью, какая то тень заслонила свет лампы бьющей в ничего толком не видящие глаза.... Нудный голос что-то бубнил:

— Послушай ... это пригодится... поможет тебе сориентироваться и не паниковать... ты окажешься в другом теле в другом мире.... Ты слышишь меня?!!

Удары по щекам приводят меня более-менее в чувство.

— Слушай меня ещё раз! — гневно произнёс противный голос. — Кивни, если понимаешь!

Я попытался кивнуть.

— Сейчас, ты окажешься в другом теле в другом мире. В том мире, ты тоже кем-то был, не говори по-русски. Притворись потерявшим память, и попытаться найти ближайшие посёлки. Может тебя кто узнает и тебе будет проще. Помни, там ты другой человек, — голос стал постепенно отдаляться....

Глава 2

...Я лечу! Действительно лечу! Мускулистое тело лошади рядом делает невероятно красивый рывок. Я смотрю туда, куда она скачет. Там, почти сплюснутое по бокам тело чего-то отдалённо похожего на очень худого и высокого гепарда, разве что полностью рыжего окраса, бежит, почти не касаясь земли. У него очень необычный, плоский и широкий хвост, которым он резко умудряется повернуть своё тело....

Голова очень болела. Лёгкая тошнота.... В серьёзный нокаут меня уложили. В том, что это не воздействие алкоголя или каких либо дурманящих средств, я был уверен. Незначительное сотрясение, коих в моей жизни было несколько. Обычно я их получал, если приходил на тренировку с похмелья, даже лёгкого. Тренер, помню, уловив этот момент, специально ставил в спарринг с более сильным противником. А то бывало и с двумя — в назидание так сказать....

Где же это я? Точно не в том подвале. "Может мой мозг пересадили какому-то олигарху? Не знаю, возможно, медицина научилась как-то перезаписывать память, и моё серое вещество было использовано в качестве жёсткого диска?" — последние события не выходили из головы. Я попытался резко встать. По-другому в данной ситуации не получится. Знаю, сейчас накинется тошнота, но надо потерпеть. О-о-о! Как оно хорошо меня припечатало-то! Уф! Голова упала обратно на подушку. Солёнького бы... и водички.

Обстановочка конечно. Этакый винтаж с деревенским уклоном. Я долго соображал: почему с деревенским? Наконец понял — ничего металлического. Стены комнаты в которой я находился отделаны "под камень", окно — с аркой сверху несколько искажало вид за ним — стекло не лучшего качества. А исказить было что. За окном виднелась часть крепости этакого романского стиля: строгие приземистые башни с зубцами наверху. Из-за крепостной стены торчала светлая длинная крыша строения. Почему-то тогда, это меня не насторожило. Ох! Я приподняв чуток голову попытался оглядеться. Кровать... даже не кровать а этакый сексодром. Тут не то, что с двумя... Я, кстати, никогда не пробовал с двумя.... Какие сторонние мысли. Меня сейчас впору самого.... Уф! Там вон зеркало на стене.... Не-е-е. Меня не видно.

Минут двадцать я лежал, наслаждаясь искажающей реальность рябью в глазах. Знаете так: тик, тик, тик, тик... — противно мелькает всё. Данное увлекательное действо погрузило меня в сон.

Второй раз я очнулся почти ночью. Вставать пробовать не стал, наслаждаясь видом деревянного потолка. Что за безумный дизайнер тут поработал, интересно? Потолок низкий — ладно, хотя судя по фильмам в замках потолки были высокими, но кто додумался подвесить на потолок китайский светильник в форме шарика? Матовый такой. Хоть бы проводку не прятали. Сделали бы уж совсем "винтаж". Проводку на керамических "роликах", выключатели в форме "сейфовых" ручек. Столько денег влупили и так безвкусно.

Скрипнула дверь. Я прикрыл глаза — моё состояние не гарантировало возможность отпора опасности, поэтому лучшая защита сейчас — прикинуться "шлангом". Желательно садовым, затерявшимся в траве.

Сквозь закрытые веки резко ударил свет. Я непроизвольно сжал веки. Спалился! Дальше играть в "спящую красавицу" не получится, судя по наклонившейся надо мной тени. Он явно должен был заметить мои сжавшиеся веки. Я резко открыл глаза... и чуть не вскрикнул.

Первой мысли не было. Ну не может в нормальном разуме возникнуть какая-то мысль, после увиденного — только испуг. Вторая мысль была уже оформленной, в том виде, как говорят обычно мамы о будущих анализах детей — это грим! Не один из братьев Гримм, а лицо, подвергнувшееся принудительному искажению, для придания ему художественной достоверности. Изрезанный хрен — тоже довольно ярко определяет эту физиономию. Все же видели корень хрена, так вот если его изрезать.... Тут вдруг это нечто начало расплываться в улыбке.... Как бы мягко объяснить.... Фреди Крюгер, маму его! Только потолще!

— Ты кто? — разлепил я губы.

А вот, Фреди Крюгер увидевший Фреди Крюгера.... Я по-другому не могу описать его реакцию. Что ж его так испугало-то?

— Grandzon Elidar, Grandzon Elidar! — Чудище бросилось от меня.

А как я то пере... пугался....

Пока меня оставили в одиночестве, у меня вдруг наступило просветление: шоу! Это всё какое-то юмористическое шоу! А кто мог подставить? Ну, конечно же! Тот, кто меня сюда притащил! Мы же в Питере! Тут розыгрыши наверно на каждом шагу! Сексапильные девочки — точно из моделей. Лёха, затянувший меня в клуб! Тело как будто проташенное мимо камеры, в которой я был! А единственный человек способный на такое и при этом не боящийся потом нокаута от правого прямого в голову... Лёха! Вот... чудак, на букву М. А-а-а! Думаешь, переиграл? Корявые

декорации друг, тебя подвели корявые декорации! Кто же вешает на потолок в таком случае китайский светильник! Свечи надо было, свечи! Ну, держись!

К последующему визиту актёров я был готов. Ко мне ввалились всё тот же "Фредди" и некий актёр в почти средневековом сюртуке и... брюках с завязками на шиколотке. Вы хоть бы фильмы о средневековье какие посмотрели! Режиссёр — бездарность. Декораторы — дилетанты. Костюмеры тоже от них далеко не ушли.

Я словно слабоумный стал мычать и говорить гортанным голосом:

— М-м-м, м-м-м. А-а-у-м. Л-э Х-а — ду-у-у-ра-эк.

Декорации понятно фуфло, но актёры... даже "Крюгер" чуть не заревел, бормоча что-то второму актёру. У того на лице была неподдельная печаль. Оскара им! Однозначно. Ну а когда после них забежала женщина лет сорока в средневекового покроя платье... и у неё потекли слёзы.... Я, замолчав, чуть сам не расплакался.

Мужик в сюртуке что-то спросил у "Крюгера". Тот ему ответил. Мужик спокойным голосом дал какое-то распоряжение и "Крюгер" испарился. Тут же поведение женщины и мужика изменилось. Если мужик просто подошёл и стал заглядывать мне в глаза, то женщина бросилась ко мне и присев на кровать стала трогать голову и гладить по волосам. Мужик тёплым тоном задал мне вопрос.

Не знаю, что на меня нашло. Так не сыграть. Я прямо чувствовал их. Ошарашенный своим открытием, я просто смотрел мужику в глаза не зная, что делать....

Пара актёров... или не актёров... что-то выжидала. Я же приводил мысли в порядок. Замок за окном — допустим. Может и есть где в пригороде Питера такой. Но моё беспамятство..., содержание взаперти против воли.... Я конечно не юрист, но тут пахнет уголовным делом. К чему-то вспомнились слова того, с противным голосом: в другом теле, в другом мире.... Баллончик газовый. Перелом! Мне же сломали руку! Это была не просто боль, и она не могла так быстро пройти. Опять же сотрясение!

"Крюгер" видимо сгонял за каким то лекарем, поскольку вернулся не один, а с плотным толстячком. Почему лекарем? Не знаю. Фонендоскопа у него, конечно, не было..., собственно, поэтому и не врач или медик, а вот повадки.... Он даже в конце пульс прощупал. Да и обстановка.... Полненький что-то начал объяснять паре актёров, что играли супругов, ну и.... моих родных?

Да нет. Этого не может быть. Так не бывает. Это.... Может, я сплю? А! Ущипнуть же себя надо! Больно.... Не-е-е. Актёры. Точно актёры!

Лекарь взял мою голову двумя руками, и тут.... Прямо, словно током ударило! Я наотмашь откинул его руки и попытался встать — пора заканчивать этот маскарад. Тело предательски дрожало и не давало над собой контроля. Лекарь вяло попытался меня остановить — я отмахнулся, и тут же почувствовал крепкую руку на плече. Мужик ничего не говорил, просто смотрел на меня. Но сколько же в его взгляде было воли! Я подчинился и успокоился. Мужик тихим, но властным голосом отправил лекаря из комнаты. Затем что-то приказал "Крюгеру" мельтешившему за их спинами. Причём он, мужик, даже не повернулся в сторону "Фредди". Даже я, не понимая этой тарбарщины понял по небрежному жесту что "Крюгер" теперь будет находиться в моей комнате. В моей? Да что за мысли? Да пошли они все.... Я вновь попытался встать. Теперь уже меня остановила женщина, прикоснувшись кончиками пальцев к плечам и что-то успокаивающе бормоча.... Когда она провела опять рукой по моим волосам, я вдруг

обратил внимание что вижу кончик своего носа.... Своего? Это... не мой нос!

Мысли никак не приходили в порядок. Я осознавал, что это не нормально. Понимал так же, что.... Да ни черта я не понимал! Хмырь этот ещё сидит на стуле в углу! Так-то страшный, да ещё и зыркает на меня почти не мигая! Сова, блин! Я даже в темноте видел его глаза. Светильник надо мной, кстати, тот страшный выключил сенсорно, то есть прикосновением. Нет, нет, мои глаза сомкнулись.

Проснулся я рано. Не знаю почему. От тишины. Абсолютной тишины за окном. У нас с бабушкой под окном была дорога и в это время уже начинали шелестеть своими моторами авто. "Крюгер" спал на полу. Всего его я рассмотреть не мог, но из-за края кровати виднелось плечо. Я поднял голову. На этот раз удалось — мне было значительно лучше. Серое одеяло обтекало моё..., вернее... не моё тело. Тело более короткое, да и ноги я не должен видеть с этого ракурса — "рюкзак" бы не дал. Повозившись, я смог достать из-под одеяла руку. Очуметь! Тонкие пальцы! Я что, подросток? Пальцы были ухожены, но на ладони были некие уплотнения появляющиеся обычно, если работаешь руками. Я опустил руку. "Каша" в голове не позволяла себя упорядочить.

Никогда не считал себя не собранным или не способным здраво мыслить в критической ситуации, но в данном случае земля была выбита из-под ног, вернее спины дня на четыре. Только я начинал осознавать своё положение, как мозг кричал: этого не может быть! И мысли вновь начинали искать доводы опровержения реальности. И потом опять я начинал понимать что я — это не я.... И так по кругу. Четыре дня! По прошествии их я смог вырваться из "петли безумной логики" на час. К этому времени я смог встать при помощи "Крюгера" не отходящего от меня ни на минуту. Тот же "Крюгер", вернее Пасот, так его называл тот мужик, помогал мне сходить в туалет, передвигая тело к краю кровати и укладывая на бок. Я не всегда попадал в деревянное ведро..., но Пасота не смущала работа тряпкой. А вот на третий день, когда желудок начал работать... мы с ним повозились изрядно чтобы посадить моё тело на ту же самую ёмкость.

На пятый день я жестами попросил Пасота помочь мне прогуляться. Мы находились в огромном, почти средневековом доме. Почему почти? Потому что различия были. Во-первых, эти шарообразные светильники с сенсорным управлением — это далеко не китайский ширпотреб. Они работали от какого-то внутреннего источника энергии, так как висели они на обычных шнурах. То есть не совсем обычных конечно, на древних верёвочках из натурального материала. Во-вторых..., это средневековье, но не наше. Не знаю, как объяснить. Это чувствовалось во всём. В стиле интерьера, в одежде служанок встретившихся нам по пути, в витиеватых татуировках на виске почти всех окружающих, за исключением, пожалуй, моих "родных" и нескольких врачей. Правда у одного тоже была, но почему-то голубая — возможно это знаки отличия в местной иерархии. Но самое главное в домашнем питомце. При этом, наверно, питомец был моим. Я бы от такого в какой-нибудь игре, не отказался, но в реальности.... Котик. Довольно милый котик песочного оттенка с изумрудно зелёной полоской вдоль спины. Несколько оригинальная окраска. Правда пасть этого котика была несколько длиннее, чем у земных сородичей и ушки побольше, и зубки..., и вообще он был мне по пояс. Почему я решил, что пет был моим? А потому что при виде меня эта рыже-зелёная тварь стала прыгать на метр, в высоту приближаясь весело ко мне. Знаете, бывает щенки, когда очень рады тебя видеть, не всегда контролируют мочеиспускание? Так вот я тоже слегка не проконтролировал когда эта тушка, припав на передние лапы в шаге от меня, вглядывалась мне в глаза и утробно зарычал. А так вообще милый зверь, я даже погладил его по голове, после того как смог двинуться, чем очень обрадовал мою няньку "Крюгера" Шерсть такая жёсткая-жёсткая, словно из проволоки.

После такого "знакомства" я показал Пасоту рукой в обратную сторону. И он, придерживая меня, помог развернуться. Зверушка от нас не отставала до самых дверей, где Пасот шикнул на него, не запустив в комнату. И, слава богу. Я бы уснуть, зная, что такой где-то рядом, точно не смог.

За эти дни я не произнёс ни слова, хотя элементарное — запоминал. То есть, пить, ну там ещё пара, в общем, то, что говорил мне Пасот. Звали меня Лигранд Элидар. Что из этого имя, я что — фамилия я пока не понял, поскольку Пасот ко мне по-другому не обращался, а мои родственники называли меня Rit. Может — сын, а может племянник, я со статусом не определился. Но было у меня подозрение, что Элидар — это фамилия, а Лигранд — имя. Просто к тому мужику Пасот обращался: Грандзон Элидар. Так что, либо Элидар — фамилия, либо у нас с тем мужиком одинаковые имена.

Кроме этих родственников у меня были, возможно, старшие брат и сестра, они приходили меня навещать пару раз. Сродные или нет — я по понятным причинам не знал. Брат — такой brutальный юноша лет двадцати пяти с косою саженью в плечах и...

понимаю что не в тему — клинком на поясе, а сестрёнка очень милотидная девушка лет восемнадцати. Теперь почему старшие. На вид мне было всего лет шестнадцать, может чуть больше. Довольно симпатичный парень с несколько нагловатой рожей. Сейчас конечно она была глуповата, но что-то мне говорило, что я ещё тот шельмец. Был.

Только мы вернулись в комнату, меня снова захватила тоска. Ну не может этого быть! А если это правда, то..., как же бабушка? И что с Лёхой? Может тот с гнусным голосом, потом возвращает всё на свои места? Последняя надежда была именно на это. Поскольку жить в мире, где в туалет ходят в ведро, а в качестве домашних питомцев держат довольно опасных тварей, мне не очень хотелось.

— Лигранд Элидар ukerte есть? — заискивающе спросил Пасот.

Я кивнул. Надо начинать говорить, а то я так никогда местный не выучу. Да и зачем он мне? Ведь это всё не правда. Это сон! Я просто впал в кому и теперь смотрю очень длинный сон.

На обед был суп из какой-то птицы. Птичка, судя по крылышку, торчащему из тарелки, была родственницей котика. Как минимум по размеру. Какие же здесь интересно лошади? К супу прилагался кусок хлеба и кружка молока. Обычное коровье молоко. Свежее. Практически парное и очень-очень жирное. Мне раз Пасот принёс охлаждённое молоко, так я пить не стал — там сметана такая сверху плавала — с детства не люблю пенку там или ещё что такое.

После обеда был сон-час. Обычно я не засыпал, продолжая заниматься самобичеванием своего разума, но не сегодня. Казалось бы, недолгая прогулка вымотала меня, ну а обед нагнал дрёму.

Проснулся я от бормотания "няньки" в коридоре. Уж этот скрипучий голос я за прошедшие дни от других отличал. Бормотание в коридоре значило одно. К больному пришли посетители, и Пасот докладывал обстановку. Я постарался занять полусидящее положение, отодвинув круглую подушку на спинку кровати.

Посетителем, вернее посетительницей была предполагаемая сестра. Наиболее лучшего момента начать говорить и не придумаешь. Дело в том, что начинать со слов есть или пить может и разумно, но... мне действительно было жаль этих людей, искренне переживающих за меня. Они то, ведь ни в чём не виноваты. Глядя на них, я сразу вспоминал бабушку — даже представить боялся, что с ней будет, когда меня там потеряют. Хотелось сделать этим людям, потерявшим сына и не догадывающихся об этом, приятное. А что может быть более приятным,

если я начну говорить, то есть покажу что я... ну... что-то вспоминать начал, именно с них. Только вот с именами моих родителей было не совсем понятно. Ведь наверняка я, то есть тот, кто был до меня, маму называл не Виолета Сергеевна, скажем, а именно мама, а папу — соответственно местным "папа". Ну не называть же мне его Грандзон Элидар. А вот с сестрой проще. Наверно можно и по имени, тем более у неё оно из одного слова — Симара. Я просто слышал, как предполагаемая матушка обращается к ней. И так.... Я замер в ожидании сестры, кстати, очень привлекательной девушки, гораздо симпатичней, чем те стервы из Питера. И вот она, вступив в комнату, с некоторой жалостью смотрит на меня....

Я умею ждать. Сестра, постояв у дверей некоторое время, наконец решившись, подошла ко мне и присела на кровать. Я подозреваю, что местные, вообще не носят нижнего белья. Не подумайте чего плохого, я никуда не заглядывал, но уж больно плотно обтекала юбка, то есть платье, её. Ладно, это отступление, тем более, что это предполагаемая сестра. Сев, она начала что-то вяло щебетать. Представляю её состояние. Брат, явно приложившись головой обо что-то твёрдое, ни черта не понимает. Но я ведь действительно не понимал её.

— Симара, — прошептал я.

Разумеется, это звучало на русском, но я же "ударенный".... Вы не представляете, что тут началось. Короче, я точно её родной брат, а вот те двое — мои родители. Они явились сразу, как поднялся вой. Женщины! Я смутно подозреваю, что это какие-то инопланетяне, закинутые к нам.... Хотя почему инопланетяне, я вот готов поверить и в рай и, что более правдоподобно, в ад. Может они оттуда. Теперь, по сути. Она раскрыв и без того большие глаза, а настолько больших, я не видел на Земле. Предполагал, что бывают, но не видел. Тут эти большие глаза.... А вот дальше мне было отнюдь не до шуток. Ладно, тот ливень, который хлынул из них. Бог с ним, её рыдания у меня на груди, но ведь она привела всех! И тут я спасовал. Сказать, что я был растерян.... А как их называть? Назову Грандзон Элидар, могу ведь и накосячить. Собрались все, даже котяра. Котяра! Он меня спас! Не зря я его в прошлой жизни выбрал. Котяру звали Пруп. Вот что-что, но это я чётко запомнил.

— Пруп! — Я обнял спасительную тварь.

Думаете легко обнять того, кого боитесь. А-а-а, ну да, это же домашняя зверушка, которая не может причинить.... Тварь это! Зверь! Я не смеюсь. У него клыки сантиметров по пять! У меня сердце чуть не выпрыгнуло, когда я обнял этого зверя. Полагаете, он такой пушистый зверёк? Это хищник! Животное, которое ест мясо! Мясо! Мясо — это я.... Мне, правда было не смешно.... Перед тобой стоят люди, которые надеются.... Не было у меня мамы.... Не знаю я.... Бабушка была, но вы же не смотрели в глаза этой женщины..., а я смотрел. Не мог я по-другому. Я встал и потянулся к ней.... Козёл я конечно. Но..., не смог я лишиться мать сына....

Не буду рассказывать последующие дни. Я — притворялся. Родные этого мира — радовались. Я ночью вспоминал своих....

Хотя нет, кое-что интересное и очень непонятное было. Дело в том, что после попадания в этот мир я заметил некий дефект моего зрения. Глядя на некоторые предметы, я видел свечение. К примеру, внутри всех светильников, даже если не включены, мне чудилась "голубенькая звёздочка". Изначально я подумал, что светильники газовые и это горелка розжига, но... так же светилась третья пуговица на камзоле "отца", кулон на шее "матери", клинок и перстень "брата" и кольцо "сестры". Да и вообще по дому было куча предметов, которые "светились голубым", какие то больше, какие-то — еле-еле, например некоторые двери и обувь членов семьи. Даже котяра пусть очень слабо, но светился. Так вот, день на восьмой моего пребывания в этом мире "отец" пришёл ко мне с каким-то джентльменом. Просто костюм этого

"интеллигента" был если не двадцатого века, то строгим по местным меркам. Никакой вышивки, никаких рюшечек, всё стильно. Но это я понял потом. А изначально... он полыхал! В прямом смысле этого слова! Весь прямо светился голубоватым оттенком. И когда он делал какое либо движение, то свет словно..., как бы объяснить.... Вот если в темноте резко переместить бенгальский огонь или неоновую палочку, то остаётся след. Так вот тут то же самое, только "след" остаётся значительно дольше. Светящийся незнакомец держался с "отцом" ровней. Это тоже была странность. Я раньше не обращал на это внимание, но... все, включая "мать" держались несколько уважительно к "отцу", не могу объяснить, но это факт пусть и субъективный. А этот господин говорил с ним наравне. Ладно бы эта странность. Этот господин, переговорив с "отцом", подошёл ко мне и "отец"! "Отец"! Пододвинул ему стул!

Господин поманил меня руками. Я, глянув на "отца" присел и наклонился к светящемуся. Он попытался взять мою голову в руки, но я самопроизвольно отёрнулся, так как они, руки, стали наливаясь массой света. Да, именно наливаясь и именно массой. Они не стали ярче или ещё что-то, просто свет, таившийся в них, стал гуще. Нет, нет, но я решился отдать свою голову ему в руки.

Наверно со стороны я бы посмотрел на это представление — красиво, но когда ты сам чувствуешь в нём.... Потоки света из его рук сначала лились к голове. Стало так легко-легко, потом жгуты голубоватого огня прошли по всему телу. При этом светящийся не прикасался ко мне. По всему, значит по всему, даже по мужскому достоинству, которое под влиянием этого светового тумана слегка набухло. Можно сказать, что светящийся провёл тестирование моего организма, так как остальные части тела реагировали похоже — сердце участило биение, желудок заурчал, мышцы напряглись.

Закончив "тестирование" светящийся пристально посмотрел на меня. Затем поднял обе руки. Между его ладонями сначала появилась маленькая точка света, затем она стала больше, потом ещё больше.... Я в это время вжимал голову в подушку всё сильнее. После того как свет достиг размера теннисного мячика, он стал медленно перемещаться от одной руки джентльмена к другой и обратно. И вдруг свет в доли секунды рассеялся, словно впитавшись в ладони мужика.

Светящийся резко встал и начал что-то тихо говорить "отцу".

Я долго потом обдумывал этот визит, но так и не смог понять полностью. Одно было точно ясно — это не обычный лекарь. Были и ещё мысли..., но я их гнал от себя. Мистика и подобное.... Больше светящийся в нашем доме не появлялся, зато меня стали регулярно поить светящимися жидкостями, после которых моё самочувствие резко улучшалось, а голову мазать светящейся мазью. Как бы объяснить.... Медицина этого мира на уровне. Действие этих препаратов начиналось практически моментально и очень ощущалось. Шишка на голове вообще за день исчезла.

Вообще жизнь этого мира довольно размеренна. Хотя, возможно это мне так казалось, только вот в последующие месяца ничего существенного не происходило. Я — изучал язык и наблюдал, родные — радовались этому. Со двора, огороженного каменной стеной меня не выпускали, хотя спустя месяц я и пытался проситься. Так что чего-то нового я не мог познать. Луна в этом мире была, это, кстати, меня окончательно убедило, что я не на Земле — Луна была несколько меньше размером. Звёзды понятно рисовали совсем другие узоры на небе.

Подозреваю, что раньше я был очень избалованным ребёнком — младший всё-таки. В конюшне у меня был лучший жеребец, к которому меня, правда, сейчас не подпускали — я помнил его из видения. Именно с него я и навернулся во время охоты за местной дичью, то есть в момент

перехода в этот мир. У меня был свой клинок. Был шкаф с кучей костюмов. Были украшения — перстень и кулон подсвечивающийся голубым. Если в двух словах, то я был "золотым ребёнком", и подозреваю что в прямом смысле слова.

Несколько неловкий случай произошёл месяца через два после визита светящегося. Подозреваю, что этот инцидент повлиял на последующее моё пребывание в этом мире.

Меня выгуливали во дворе. Выгуливали — потому, как, за мной были закреплены две сиделки и "Крюгер", то есть Пасот. В наш довольно уютный дворик двухэтажного особняка рядом с локотским дворцом раздался стук. Стук, это вот не то, что постучать в калитку — это стук. Реально какой-то придурок долбил в ворота.

Прислуга взбаламутилась. Метались юбки, слуги, охрана.... Только я был оставлен на произвол судьбы — как назло отправил всех восвояси и отдыхал около ворот. Это была большая редкость, поскольку слуги (а это те, кто с тату на виске) относились ко мне очень трепетно. Насколько? Очень! Как бы объяснить.... Я тут изволил мыться.... В купальне.... Есть тут такая комната с махонькой бадьёй, в которую я еле влезал.... Так вот. Я, приняв все процедуры, решил вытереться простынями, полотенца как таковые были наверно не изобретены. Так вот.... В этот момент вошла прислуга.... Лура зовут.... Я до этого просил её местный чай из трав принести. А она дело прошлое ну не секс бомба конечно.... Но, рассмотрев мою реакцию на неё, улыбнулась... подошла... встала на колени... и.... Я больше без неё не принимал купальню. Ну, вот такой я капризный. Мне очень начинал нравиться этот мир.

Так вот. Я отдыхал около ворот, это было моё излюбленное место. Во-первых, тут шикарная беседка, в которую по моему повиновению приносили травяной отвар. Во— вторых, во время редких открытий ворот я видел улицу, по которой катались кареты, телеги, ходили люди — развлекался, как мог. Теперь суть возникшей проблемы. Пока все металась, про меня естественно забыли. Я же не знал тогда.... Получилось глупо конечно. Вот зря промывают нам головы женщины по поводу эмансипации. Нормально они живут в нашем мире. Расскажу с моей точки зрения.

Въезжает в ворота некий тип довольно прилично выглядящий — само по себе для меня уже событие. Конь там, в ажуре и одежда такая нехилая — я понятно пока от местной моды несколько обескуражен, но у этого видно, что богатая, но, тем не менее, не ляпистая, как у "отца" к примеру. В общем, въезжает этот тип и, не реагируя ни на кого, в том числе и меня, что-то кричит. Из дома выходит моя сестра... и, склонив голову, приближается к нему. Я в этот момент уже тоже подошёл к ним — местный дурачок — всё можно. Дома ни матери, ни отца. Лишь двое стражников. И тут этот тип, спустившись с лошади, от души отвешивает ей пощёчину....

А я был рядом. Ну и самопроизвольно.... Этот тип смотрел на меня нелепо, сестра стояла на коленях.... Короче я его уронил его ударов за пять, не смотря на то, что он в более тяжёлом весе, чем я в нынешнем теле. Он меня тоже вскользь зацепил. Охранник стоял и не знал что делать, боясь прикоснуться и ко мне и к нему. Разняла нас сестра.

Ну, я же не знал! Это оказалась церемония встречи мужа вернувшегося с войны с женой. Ну и что, что войн нет. Церемония то осталась. Средневековье, одним словом. Сестра, оказалось, была замужем, а муж военный и уезжал куда-то там.

Кончилось всё хорошо. Муж сестры — Зарук, оказался адекватным парнем и всё понял. Вечером мы сидели за одним столом, и он улыбался, поглядывая на меня. Синяков и раны на губе уже было почти не видно. Мне руку и голову тоже намазали некой мазью, после которой

сбитые казынки подёрнулись розовой кожей за час. На голове наверно тоже самое. Разговор идущий за столом я понимал только наполовину, но это даже забавляло. Скучно нашему разуму в этом мире. Читать я не умел. Телевизором и ПК тут, разумеется, и не пахло. Все дни однообразны. Вот я и развлекался, угадывая суть разговоров, по тем словам что понимал.

В этот раз беседа была интригующей — центром разговора стал храбрый я. Можно было расслабиться и почитать на лаврах.... Зарук отозвался о моём поступке положительно. "Отец" и "брат" тоже, ухмыляясь, одобрили. Женщины не имели права подачи голоса за столом. Всё хорошо.... Только вот монолог отца о том, что он хочет отправить меня к его отцу, то есть моему деду, так как если вдруг кто-то придёт, и я так же встречу, то будет не смешно.... И тут бы я не насторожился, только вот "отец" спросил, что-то типа: хочу ли я? А я, имея лишь элементарные лингвистические знания, ответил: "Да". "Брат" тут же отметил, мол, если раньше сомневался в потере мной памяти, то теперь полностью уверен в этом. Все, кроме Зарука, заулыбались.

Вскоре я забыл об этом разговоре, а зря. Местные чем-то похожи на русских — долго запрягают. Через месяц пришёл лекарь и, осмотрев меня, дал положительный вердикт о моём здоровье, отец сказал, что завтра я отбываю....

Глава 3

Если бы я знал, то никогда бы не произнёс тогда: да, только из-за одной дороги. Дедушка оказывается жил далеко не в соседнем доме. Месяц! Мы добирались до его владений почти месяц!

Сопровождал меня Корндар — брат. Тоже Лигранд. Лигранд, это звание знати что ли.... Означало оно сын Грандзона. Грандзон — это наш отец. И его и меня звали Элидар. В дорогу с нами отправили четырёх конных воинов и Пасота в качестве слуги. Пасот сидел вместе с кучером и шёпотом травил тому байки.

Первое время было интересно. Карета, дорога, ночёвки в трактирах. Я глазел и впитывал информацию и даже несколько раз останавливал карету, чтобы походить по местному лесу. Тут такие забавные растения встречались.... Но через две недели надоело. Все деревни и трактиры одинаковы, карета — это далеко не автомобиль — трясёт временами так, как будто и нет кожаных ремней — амортизаторов. Да и пейзаж: лес — поле осточертел. Брат сказал, что отец сказал... в общем, по какой-то неизвестной Корндару причине мы ехали задворками, а не по центральному тракту. Я так стал понимать осла из Шрека....

Разговор с братом особо не клеился, ввиду моего малого словарного запаса и отсутствия общих воспоминаний, то есть тем для разговора. Но, брат с удовольствием отвечал на мои вопросы.

Как бы, я многое понимал, и в принципе мог за эти месяцы достичь гораздо больших результатов в акклиматизации к этому миру, но.... Я очень осторожно подходил к этому вопросу. По легенде я местный, потерявший полностью память, и если вдруг я начну проявлять феноменальные знания, скажем в математике или там..., да собственно кроме наук я ничем похвастаться бы и не смог, только это всё равно будет выглядеть подозрительно. Поэтому, я не изображал из себя умника рвущегося к знаниям, а старательно играл роль "дурочка" который учится говорить.

Корндар был своим парнем и развлекал меня как мог. К примеру, когда мы ужинали в трактире, а действие это проходило в наших комнатах, а не общем зале, так как нам "не пристало есть с простолюдинами", он не запрещал мне дегустировать вино, бутылочка

которого в обязательном порядке прилагалась к местным яствам. Не пристало есть с простолюдинами — это мне брат объяснил. По факту же я знал, что вечером он не брезгует спускаться туда, дабы продолжить изучение винной карты и оценить достоинства прекрасного пола. Стыдно ему, в общем было. Толи пить при мне, толи пить со мной — я не вникал и не обижался на него. Закрывшись в своей комнате, я обычно или старался уснуть, или страдал бездельем. Клинком, например, баловался. По статусу мне было неприлично показываться на улице без этой железки на поясе. Железка была великолепна и что странно несколько легковата для такого объёма металла. И кстати меч был одним из "светящихся" предметов. Смутно у меня начинали возникать подозрения... но это было бы вообще сумасшествием.

Я был бы рад скрасить вечера в беседе с Пасотом, но ему не разрешалось ночевать в трактире. Для таких как он — с татуировкой на виске, на заднем дворе трактира был отдельный сарай.

Из увиденного, путём логических размышлений, я вывел, что татуировки на виске, это не знак принадлежности к слугам, это знак рабства. Почему так решил? Потому что мы встретили пару групп людей в кандалах и замызанной одежде. Первый раз они шли пешком, второй — ехали на телеге. В обоих случаях у всех, кроме сопровождающих были вот эти завитушки на висках. В эту же теорию попадала и отдельная ночлежка для Пасота, и Лура с её поведением. Я уверен, что если бы тогда захотел, то секс бы у нас был. Не то что бы это было уж таким открытием.... Я и раньше замечал — охрана и кухарка, например, были без тату. Причём все "меченные" жили в отдельном домике, даже с виду не очень презентабельном и не выходили за пределы двора, а без печатей — могли и на сутки пропасть, да и жили в нашем доме, только в отдельном крыле на первом этаже. К пониманию, что в этом мире рабовладельческий строй я отнёсся спокойно. А что было делать? Прыгать и кричать: да как вы можете?! Это же люди! Отпустите их немедленно! Я и так на положении "ударенного по голове". Да и некоторые аспекты были даже приятны. Но и высокомерно к Пасоту, скажем, или другим слугам, я не относился. Вот Корндар, например, на людях даже не разговаривал с рабом. Максимум указания давал. И на меня ворчал, если я разговаривал с рабом при посторонних.

— Корндар, расскажи про деда, — слова дед, как такового в языке этого мира не было, поэтому на местном моя просьба слышалась так: Корндар, расскажи про отца отца.

— Правильно говорить отец моего отца, — скривившись, поправил меня брат.

Скривился он не из-за моего вопроса. Сейчас как раз был такой момент, когда я знал, но не мог показать, что знаю. Так и хотелось сказать ему: да похмелись ты, наконец! Но возникнет подозрение — а откуда я знаю? Я как бы конечно играл роль человека, к которому память немножко возвращается..., но так как в действительности она совсем даже не возвращалась, и я не выпячивал напоказ знания.

— Отец моего отца, — повторил я.

Так повелось. Если Корндар поправлял меня — надо повторить.

— Нет. Отец моего отца, — медленно повторил брат.

— Отец моего отца.

Брат покачал головой. Произношение у меня прихрамывало.

— Отец моего отца. Отец моего отца. Отец..., — начал я повторять шёпотом пытаюсь найти произношение Корндара.

— Балзон Пионат, это cretot.

— Что значит, cretot?

— Сильный человек. Только не мышцами, а..., — брат покосился на меня.

На все сто уверен, что он сейчас подыскивает слово из моего лексикона, чтобы избежать нового вопроса, или такое, чтобы потом можно было объяснить, так как пару раз он попадал в ситуацию, что не мог разъяснить значение.

... умом, — наконец разродился брат, — смелостью.

Вернее всего духом, так как брат нахмурил брови — привирает. Была у него такая привычка — когда врёт — хмурит брови.

— Я когда... был у него, — Корндар старательно подбирает слова, — мы называли его железный отец.

— А у тебя нет вина? — решил я спасти Корндара.

— Нет, — вздохнул он.

— А где вещи лежат? — я подразумевал багажное отделение сзади.

— Там отец деду отправил.

Представляете, как смешно звучала эта фраза, с учётом того, что дед — отец моего отца.

Я показал Корндару три пальца и загнул один. Ну а чего? Две мы доведём или три.... Ну разбили одну.

— Роут останови! — крикнул брат кучеру.

Через десять минут мы по свойски, то есть прямо из горла, так как в бокалах вино можно и расплескать, распивали напиток с великолепным ароматом и вкусом — не чета тому, что мы брали в трактирах.

Если бы я знал куда еду, попросил бы брата не торопиться в дороге. Вы были в армии? Имение деда не далеко ушло. Как оказалось это семейная закрытая школа, ну или университет, тут всё относительно. Образовательных учреждений как таковых в этом мире не было, хотя нет, были, для рабов. Забавно звучит, да? Об этом позже.

Имение. Серая каменная крепость с большим трёхэтажным домом, примыкающим к одной из стен, высоким, каменным же забором и хозяйственными постройками во дворе. Встретило оно нас, сразу погрузив мой разум в настоящие реалии этого мира. Мы вышли из кареты, остановившейся на довольно сером и унылом дворе. Мрачность имения подчёркивала сцена наказания какого-то человека. Прямо как в кино, только вживую. Упругими палками по спине! Корндар даже не глянул в ту сторону, а вот я залип, слегка прижмуриваясь при каждом ударе. То, что мужику очень больно было понятно и без звука. А его крики так вообще.... Зверство.

— Лигранд Корндар, Лигранд Элидар, — произнёс довольно молодой голос, — позвольте представиться, Либалзон Коррский Дарнит, — паренёк пристально разглядывал меня.

— Я рад нашей встрече Либалзон, — поприветствовал парнишку лет четырнадцати брат, после

чего склонил голову в сторону двух девчушек примерно восьми и одиннадцати лет стоявших несколько поодаль и оторвавшихся от созерцания истязания человека ради нас. Хотя та, что по младше косила глаза в ту сторону и сейчас. А вот постарше — изучала меня.

Девчушки элегантно присели, слегка разведя кисти рук в стороны. Получилось очень мило. Этакий местный книксен. Вообще очень милые девчушки в платьишках почти до пят, мило наблюдавшие до нашего приезда за истязанием человека. Со спины к ним подошла статная дама. Однозначно гувернантка или её подобие. Я в фильмах видел. Убедило меня в этом то, что дама, подойдя сбоку от девочек, молча встала, глядя на них. Обе девочки ей слегка кивнули. Еле, еле заметно.

— Лара Мирисса, Лара Тирита, прошу вас на ditten.

То, что я не всё понимаю, я уже привык, но вот кивок девочек... Точно так же разрешал говорить слугам и рабам отец, так же брат, даже мама и сестра делали такие же кивки. То есть девочки явно выше по положению, чем дама пригласившая их. Ну а когда она повернулась боком, и я увидел голубую печать..., всё встало на свои места.

— Мне тоже надо идти, к сожалению, — слегка опустил голову парень.

Эстафету мальчишки перенял седовласый старик, проводивший нас в дом.

Дед встретил нас в своём кабинете. Основную суть разговора я не уловил, так как там мелькали и незнакомые имена, и незнакомые фразы, понял лишь то, что это скорее очередная традиция, поинтересоваться здоровьем и делами всех родственников до седьмого колена. А может, деду действительно интересно было. Обмен информацией в этом мире происходил несколько замедленно. Единственное что я чётко понял, так это то, что все мы, то есть дети из нашей семьи, думаем лишь о юбках и вине, разве что сестра исключение, она о вине не думала. В общем, дед был не очень обо мне хорошего мнения. Оказалось, я уже учился здесь и... был завязан в каком-то скандале. Корндар при упоминании этого заулыбался, а дед на него хмуро рыкнул.

— Что я сделал? — когда мы вышли, спросил я брата.

— Не понял?

— Почему дед сердится на меня?

— А-а-а, — Корндар заулыбался и подмигнул мне. — Да ты легенда имения деда. Ну а теперь уже дважды легенда....

— Корндар! — раздалось из кабинета.

Я неосмотрительно задал вопрос около дверей. А брату только что попало за две бутылки вина.

Ну да. Мы потом ещё одну. А оказалось, что отец упомянул о подарке в письме, которое мы же и передали. Дед вышел из дверей:

— Ратс!

— Да, балзон! — из дверей напротив вышел тот седовласый старик.

— Проводи либалзона Элидара в его комнату. Либалзон Корндар сам найдёт дорогу.

Странности только нарастали. Вообще как объяснил мне Корндар, я лигранд. А тут либалзон....

Комната была не шикарной, но вполне даже ничего. Такой средневековый минимализм. Всё резное, но мало: кровать, стол, два стула и шкаф, одна половина которого была плательной, вторая — с полками. В вещах у меня минимализм отсутствовал — сестра собирала. А она девушка дотошная. Даже зубных щётки (палочки с присобаченной на неё шерстью) было две.

Спустя минут двадцать раздался стук в дверь. Я, подождав пару секунд, подошёл и открыл. Слуга стоявший за дверью, похоже, не ожидал, поскольку выглядел растерянно. У паренька, который встретил нас во дворе, потихоньку поползла улыбка. Он стоял сзади слуги.

— Либалзон Элидар, к вам либалзон Дарнит, — наконец ожил слуга.

— Прощу, — пожал я плечами.

Слуга выверенным движением отошёл в сторону. Я тоже. Мальчишка прошёл в комнату.

— Вы действительно, gurrety человек, — важно произнёс парень.

Я если честно замялся. Сложно ответить человеку, фразу которого ты не понял.

— Либалзон Дарнит. Э-э-э. Я не так давно перенёс травму, — вот медицинских, вернее лекарских терминов я успел нахвататься и от эскулапов данного мира, да и от родных. — И мне несколько сложно подбирать слова. Что значит — gurrety?

Парень пару раз моргнул, потом сообразил, что надо ответить:

— Не такой, как все, — наконец провернулись его шестерёнки.

— Чем же?

— Я не видел, чтобы так слуг... удивляли. А вы действительно ничего не помните?

Я уже понял, что сделал нечто не по стандарту. Но Пасот первое время вообще входил без стука, а потом стучался и заглядывал. Вы — меня тоже несколько нервировало, тем более, что вы звучало когда обращались к одному человеку как... "Ввы", если на русский, то есть с некоторым продлением согласной. Вообще в местном языке превалировало продление согласных, если слово должно было подчеркнуть что-нибудь. Например, значимость собеседника. Так то незнакомая обстановка, ещё этот.... Но нам ещё так полагаю долго общаться.

— Либалзон Дарнит, — начал я свою пламенную речь, — мы можем.... Мы же родственники?

— Да, Либалзон Элидар. Я сын брата Ввашего отца.

Прямо вообще нервировал.

— Мы можем не говорить титулы.

Парень просиял.

— Дарнит, — протянул он руку.

— Элидар, — я пожал её на местный манер, то есть, прижав большой палец к остальным, и

указал второй рукой на стул.

— С тобой будет весело, — уведомил меня мальчишка. — Ты, правда, ничего не помнишь?

Я помотал головой.

— Даже как охотились на лервума?

— С плоским хвостом?

Мальчишка кивнул.

— Его помню. Как падал, помню.

Я действительно помнил того гепарда, за которым гнался.

— А как в локотский лес пробрались?

Одну легенду я о себе узнал. В тот момент, когда я, собрав вещи, переселялся в этот мир, мой предшественник устроил охоту в лесу локота на запрещённого к охоте (всем, кроме локота) зверя. Локот, это типа местного губернатора области, только с монархическим уклоном. Если не король.... Да практически! Подозрения о том, что я шельмец, очень выросли. Несколько обескуражила конечная фраза парня:

— А у тебя Suisken Harits память забрали? — чуть не шёпотом спросил он.

Я только пожал плечами.

— Что значит Harits? — это слово я уже слышал несколько раз и понимал, что это какой-то человек, но каждый раз ситуация была неблагоприятная чтобы узнать значение, ну а потом я забывал и переключался на другое.

— Harits, это... Harits.

Объясняльщик из мальчишки, знаете ли....

Брата я увидел только на ужине, причём нас посадили подальше друг от друга. Подозреваю специально. Что меня несколько удивило, так это то, что те две девчонки, разговаривали за столом. У родителей такое было не позволительно. Особенно сестре. Она даже слугам шептала, что ей принести.

Последний, то есть крайний раз за последующие годы, я увидел брата, когда он отъезжал на утро.

— Не купайся с Ларами хотя бы полгода, — прошептал он мне на прощание.

Томить не буду. Я тут уже года три назад обучался.... Ну и умудрился уговорить двух очень знатных Лар принять вместе ванну, деревянную бадью то есть. Голышом разумеется. Мне тогда было тринадцать, а Ларам по десять — одиннадцать. Ничего серьёзного. Возможно, потрогали друг друга. Короче нас застучали. Скандал бы-ы-ыл! Лара, это незамужняя девушка, ну или девочка. В общем, меня отсюда в прошлое обучение со звоном выдворили. Репутацию имению деда я подпортил тогда знатно.

Только брат отъехал, ко мне подошёл Ратс, тот самый седовласый дед. Я повернулся и

установился на него. Удивительная у деда способность — вроде смотрит на тебя, но не в глаза. Тут до меня дошло, и я кивнул.

— Балзон Пионат приглашает вас в свой кабинет.

Дед. Довольно сухощавый пожилой человек. Старым его назвать я бы не решился. Ни морщин, ни седины. Спина прямая как палка. Гладко выбрит. Кожа на волевом лице слегка коричневатого оттенка. Цепкий и пронзительный взгляд. Одет в неброский костюм чёрно-серого оттенка. Камзол подпоясан ремнём с кольцом для ножен.

В гляделки, стоя друг напротив друга мы играли около минуты.

— Присаживайся, — наконец он отмер и указал мне на стул напротив стола, сам же стал прохаживаться рядом. — Твой отец написал в письме, что ты потерял память.

— Да.

— Не соilen, — повысив слегка голос, осёк он меня.

— Что значит соilen? — Понимаю что разговор у нас с ним серьёзный, судя по тону, поэтому решил прояснить для себя каждое слово.

— Не говори, когда говорю я.

— Хорошо.

— М-да, — видимо мой вопрос сбил его настрой, поскольку он сел за стол и вновь установился на меня.

— Зачем Элидар отправил тебя ко мне?

— Учиться, — обескуражено произнёс я.

— Элидар не всё написал в письме — тут стоит пометка — значит что-то недоговорено. Вспоминай, что сказал Элидар когда отправлял тебя.

Я задумался:

— Сказал, что мне будет у тебя лучше.

— Что ещё? — У деда при обращении к нему на ты глаза чуть сузились.

Отец, когда провожал, многословен со мной не был. Впрочем, он вообще не очень разговорчивый человек.

— Сказал, что я что-то посмотрю, но я не понял что — слово незнакомое, а переспрашивать не стал. Ещё сказал, что ты научишь меня по-другому смотреть на вещи

Дед ещё больше сузил глаза. Потом выдвинул ящик стола и достал оттуда перстень. Ярко "светящийся" перстень. Я понятно стал его разглядывать.

— Что видишь?

— Перстень.

— Он светится? — Фраза была произнесена несколько нервно.

— Да, — удивился я,

Раньше на тему моего дефекта зрения я ни с кем не говорил.

Дед откинулся на спинку стула и, надев перстень, сложил руки замком на животе. Помолчав пару минут, он изрёк:

— Как Элидар вообще выпустил тебя за ворота дома....

— Наверно из-за того, что я ударил Зарука.

— Расскажи, — дед несколько заинтересованно посмотрел на меня..

Вот же! Теперь я почувствовал себя в шкуре своих родных, когда они что-то объясняли мне. Это вопросы задавать легко, а вот рассказывать....

— Зарук приехал. Была... встреча, когда надо всё по правилам, с сестрой.

Я не знал, как сказать "церемония". Мне самому объяснили, что это такие правила при встрече мужа и жены.

— Зарук ударил рукой сестру, — продолжил я. — Я ударил Зарука.

— Один раз? — серьёзно спросил дед.

— Пять, — ответил я. — Потом Зарук сказал, что хорошо, что его, а не Грандзона другого. А отец сказал ладно Грандзона, а если Harritsa. Решили меня отправить к тебе.

Дед слегка улыбнулся:

— Понятно. Память у тебя выпала, а вот last остался.

Переспрашивать что такое last, я не стал. И так понятно, что ничего хорошего. В лучшем случае, last — это характер, в худшем — дурь.

— Ладно. Комнату найдёшь?

Я кивнул.

— Я подумаю, как тебя учить. Вечером поговорим. Иди.

— Что это за свет?

— Это Наг.

— Что значит Наг?

— Сила такая. Потом расскажу. Никому не говори что ты видишь свет.

— Хорошо. Что значит Harrits? — решил я прояснить всё-таки для себя самого ситуацию с не единожды слышанным словом.

Интуитивно я понимал, что это связано со светом.

— Человек, который может управлять этим светом.

— А что значит Suisken, — вспомнил я слова мальчишки.

Дед встал и подошёл к карте, изображённый материк на которой был поделен на клочки.

— Вот это показал он на один из клочков — локотство, — он посмотрел на меня — понимаю ли?

Я кивнул.

— А вот это, он взмахом обвёл кучу мелких "клочков" и есть Руизанская Suisken.

— А это? — ткнул я в большую область с округлой границей.

Зря Корндар наговаривал на деда. Нормальный мужик.

— А это орочьи земли.

Слово орк я знал. Пасот мне показывал книгу с чёрно-белыми рисунками, где была нарисована этакая обезьяна с клыками, орк, одним словом. Хотя я для себя перевёл именно как обезьяна. Но если у обезьян есть земли.... Да не-е-е. Этого не может быть....

Свою комнату я чуть не прошёл — задумался. В этот день у меня был первый залёт — я разобрал светильник у себя в комнате. Совсем. Вместе с составной медной бляхой сверху, в которую, был вставлен "светящийся" камушек. Бляха обратно склеиваться отказалась.

Глава 4

Помнится, я как-то подумал, что дед нормальный мужик.... Беру свои слова обратно. Подъём, как только солнечный диск встанет наполовину от горизонта. Отбой — когда скажет дед. Это был отрезвляющий душ после расслабона в доме отца. И это было именно то, что мне необходимо. Днём занятия, практически непрерывно. Грамота, математика, мечный бой, вольтижировка, география, этикет, духи бы его забрали, танцы — это далеко не полный перечень. Что будет если отлынивать? Можешь ехать обратно. Никто не держит. Знать, прежде чем выпустить своих отпрысков в этот жестокий мир очень старалась подготовить их. Как говорил дед, кем бы мы не стали, нам придётся много и упорно работать, не признавая праздников и времени суток. Станет, кто из нас балзоном — будет в ответе за свои земли, грандзоном — за управление локотством, вернее какой-то его структуры, Ларам же светила забота о доме и муже.

Вы не представляете, сколько всего должен знать либалзон! С кем можно первым разговаривать с кем нельзя, когда рабы могут к тебе обращаться, на каком пальце перстень у грандзона, а геральдика и словесность.... У-у-у.... Ладно хоть математику учить не надо, но на занятия, в целях конспирации, я всё равно исправно ходил. Конспирировался я не просто так. В этом мире верили и в духов и костры были.... Кстати, я узнал, почему я либалзон. Либалзон, это титул наследника земель, а не ребёнка балзона. Я уж не знаю, как там отец договорился с дедом, но тот дал как ему, так и нам, то есть мне и брату, право на наследование. И наследование причём не подразумевает очерёдность. В случае чего балзонство придётся пилить. Только тут тоже есть хитрость. Со слов деда, отец, подозреваю не без использования служебного положения, оформил от нас с братом дарственные бумаги без даты на наши доли. Такой финт был связан с небольшим размером балзонства. Дело в том, что если балзон

прекращал платить налоги, то его балзонство могло уйти государству, то есть локотству или империи. Ну а с маленькой земли налоги платить практически нереально, так как это будет в убыток. Хотя и такие балзонства тоже есть. Это когда ради титула кто-то богатый платит за клочок земли необходимые налоги. В общем, так как балзонство деда и так то было не большим, то делить его было нельзя.

Учёба у деда была не сахар. Но, не смотря на это мне-то действительно грех жаловаться на годы, проведённые в этом доме. Я выучил язык. Я научился писать и читать. Я первый раз в жизни сел на лошадь. Я мог держать клинок в руках. Для последнего, был приобретён отдельный преподаватель, так как старый раб, практикующий мечный бой у мальчиков был мне физически не ровней. Да, все учителя, а их было всего три, с учётом раба для обучения мечному бою меня — четыре, были слугами или даже рабами. Жёстко, очень жёстко для детей такой график учёбы, но я то не ребёнок. Я очень многое вынес из этого имения....

Про первых два года, рассказывать не о чём. Учиться, учиться и учиться. Тренироваться, скакать, танцевать, писать, слушать, запоминать. Каждое утро после завтрака мы пили "светящиеся" жидкости, повышающие умственную активность и словно в битву....

Дарнит уехал через год в свою семью — дальше для него наймут отдельных преподавателей. Лара Мирисса, слава магическому кругу, уехала через три месяца, после того как стала девушкой, ну то есть вступила в репродуктивный возраст. Почему слава? Потому что она мечтала повторить подвиг своих предшественниц лары Ируши и лары Альяны, то есть искупаться со мной голышом. Как-то меня вот такой поворот событий совсем даже не вдохновлял. А почему магическому кругу?... Вера тут такая. В магию, видите ли.... Как бы описать этот мир.... Орки, эльфы, про гномов правда не слышал, но есть некая горная народность людей. Что ещё.... Ах, да! Магия ж, духи её побори! Ничего не напоминает? Я первый год обучения вообще ходил, словно под действием лёгких наркотиков (возможно, то, что нам дают по утрам, они и есть). Что ни день, то лёгкий шок от узнанного. Что ни руки (десятидневная неделя на местном), то уговариваю себя, что я не в сумасшедшем доме. Орки и эльфы ладно, я их не видел, поэтому оставил пока на совесть фантазии местных. Тем более, что из всех кого я знал, только дед и пара рабов признались что видели в живую орков, а эльфов вообще никто. Но магия! Я лично трогал деревянные вилы, окунутые в чан на День крепления — праздник, который дед организовывал для селян деревень на его земле. Деревянные вилы если и уступали железным, то не на много.

На место Лары Мириссы и Дарнита прибыли четверо новеньких учеников. Близняшки без титула, Ройт и Клойт, и две Лары — Васса и тёзка моей сестры Симара. Девочкам было по восемь, а парням по девять лет. Симара была такой милашкой с большими хлопающими глазами, к тому же она была самой близкой мне по родству — двоюродной. По обоюдному согласию она стала моим хвостиком в редкие часы свободные от занятий. Правда тут была ещё одна некая причина. Туреттой..., хотя не заморачивайтесь — служанкой моего хвостика была Розовая. Дело в том, что не у всех рабов были имена. Многие родились в рабстве, и при продаже, им в документы какую только ересь для коммерческой эффективности не писали. Эту звали Розовая. Розовая была... такая розовая. Полненькая несколько. Ну, пусть не несколько. Не сто килограмм конечно, но восемьдесят есть. Только вот.... Мне скоро только восемнадцать. И я не возбуждался разве что на Ратса. Химия взросления, знаете ли.... Разум временами вообще отстёгивался и жил отдельной жизнью. Ну и что, что мне по факту значительно больше? Тело-то молодое. На танцы, где партнёршей была Отта, эта та самая дама с голубой печатью (так тату на виске называются), а дама так скажем, была не первой свежести, хотя тоже ничего, правда она, создаётся у меня мнение, посещала деда. Так вот на танцы я вместо отсутствующих в этом мире предметов нижнего белья, повязывался наволочкой, не смотря на то, что танцы были не впритирку....

По-моему, я несколько отвлекся. Розовая. А Розовая была совсем даже не против! Причём с первого дня! Строила глазки, говорила со мной так нежно-нежно. Я сначала думал галлюцинации от длительного воздержания.... Но как-то мы с ней в дверях встретились, она, разумеется, отошла в сторонку и приопустив голову уступила дорогу. Я проходя мимо задержался.... Как-то, знаете ли, неловко начинать первым разговор с дамой.... Я никогда этого не умел. Но знал, что и она не посмеет. Вот если бы она как Лура.... Я поднял руку и осторожно провёл пальцем по щеке:

— Соринка.

А она в это время вдруг прижалась щекой к руке и словно котёнок потёрлась о ладонь. Не сразу конечно, но через руки мы наладили контакт.

— Привет, Настир, — пока дед не слышал, я позволял некие вольности в общении с рабами.

Изредка, когда мне удавалось стибрить бутылочку из закровов деда, мы даже выпивали с ними. Не смотря на все запреты деда, общаться то я с кем-то должен? Конечно же, можно было с охраной, как никак, десяток бойцов, но..., они регулярно менялись. Вернее были одни и те же, но в две смены по сорок дней.

— Доброго вам дня, либалзон.

Сегодня я решил проверить на своём учителе фехтования, то есть мечного боя, свою догадку. Хотя... сначала расскажу кое-что. Вот тот свет, что я вижу, это не просто так. Это основа мироздания. Этот свет проходит через всё, пронизывая своими нитями, просто я не всё вижу. То, что я вижу лишь вершина айсберга. А теперь самое главное. Любое существо влияет на этот свет! Любое! Просто кто-то больше на это способен, а кто-то нет. Видение этого света.... Какие грамотные слова, правда? Это не мои, я не тщеславен. Это выдержки из книги, которую дал мне дед в первую неделю моего проживания здесь. Так вот, видение, а самое главное осмысленное управление этим светом, есть прерогатива избранных. И эти избранные зовутся магами.

В действительности всё несколько прозаичней. Магия есть, я в этом уверен на все сто, как и в существовании магов. Маг, это тот, кто видит силу природы и может ей управлять, но... я вижу силу, а управлять то ей не могу. По законам местных церковников, то есть магов, такие люди должны поступать в лоно церкви, то есть в местный Ватикан — Гнутую гору. А там... человека с моими способностями ждала лишь должность какого либо служки — управлять то я магией почти не могу — сил во мне магических мало. Поэтому меня и сослали к деду — учиться прятать свой взгляд, так как любой человек с присутствием определённого уровня магии ощущает этот взгляд. Причём уровень этот достаточно низок.

Вообще-то магические силы есть во всех, абсолютно во всех местных жителях, подозреваю, что и на Земле точно так же. Но вот иметь сил на столько, чтобы хотя бы чуть-чуть целенаправленно изменить — это уже редкость. А если сил много то ты уже попадаешь в статус алтыря — мага который может управлять светом на основе специально разработанных для них приёмов. А если сил очень много и ты видишь магию, то ты полноценный маг — таких людей катастрофически мало. Бывали и исключения типа меня. Магию вижу, а сил мало. Или наоборот сил как у мага, а свет не видит — таких тоже забирали для каких-то целей на Гнутую гору. Прятать меня от магов, это был очень опасный финт, так можно и головы лишиться, но только родные меня очень любили.

Так вот, магией я управлять почти не мог, но тот минимум, что во мне теплился, распределять

по телу научился. По крайней мере, мне казалось так. Когда во время утренней пробежки (дед меня за это порицал — не царское, то есть не либалзонское это дело) я распускал то, что во мне было, то, мог пробежать вдвое больше, чем обычно. Поэтому сегодня моей тактикой боя с Настиром было выматывание противника — благо, тот не очень то любил занятия. Если честно надоело получать синяки от деревянного меча раба. Наблюдать за нашим поединком выстроились воины охраны, дед ещё не разогнал их на работы. Ну, как работы, наблюдение за двумя десятками рабов и охрана детей обучающихся в имении. К последнему дед относился очень трепетно, по какой-то причине он очень опекал детей от рабов. Я понимаю, что это потенциальная опасность, но... тут кроме Настира бояться было некого. Дед принципиально не брал крепких рабов — специфика учреждения.

Изначально, помню, Настир бился со мной расслабленно, с лёгкостью отбивая мои удары. Именно он стал той гранью, которой я пытался достичь. Бывший воин, попавший в рабство прямо из армии, за что он не говорил. Он знал, что такое клинок, знал, что такое копье, он, не смотря на возраст, переваливший за сорок и не очень шикарное физическое состояние, делал меня на любом оружии. Дед, понятно требовал от нас именно мечного боя, к таким как я другое оружие не попадает, но у меня пытливый разум и когда дед уезжал, мы пробовали и другие виды. В частности копье. Настир использовал обе его стороны и постоянно ронял меня на землю.

— Ш-ш-ша, — меч раба пролетел в пяти сантиметрах от груди.

Настир раскрыл свой правый бок, но я не спешил — если ринуться сразу, раб очень изящно разворачивался и сбивал меня с ног. Чуть запоздания, чтобы он выровнял инерцию тела и попытка нападения. Раб ловко отпрыгнул. Последних полгода уже то, что он остерегается моей палки уже достижение. Я делаю ложный выпад, раб отбивает мой "меч" и пытается с нижнего маха "распластать" мне грудь. Сейчас! Только латы скину! "Латы" у Настира были деревянными, укреплёнными магией, у меня же кольчуга. Но не просто кольчуга, а тяжёлая кольчуга. Так чтобы я замаялся.

Шш, шш, — переступь раба приближается ко мне.

Через пятнадцать минут с него лился пот градом. Пока один — ноль в его пользу. Я же хоть и устал, но сносно держал деревянную имитацию клинка. Раз, и Настир пытается нанести колющий снизу. Неизвестный приём но я, отпрыгнув ухожу и тут же сбив подошвой меч врага приставляю к горлу. А-а-а! В кой то веки счёт равен! Блин! Ну, честно, я сильнее его! Несправедливо что он постоянно вот так просто уходит от моего "меча".

— Настир! Ты должен мне две руки стирки! — Тут же раздался голос из толпы воинов.

Ставки на мой проигрыш или выигрыш делались регулярно, и я был не против этого — пусть развлекаются, заодно ещё один стимул биться лучше.

— Либалзон Элидар, пока ваш недоучитель отплёвывается, может со мной? — спросил Руп, один из стражей.

В отличие от других, Руп тренировался постоянно, и был за любой бой, просто ради тренировки. Он никогда не пытался ударить меня сильнее, как скажем Настир. Руп бился ради тренировки и уважал меня как противника. О достаточно сильных ударах раба у нас как-то был разговор с Настиром, тот объяснил своё рвение покалечить меня, лучшим стимулом. Но я, не смотря на всё его красноречие понимал — просто недолюбливает.

Я показал три пальца — триста ударов сердца, примерно пять минут отдыха, по факту

выливавшихся в десять — либалзона никто не смел торопить. Такая спешка не была обоснована моим уж сильным рвением к мечному бою — просто стыдно отказываться от предложения, так как если уж воины предлагают, то это знак уважения. Если бы Руп не считал меня сколь либо серьёзным противником — не предлагал бы.

— Ш-ш-ш, — меч пролетает надо мной.

Я словно в танце лимбо проскальзываю под ним — очень опасный приём. После того как мне подравнял подбородок Настир таким вот макаром, я старался избегать таких манёвров — шрам остался на всю жизнь, но тут уж слишком ретиво и нагло начал Руп.

— А-а-а, — раздалось с "трибун", — с тебя пять башок!

— Я же не выиграл? — Спросил я крикнувшего Пуна, не выходя из стойки.

— Это по знатным законам не выиграл, а по нашим ты оказался за спиной и мог ударить!

Вообще ты, по отношению ко мне было не комильфо, за это можно и палок прописать, особенно если дед услышит, даже воину, но тут же меня похвалили! Да и приятно, что они считают меня своим парнем.

— Мы бьёмся по их законам, — скорее прорычал, чем проговорил Руп.

За последующие две минуты он меня уделал, прикоснувшись к груди. Похоже у парней сегодня будут знатный спор — по каким правилам мы бились — пять башок, это нормально, погудеть можно. А всё "левое" у воинов уходило на погулять. "Белую" зарплату жёны забирали.

Тут вышел дед и разогнал всё веселье. Пятеро (воинов), поехали с новым управляющим собирать налоги — осень приближается, скоро самим платить, а с селян только натурой, то есть кроткой — местным корнеплодным, и рожью. Потом ещё продать надо. Мясо дед принимал только в живом виде, тут всё понятно — холодильников нет.

Я ещё полчаса получал от Настира удары — больше магических сил уже не было. Затем пошёл сполоснуться в бочке и на занятия к Тотусу, очень умный старик. Когда-то работал на империю, но семью заиметь не успел, вернее дети и жена были, но по местным законам развода нет, если уж приручил..., то ты в ответе. А жена оказалась не фонтан, как уж надо постараться жене довести мужа в местных реалиях, я не знаю, поскольку замужние женщины здесь имеют прав не больше чем рабы. Но, тем не менее, Тотус сбежал от жены на службу к деду, где уже десяток лет преподавал, и это явно ему нравилось.

Те, что с голубой печатью не совсем рабы, как я предполагал изначально. Это обычные люди, у которых были способности к науке, обычно из простого сословия. Так вот если такой человек захочет и пойдёт испытания (в том числе и магические), то может поступить на обучение. Но, если он потом не отработает.... О том, что будет, служила голубая тату на виске — не будешь работать на хозяина, можешь стать рабом. Имелась возможность после выплаты тем на кого ты работаешь обучающей составляющей уйти на службу империи, но..., вот именно Тотус и Отта не согласны были и остались у деда, который отстегнул, так понимаю нормально денег за них. Ну ладно за Отту — она являлась неофициальной супругой деда. Бабушка умерла лет десять назад, даже алтыри были бессильны, а маги просто не успели, хотя отец просил. Но почему Тотуса выкупил дед — загадка.

После занятий с Тотусом — наши общие получения нравочений деда, где он рассказывал,

какими мы должны стать. Причём дед умудрялся каждый день изобрести новую проповедь. Потом я умудрился отвлечься на пяток минут с Розовой в кулуарах дома. Не то что бы хотелось, мы всё равно бы ничего не успели, но девушка прямо светилась после таких мимолётных встреч.

Потом танцы, вольтижировка под управлением Тотуса, и... самое приятное. Вот уже полгода как я, вместо того чтобы заниматься коррекцией своего магического зрения, через раз, поскольку в это же время у моей любимицы Синары были занятия о женскому этикету, занимался плотскими утехами, то есть встречался с Розовой. Дед знал об этом и даже предупредил меня об опасности "порчи чужого имущества". Он узнал о нас практически сразу, при этом, выдал мне противозачаточную мазь, но кроме нас с ним.... Хотя все знали, ну или догадывались, поскольку пару раз в десятину Розовая искупав Симару, возвращалась ко мне, и я не отпускал её до утра.

— Мне надо идти, — прошептала она.

— Иди, — так же шёпотом ответил я.

— Не могу, — её губы сомкнулись на моих.

Тут в дверь раздался стук. Дело это не совсем обычное, поскольку в поздний час меня беспокоить, никто не смел.

— Прячься, — прошептал я.

Розовая скатилась за кровать.

— Войди, — разрешил я.

Вошёл разумеется Ратс — мой Пасот в это время уже в домике для рабов.

— Либалзон Элидар, вас приглашает балзон Пионат.

— Хорошо, сейчас оденусь, — удивлённо произнёс я.

— Розовая может идти к себе, — пафосно произнёс слуга.

Моя тайная любовница робко выглянула из-за кровати.

— Присаживайся, — по внешнему виду деда было не понятно, ругать он меня пригласил или хвалить.

Хотя.... Хвалить меня было не за что. Вот с год назад я раз в местный месяц, то есть луну, бывал у деда как лучший ученик, требования ко мне, конечно, выдвигались несколько другие, чем к детворе, но я старался. А последнее время я как-то отвлёкся.

— Ты сегодня тренировал зрение? — спокойно спросил меня дед.

Отвечать было обязательно. Отмалчиваться в кругу местной знати — моветон.

— Нет.

— А когда последний раз брался?

— Десятину назад, — соврал я, хотя вот про зрение, я уже давно не вспоминал, большей частью изучал свет во мне.

Вообще десятину назад — уже наказание, но и врать, что занимаюсь каждый день, не стоило — он каким-то шестым чувством определял ложь. Дед сощурил глаза:

— Либалзон, — начал он.

Всё если начал с титула, ждать беды. Розгами меня, конечно, пороть не будут, хотя младшим доставалось и это, но более тщательный надзор и ежедневные нравоучения гарантированы.

— Расскажи мне, для чего ты здесь.

— Для того чтобы научиться владеть своим зрением, — опустил я гриву.

— Знаешь, Элидар, — вдруг сменил тон дед, усевшись в свой полутрон — полукресло и на некоторое время замолчал.

— Я уже стар и мне давно не доставляет удовольствие направлять ваш разум в нужное русло. Ты выбираешь свой путь сам. Ты действительно думаешь, что рабы тебя уважают?

Ответить на этот неожиданный вопрос я не успел, так как раздался стук в дверь.

— Войди, — произнёс дед.

— Она уже зашла, — приоткрыв дверь произнёс Ратс.

— Принеси им пять бутылок недорогого вина, — распорядился дед, наполняя свой бокал. — Это указал он мне на медную пузатую кастрюлю без ручек, стоящую на столе, — амулет, переносящий звуки, откуда он и всё остальное я потом тебе расскажу, а теперь слушай.

Дед повернул кольцо по кругу горлышка "кастрюли" и снял крышку. Из внутренностей сразу же раздался хохот.

— Я же предлагаю тебе, — раздался голос Пасота, — пойдём со мной, и я расскажу почему не беременеешь.

Рабы снова загоготали.

— А то я не знаю, — раздался голос Розовой, — мазью мажется.

Все снова засмеялись.

— А дурак-то умней тебя оказался, — сквозь смех произнёс кто-то из рабов. — Что догадалась потрогать корень, — все снова засмеялись.

Тут раздался скрип двери. Рабы замолчали.

— Что ржёте как кони, — раздался голос одного из охранников. — Опять хозяев хааете?

— А что ж их не похаять, — ответил Пасот, — то вы у себя их языками лижете.

— Ты поговори мне!

— А что ты мне сделаешь?

— Расскажу твоему, что ты тут говоришь.

— Да и рассказывай, а то он поверит. Я уж найду что ответить. А вот когда мы расскажем, что ты к кухарке ходишь и у неё харчуешься, да и вино балзонское попиваешь, то посмотрю, как ты вылетишь за ворота. А я вот его недавно жеребца чистить научил, — по-видимому, уже обращаясь к рабам, продолжил Пасот. — Представляете, я рядом стою, а он жеребца чистит.

Рабы снова взорвались гоготом.

— Думаю, — захлёбываясь от смеха, продолжил Пасот, — на следующей десятине стирать научить....

Всё что я услышал, рассказывать не буду. Особенно что было после того, как Раст им занёс вино. Я столько нового узнал и о манере обучения меня Настиром, и о моих умственных способностях.... Деду тоже перепало.

На каком-то этапе деду надоело слушать, и он прикрыл "кастрюлю". Я, взяв свой бокал, отпил небольшой глоток — так положено, в смысле пить маленькими глотками. Говорить не хотелось, да я и не знал что сказать. Минут через пять дед, наконец, нарушил тишину:

— Бывают и среди рабов разумные люди, но это большая редкость. Попасть в рабы просто, но редко кто попадает просто так. Кто-то пьёт и залазит в долги, кто-то не может правильно рассчитать свои расходы, кто-то просто не любит работать, бывают и за преступления, но в моём доме таких нет. Как бы то ни звучало странно, они сами выбрали свою судьбу, поэтому жалеть их не надо. К их речам серьёзно тоже относиться не надо. Это не очень далёкие люди.

— Почему ты их не накажешь? Это ведь не первый раз. Или вообще не поменяешь.

— А зачем? Менять смысла нет — новые будут не лучше. Мне их слова зла не приносят, это ведь только слова. Чем больше они говорят, тем больше я узнаю, вот сегодня узнал, что Майтус и кухарка встречаются. А так накажешь, и они будут бояться друг друга, потом им покажется, что они знают, кто рассказывает и с этим кем-то может произойти несчастный случай, а это расходы. Да и, не смотря на всё иногда весело слушать их.

Дед пригубил из бокала.

— Опять же вот урок тебе преподал. Даже два. Первый — не стоит доверять всем, в особенности рабам и второй... будет завтра.

— Какой?

— Урок по удержанию гордости в руках и разума в холодном состоянии.

— Ты хочешь, чтобы я оставил всё как есть?

— А что ты теряешь? Ты удовлетворён в женском плане, ты знаешь, что они о тебе думают, но ты можешь быть умнее их.

— Зачем ей?

— Надеется, что ты выкупишь потом. Будешь любить ребёнка, ну и её не забудешь. В жёны она

понимает, что ты её не возьмёшь, но ведь и не бросишь.

Второй урок не получился. Я полночи злился, и утром выйдя на ристалище, предложил Настиру кулачный бой. Как я его разделал! Он тоже меня пару раз зацепил — бывший воин всё-таки, но на него было страшно смотреть. Пасот был очень удивлён необходимостью полной стирки всего, хотя честно хотелось его либо так же как Настира, либо дать указание всыпать ему палок. Пасот пожалуй взбесил гораздо больше чем Настир. Я ведь действительно ему доверял. Розовая.... А что Розовая? Спать с такой, что с падшей женщиной. Вроде понимаешь что живая, а.... Нет физиологически конечно приятно, но постоянно возвращаешься к мысли, что она тебя пытается использовать, что все её улыбки и поцелуи лишь игра и фарс, что вот сейчас, делая блаженное лицо, она врёт. И как-то противно становится. Хотя я и сам то.... Что я её любил что ли? Один — один, как говорится. В общем, отработал я чисто механически последнюю встречу с ней. Вот интересно всё-таки устроено сознание человека. Я не беру случаи, когда взаимная симпатия. Допустим, просто встретились в баре, оба знают, что на одну ночь, но есть какая-то доля игры, может даже влюблённость на ночь, как приятно, чёрт побери, конечно, без некоторых вольностей, но зато первый раз. Если взять случаи за деньги, то тоже всё замечательно, и ты и она всё прекрасно понимают, есть некие вольности, а за некую сумму вольности могут увеличиться, но даже в этом случае какой-то флирт, какое-то заигрывание. А тут не хочется ничего. Чисто по животному.... Остыв через неделю, я объявил о том, что мы не будем больше встречаться. Подло и без объяснений — пусть думает что хочет. Наверно можно было мягче, можно было и вообще не прерывать наших "отношений", только, когда знаешь что могло быть и лучше, то уже не прокатывает.

Дед понятно меня не понял и вкатил за "порчу имущества" дополнительную порцию нравоучений о необходимости либалзона уметь себя держать в руках. Причём сквозь его слова прямо просвечивала невысказанная нецензурная брань — мол, ты чего ..., я для кого тут распинался столько времени ..., пытаюсь вдолбить в твою ... голову умение мыслить хладнокровно.

Глава 5

Мир не перевернулся, хотя взгляды на него несколько изменились, и я продолжил своё обучение, уделив более значительное время своему зрению. Дед, вообще прав, ругаясь — за два года я не научился толком его прятать. Там делов-то. Вопрос был в том, что в книге, кроме зрения, рассказывалось и о магии, в том числе об элементарных действиях с ней, то есть гораздо более интересные вещи. Я даже научился делать искру между пальцами! Только их надо было приблизить на сантиметр к друг другу и довольно больно получалось. Дед, выкупив меня (не удивлюсь, если у него и видеонаблюдение налажено, кстати "микрофон" у себя я нашёл и, разумеется, деду об этом не рассказал), забрал книгу, но вскоре, после, хоть и не умоляющих, но просящих разговоров, вернул, в обмен на обещание что через полгода я научусь прятать зрение. Определить умею ли я это или нет, что самое интересное, мог только я, ну или маг, произведя нехитрые манипуляции с магией и проверив мою реакцию на них — как тот, что осматривал меня в доме родителей. Дед, кстати, сказал, что это был вернее всего друг отца. Но, всё-таки о моём "индикаторе" взгляда, всё просто — если свет, который я вижу, исчезал в моём зрении, то значит, взгляд спрятан, а если наоборот.... А наоборот тоже можно было — тогда свет начинал растекаться на жгуты, а жгуты на тонкие нити. Но это в теории, а на практике я пока мог видеть только жгуты. Уже через четыре месяца занятий, я смог уведомить деда о том, что сдержал слово и научился таки не видеть свет, то есть магические силы.

Стук в дверь отвлёк меня от медитирования взглядом — я почти увидел нити.

— Кто? — спросил я, растягивая время, одновременно закрывая книгу — моё магическое зрение держалось в тайне даже от слуг, и книгу я не показывал никому, даже Ратсу.

Вместо ответа раздался звук распахиваемой двери. Я, повернувшись, собирался разразиться гневной тирадой, поскольку никто не мог нарушить мой покой таким наглым образом. Дед? Так тот вообще ни разу не был в моей комнате. Если ему надо, он вызывал к себе. Даже Симара уж на сколько вольно вела себя со мной, но без приглашения не входила.

На пороге комнаты стояло некое создание в дорожном платье зелёного оттенка. Русые локоны, стекающие на плечи, на вид лет четырнадцать — пятнадцать. Хотя скорее пятнадцать, судя по слегка выступающей груди. Несколько курносый носик. В целом можно назвать милой, если бы не гневный взгляд.

— Либалзон Элидар! — Прозвучал звонкий голосок, и она тут же сделала шаг вперёд и резко развернулась назад.

Ратс, стоящий в растерянности у открытой двери, спохватившись, закрыл её.

— Либалзон Элидар, — повернулось вновь ко мне создание. — Вы наглец!

Если честно я несколько опешил. И от визитёрши и от её фразы. Такая бестактность да ещё от женского пола, который в этом мире был, скажем так, несколько дискриминирован.... Нет, ларам, то есть незамужним девушкам позволялось многое: разговаривать за столом, первой вежливо здороваться, даже ездить верхом, но вот чтобы в этом списке было оскорбление либалзонов... чего-то такого не припомню.

— С кем имею честь разговаривать? — наконец отошёл я от шока и встал со стула, соблюдая такт.

Фраза на руизанском звучала несколько по-другому, но суть именно такая.

Лара гордо подняв голову подошла к столу, повернула стул на котором я сидел и нагло уселась на него поправив платье.

— Значит, — пальцы девушки скользнули по корешку книги, — это правда что ты потерял память, — скорее утвердительно, чем вопрошающе произнесла она. — Я ждала худшего — в столице ходили слухи, что ты говорить не можешь и вообще слюни пускаешь.

Я вежливо взял из-под её руки книгу и, пройдя до шкафа, положил фолиант на него.

— К сожалению это не так. И в связи с данным фактом, я бы попросил вас представиться, поскольку моё имя вы уже знаете, а я вашего не помню. Ну и заодно объясниться насчёт произнесённого вами "наглец".

Надо было видеть её при этих словах, глаза не сверкнули, нет, в них вспыхнуло пламя.

— То есть, заманивать неразумных молоденьких лар купаться голышом вы можете, а вспомнить потом об этом нет? Какая удобная позиция у вас либалзон. Факт того, что вы не помните, совсем даже не умаляет потерю моей репутации. Между прочим, по вашей вине. В связи с этим я прошу вас! — Девушка сделала паузу. — Назвать моё имя. И мне всё равно, помните вы его или нет. Если не назовёте, или назовёте не правильно — я вас больше знать не хочу.

Виноватым я себя не ощущал, это ведь не я сделал, а тот другой. Но подыграть в данном случае

мне особо труда не стоило. Вариантов не много это либо лара Ируша, либо лара Альяна. Мне больше нравилось имя Альяна, оно какое-то более женственное что ли....

— Лара Ируша, — ответил я, поскольку поведение девицы мне не очень нравилось.

Я, конечно, понимал, что вернее всего, она всего лишь играет и это всё напускное, тем не менее, врваться в комнату к молодому человеку и вести себя столь бестактно — не совсем нормально.

Лара встала и с сердитым видом дошла до дверей, где замерла на мгновение и повернувшись ко мне полубоком изрекла:

— Жду вас на ужине.

Затем распахнула двери и вышла, не удосужившись их закрыть. Вот же зараза. Учебный процесс был сорван. Не то чтобы я расстроился или переживал, но после такого визита сконцентрироваться на зрении я не мог. Я подошёл к окну и выглянул на улицу. Во дворе распрягали карету. На гербе, изображённом на двери кареты, красовался олень в обрамлении похожих на пальмовые листьев. Пальмовые листья это Руизанское локотство, то есть центр империи. На чьём гербе изображён олень, я не помнил. Это же, как она раздосадована, что спустя столько лет даже не переодеваясь с дороги, поспешила первым делом навестить меня.

Ужин в честь приезда гости в этот день был несколько раньше, на него меня пригласил Раст сообщив, что все уже собрались.

— И балзон? — переспросил его я.

— Да, балзон Пионат уже в за столом.

Вот же блин. Прийти позже деда, значит подвергнуться его нотациям в присутствии малышни. Дед у нас играл важную фигуру. Нет, он и так конечно был выше нас по статусу, но для тренировки нашего общения с более знатными особами мы должны были вести себя с ним, словно он локот, ну или ещё кто очень важный. И такие вот опоздания....

— Почему раньше не предупредили?

— Извините либалзон. Балзон Пионат направил меня помогать Остине.

— Больше что, некого было послать? — удивился я.

Обычно дед Раста на кухонные работы к Остине — нашей кухарке, не отправляет, поскольку кроме него в имении было ещё трое слуг, не считая рабов. Хотя последних на кухню не допускали.

— Балзон Пионат сегодня с утра дал остальным выходные на два дня.

— Хорошо Раст, я сейчас подойду.

— Балзон Пионат просил поторопиться.

— Хорошо.

Сердиться на Раста не имело смысла, он довольно безобидный старик, хотя..., с другой

стороны, кто его знает, что он думает в действительности.

Я остановился перед дверями столовой. Осмотрел себя — либалзон не может выглядеть неопрятно. Открыл двери и... никого. Не может быть. Расту светило как минимум порицание, а как максимум... тоже порицание. Хотя собственно я и сам мог бы догадаться. Гости, ранний ужин, значит... обеденный зал. А в обеденный зал надо входить, в отличие от столовой, без оружия и в бальном костюме. Да что ж сегодня день то такой! Идти обратно на третий этаж не хотелось, да и время.... Ладно, не розог же он мне выпишет в конце концов. Перед входом в зал я отстегнул ножны с кинжалом и спрятал их за картиной подвесив на деревянный гвоздь на котором держалась эта батальная сцена с человеческой расы с орочьим племенем. Орки получались значительно крупнее людей. Я ещё раз осмотрел себя и, убедившись, что всё хорошо, открыл дверь.

Ну конечно, служанки озаботились младшими и те были расфуфырены до нельзя. Я же Пасота последнее время держал ближе к конюшне — не нравился он мне. Шагнув в зал, я направился к столу.

Обеденный зал, он же бальный, если надо, хотя за те годы что я здесь жил, балов дед ни разу не давал. А вот уроки танцев мы проводили именно в нём. Зал занимал наверно четверть первого этажа и был размером этак десять на двадцать. Тяжёлые шторы, окна с арками, впрочем, арки были на всех окнах дома. Между окон на подвесах, прикреплённых к стене, висели магические светильники, которые сейчас не горели. Дело в том, что светильники очень неплохо съедали нити магии из окружающего пространства, если их не подпитывать принудительно. То есть вскоре естественных сил вокруг становилось мало, что влияло на комфорт находившихся в помещении, а именно они начинали себя чувствовать неуютно. В общем, магические предметы делились на пассивные типа моего клинка, в котором сталь была укреплена.... Хотя о чём это я. И так бальный зал. Никакой росписи или фресок, потолок имел арочно-купольную конструкцию, то есть делился на три купола опирающихся на арки с колоннами. Стены были мрачно-каменными и были украшены не оружием и мечами, а картинами, на большей части которых были изображены какие-то эпические события. Некоторые картины были написаны в забавном не совсем реалистичном стиле делающем фигуры несколько округлыми. Пол был из грязно белой каменной мозаики вышлифованной не хуже искусственного камня. Плитки пола большей частью имели красноватые прожилки, что придавало очень красивый и благородный вид. Когда я уже почти подошёл к столу, Ратс услужливо отодвинул стул.... Только стул был с другой стороны от моего привычного места. Бровь удивлённо приподнялась автоматически, но я не замедляя движение, изменил направление, будто ничего не случилось, и направился по левую руку от деда. Дед моё опоздание вслух не отметил, хотя и наградил меня хмурым взглядом.

Только я сел, как появилась и гостя. Теперь стало понятно благодушие балзона — если читать нотации мне, то и ей тоже. Иначе выглядело бы странно, отчитал либалзона и не отчитал лару. Вставать при появлении не то что за столом, а вообще не принято было, если конечно ты не хотел к ней обратиться. В этом случае оба собеседника должны либо стоять, либо сидеть, либо разрешать друг другу такие вольности, то есть находиться в приятельских или родственных отношениях, ну или же иметь разный статус.... Я опять отвлёкся. Лара была в шикарном платье. Я не видел местных бальных нарядов, но этот был точно бальный, не смотря на отсутствие пышности юбки. Н-у-у, то есть не было вот такого, чтобы юбка начиналась, словно зонтик летних кафе. Никаких каркасов, хотя наверно подъюбки были. Платье было светло жёлтым с золотистой крупной вышивкой по всей ткани. Рукава, заканчивались ниже локтя, подол и декольте были обрамлены лёгкими белыми кружевами, ну и в довершение бледно зелёный пояс шириной сантиметров десять. По-моему он был лишним, но думаю, лара в местной моде более разбирается, чем я. Декольте! Как я мог забыть! Довольно скромное почти

прямоугольное лишь слегка оголяющее грудь, ну или что там вместо неё — маленькие холмики.

Лара окинув всех взглядом, присела в местном книксене тем самым поздоровавшись с присутствующими и при помощи Ратса заняла место напротив, скользнув по мне взглядом.

— Я полагаю, здесь все знакомы, — произнёс дед и, окинув взглядом младших остановил взгляд на мне.

Похоже, лара довольно популярная личность, если даже малышня промолчала. Если бы я, хоть как-то показал своё сомнение, думаю, дед бы нашёл способ выправить ситуацию, но я самоуверенно ответил:

— Да мы сегодня с ларой Ирушей имели удовольствие беседовать, — поспешил я успокоить деда.

Тут под столом меня дёрнула за штанину Синара, сидевшая рядом. Посмотреть на неё напрямую я не мог, но, судя по поплывшим улыбкам лары Вассы и Ройта сидевших на той же стороне стола, что и гостя, я ошибся, вернее меня подставили.

— Лары Альяны, — поправился я. — Извините лара Альяна, по какой-то причине при виде вас мне вдруг вспомнилась лара Ируша и я оговорился.

Васса и Ройт прямо уже силой сдерживали улыбки. Зато дед нахмурился. Ну и лара Альяна злобно выстрелила в меня взглядом. Сама виновата.

— Я полагаю, пока несут первое блюдо вам стоит выйти и поговорить, — неожиданно сухо произнёс дед.

Лара! Просто ангелочек, тут же покорно встала, опустив голову. Мне соответственно так было нельзя, всё-таки либалзон. Я встал и слегка склонив голову в знак почтения перед дедом, направился к ларе Альяне. Когда я достиг её, то вежливо указал на дверь, пропуская вперёд — не удивлюсь, если эта стервочка кинжалом в спину ткнёт.

— Ненадолго, — донеслись в спину слова деда.

Я повернулся и сделал уважительный кивок головой.

Извините меня либалзон, — елеиным голоском пропела она, склонив голову, как только мы вышли в коридор. — Обычно вы были горазды на такие шутки, и я не смогла удержаться. Надеюсь, это искупит мою вину, — она, вдруг привстав на цыпочки, положила мне руки на грудь и, обдав дыханием, поцеловала меня в щёку.

Я, ошалев от такого поворота, просто показал ей обратно на резную дверь обеденно-бального зала.

— Нет. Скоро закат. Пойдём, — она взяла меня за руку и потянула вглубь коридора.

— Зачем? — задал я глупый вопрос.

— Видимо ты ударился головой сильнее, чем я полагала. Пошли, — я послушно последовал за ней, прокручивая в голове варианты.

Оказалось всё банальней и романтичней, чем я предполагал. Мы стояли и смотрели на закат в

окно чердака. Она вдруг прижалась ко мне. Я приобнял. Солнце, окрашивая облака в розоватый оттенок, пряталось за горизонт. Лара ни на миг не оторвалась от заката.

— Знаешь Элидар, я была здесь счастлива, — неожиданно произнесла она. — Пойдём, Пионат сердиться будет.

Остальная часть обеда прошла в светском режиме. Вежливые вопросы, вежливые ответы, очень культурное мероприятие. Лара Альяна рассказала некие новости, которые для меня лично ничего не значили. Кухарка, конечно, постаралась на славу. Блюда были изумительны, даже подобия пирожных на десерт. Вино опять же. Разошлись несколько позже обычного. Меня этот день несколько вымотал. Во сне я целовался с Альяной. Когда я осознал это утром, то был в некотором недоумении. Понятно, что я молодой в физическом плане и гормоны бушуют, разум вообще живёт своей жизнью при виде любой особы женского пола, но вот этот пусть милый, но, по сути, ребёнок....

Утро я начал с пробежки. Бежал как обычно вокруг имения. Сонные стражи даже вопросов уже не задавали, просто открывали калитку. Первые минуты бега самые приятные. Ты лёгок и спокоен. Потом наступал некий диссонанс между удовольствием и необходимостью и вот в конце уже накрывал азарт — последний месяц я никак не мог преодолеть сорок девять кругов. Разумеется, добежать, перейдя на спортивный шаг, я бы смог, но тут вступал в действие самый упёртый противник — я сам. То есть ходьба — не честно, я должен был именно добежать, а вот тут силёнок не хватало. Можно было распустить магические силы, но по той же причине не распускал — не честно, я должен сам.

Войдя в только что начавшую просыпаться крепость, сразу прошёл в купальню — Пасот должен был наносить воды. Вообще это обязанность специального раба — водоноса, носившего по мере необходимости воду из ёмкости, служившей для естественного нагрева, то есть за день вода прогревалась и после этого поступала путём физического перемещения в купальню дома, но я заставлял носить Пасота. Я не изверг и та детская обида на рабов уже давно прошла, но если уж я тогда приказал ему носить каждое утро воду, то вспять повернуть уже не мог. Единственное, что не заставлял наполнять бадью для купания, а просто ставить шесть вёдер с водой — мне вполне достаточно ополоснуться. Два ведра сейчас, два — после мечного боя и два после вольтижировки — лошади довольно ароматные создания.

Процесс ополаскивания не занимал много времени ведро сверху, намылиться местным мылом и с ковшика потихоньку политься. Обычные знатные приглашали для этого слуг или рабов, я в доме отца тоже пользовался услугами Луры, но после прослушивания рабских разговоров я решил быть более самостоятельным.

— А ты стал крупнее, — раздался её голос за спиной.

Я точно помню, что накинул деревянную щеколду на крюк.

— Не престоало ларам входить во время купания к молодым людям, — не поворачиваясь, ответил я.

— Да ладно, я тоже, может, хочу искупаться, — девчонка явно дразнила меня. — Чего тебе стесняться, я всё видела уже. Да что я, рабыни и те рассмотрели.

— Ну, так присоединяйся, — невозмутимо ответил я ей продолжая стоять спиной и мылить голову.

Альяна явно обеспокоилась историей моего пребывания здесь. Надо сказать, что сексуальная связь с рабынями вполне разрешалась, но считалась несколько предосудительной. Мол, что, обычных себе найти не можешь? Я потянулся за ковшем, но утончённая ручка перехватила его до меня.

— Давай помогу. Потом сможешь похвастать, что тебя молодая лара купала.

Пока она поливала меня, пару раз провела по спине пальчиком. Закончив омовение, я вытерся простынёй, и, обмотавшись по пояс, повернулся к ней. Альяна уже сидела на скамье около моей одежды.

— Я могу и одеться помочь, — томно, но при этом со смешинками в глазах произнесла она.

— Не надо, я уже взрослый мальчик.

— Какие мы серьёзные. Съездишь со мной в город завтра?

— Нет.

— Фи, какой ты стал. Тебя просит симпатичная девушка составить ей компанию, а ты отказываешься. Или ты любишь, чтобы тебя уговаривали?

В город если честно хотелось, так как я там ни разу не был, но вот только не с ней. Выслушивать подколы о моей неосведомлённости не очень хотелось. Да и как на это отреагирует дед? Взгляд я, конечно, прятать научился, но тестирование ещё не проводилось. Балзон собирался пригласить знакомого алтыря в гости и на нём "обкатать" моё умение. Признаться ларе в том, что меня может не отпустить бабушка... это мало того, что неразумно с точки зрения конспирации, это ещё и породить шквал шуток в мой адрес.

— Видите ли, лара Альяна....

— Ты ещё поклон сделай, — прыснула она.

— Лара Альяна, у меня были на этот день несколько иные планы.

— Хм-м, — она прищурила глаза. — А если я очень попрошу.

— Мы можем поговорить об этом несколько позже, когда я оденусь.

— Спросишь разрешения у деда? — улыбнулась она.

Эта пигалица начинала раздражать.

— Нет. Просто хотелось бы одеться.

— Ты стал стеснительным? Хорошо, я подожду снаружи.

Из купальни я выходил с твёрдым настроением отказать ей, но сделать этого не пришлось — когда вышел в коридор, её попросту там уже не было. До завтрака ещё было время, и я направился к себе в комнату. По логике стоило бы зайти к деду, но, проходя по второму этажу, увидел его и управляющего за беседой с местным купцом — дед продавал через него "натуральный налог" и покупал то, что не могли дать деревенские — считай даже на завтраке вряд ли появится.

Я не угадал, на завтрак балзон пришёл как обычно. И сам завтрак прошёл обыденно.

Разговоры о планах на день, об успехах и неудачах. Дед слегка отчитал близнецов. Гостья была молчаливой паинькой, изредка бросавшей взгляды на присутствующих и делающей вид, что ей интересно происходящее и только в конце....

— Балзон Пионат, я бы хотела навестить балзона Роника и его сына, но поскольку ларе не принято показываться в доме холостого мужчины в одиночестве, то я попросила либалзона Элидара составить мне компанию. Вы не будете против? — Она даже не посмотрела в мою сторону. — К тому же либалзон Элидар выразил желание познакомиться с соседями.

Дед, оттягивая время, отпил из бокала с соком. Для тех, кто знал Пионата поверхностно, это бы смотрелось, как будто человек просто решил попить, прежде чем дать ответ, но я точно знал, что это признак того, что дед думает.

— К сожалению, лара Альяна, я вспомнил, что собирался завтра помочь балзону привести в порядок бумаги, — я решил слегка урезонить эту наглую и лживую особу.

— Как замечательно, а я как раз хотела перенести данную поездку на послезавтра.

— Ну, раз так, — прервал нас Пионат, — то завтра и поговорим. Если либалзон конечно успеет разобраться с бумагами.

— Вы как всегда мудры либалзон, — очаровательно улыбнулась Альяна.

— Вот именно так неприкрыто, как сделала сейчас Альяна, — дед смотрел на младших девочек, — лары не должны говорить комплименты молодым людям. Скажете Отте, что тема ваших занятий сегодня комплименты. Потом попрактикуетесь на Ройте и Клойте.

Вассса и Симара слегка сморщили носики. Я подмигнул Симаре.

— А вот так как сейчас сделал Элидар, не должны делать молодые люди по отношению к ларам, — дед в этот раз обращался к близнецам. — Поэтому передадите Тотусу, что тема ваших занятий флирт с ларами. Хотя нет. Элидар сам объяснит Тотусу.

Вот как он заметил?

— И-и-и..., — дед посмотрел на гостью, — ларе Альяне тоже будет полезен данный урок.

Альяна смиренно слегка склонила голову. Этакая послушная добрая девочка.

— Альяна, а ты пойдёшь на наши занятия? — когда вышли из столовой, ехидно произнёс Ройт.

— Балзон сказал, что тебе наш урок будет полезен.

— Обойдётся, — она попыталась щёлкнуть близнеца. — Я и так знаю, что вы мне обязаны намекать, что я самая красивая и умная.

— Лара Альяна, где ваши манеры? — Увернувшись от щелчка, гордо выпрямился Ройт.

— Извините Ройтен, — она присела в книксене и тут же попыталась отвесить близнецу подзатыльник.

К чести Ройта он был готов к такому повороту.

— Либалзон Элидар, — в этот раз Альяна присела в книксене передо мной, как более знатным.

— И больше лара ничего не хочет мне сказать?

— Я бы хотела перенести данный разговор на время.

Я слегка склонил голову, отпуская лару. Васса и Симара тоже присели в книксене и после моего кивка направились вслед за Альяной.

— Вы давно знакомы? — спросил я близнецов, пока шли до комнаты, в которой проходили занятия Тотуса.

— Мы с рождения, — ответил Ройт.

— Я о ларе Альяне.

— Она приезжала в гости к нашей сестре и жила у нас три луны, — ответил более серьёзный Клойт.

Пришлось больше часа слушать объяснения преподавателя словесности и этикета. Довольно нудное занятие. Нет, не потому что Тотус рассказывал не интересно, временами он объяснял довольно занимательные вещи, просто кроме меня были ещё два одиннадцатилетних охламона, которым именно данное направление обучения не очень нравилось, а поэтому чуть ли не вдалбливалось преподавателем.

После лекций Тотуса я послал Пасота на поиски моего преподавателя мечного боя, которого после злополучного вечера с прослушиванием разговора рабов я личным распоряжением прикрепил на свободное от ристалища время к остальным рабам. Кстати, в тот раз рабы решили, что их сдал стражник и в свою очередь донесли на Майтуса. Дед удивившись отчитал, но не выгнал воина и тот устроил рабам такую сладкую жизнь....

Настир явился вкупе с крепким ароматом навоза — явно хлев чистил — недавно туда трёх коров из деревень пригнали.

— Либалзон Элидар, — после того как я промурыжив его с минуту кивнул, разрешая говорить, — может мне хотя бы осьмушку на свою тренировку выделять, а то я так теряю навыки?

Осьмушка — это восьмая часть дня. Этот разговор начинался раз в третий или четвёртый, но именно этого раза я и ждал. Настир пытался выпросить себе свободное время. То, что он в это время тренироваться не будет, это точно. Я иногда посещал вечерние "прослушивания" деда и знал о "коварном" плане раба выпросить поблажку. А вот как противник Настир стал для меня действительно не очень серьёзен. Во-первых, я перестал стесняться его бить от души, что благотворно отразилось на моём боевом духе. Во-вторых, стал иногда просить Тотуса преподавать мне теорию мечного боя, то есть показывать стойки, приёмы, и некоторые финты фехтования. Ну а практику отрабатывал на Настире. Это принесло определённый прорыв в моём обучении на данной стезе. Надо продавать Настира и те деньги что тратятся на питание раба, платить кому-нибудь из воинов, хотя бы тому же Рупу. Это конечно приведёт к некоторому неудобству, в частности тренировки придётся проводить не когда я захочу, а когда воины свободны, но уж подстроюсь как-нибудь. Я даже успел переговорить об этом с балзоном, он одобрил мою идею. В следующем месяце дед собирается в город и вернее всего захватит Настира. В связи с этим мне нельзя было ему наносить серьёзные удары.

— Я подумаю, завтра отвечу, — объявил я Настиру.

Раб удовлетворённо улыбнулся, вставая в стойку. Он просто не знал, что действительно будет тренироваться, причём под моим надзором, то есть одновременно со мной — надо придать ему форму перед продажей. Я как раз закончил растяжку и надевал перчатки для фехтования. Секунд десять мы проводили проверку намерений. Наконец я решился и как бы пошёл в атаку. Настир в таком случае обычно делал обманный мах на отбивание моего меча, а сам уходил с линии атаки. Я, быстро отдёргнул деревянный клинок и нанёс по его оружию удар с другой стороны, сбивая слегка вниз, чем заставил его раскрыть верхнюю левую четверть тела. Колющий удар в грудь и быстрый уход влево — иначе достанется от обратного маха. В реальности такой укол выходил довольно слабый, так как времени на замах не было, но он выводил соперника из душевного равновесия. Бились мы не до первого касания — надо было нанести серьёзное "ранение" противнику, так как учился я практическому применению оружия, а не спортивной дисциплине.

За пределами видимости, ограниченной лёгким шлемом (техника безопасности), кто-то захлопал в ладоши моему удару. Долю секунды! Я отвлёкся на долю секунды и тут же был наказан за это ударом по левому плечу.

У ограждения стояла лара Альяна и Тотус с близнецами.

— Либалзон Элидар, — нравоучительно произнёс Тотус, — вы не имеете права отвлекаться ни на что, от этого зависит ваша жизнь. Тем более на лару. Они прямо или косвенно замешаны в большинстве дуэлей и зачастую любят потом на это посмотреть.

Я взмахом остановил бой.

— Ну, зачем вы так, Тотус, — ответила Альяна, — обычно молодые люди сами теряют голову и находят неприятности.

Тотус указал мне рукой на противника, предлагая продолжить учебный поединок. Я не стал отказываться.

В этот раз я был не на высоте — несколько нервировало наличие лары у ограждения. А она, нет-нет, но ещё и комментировала бой. И некоторые её высказывания позволяли предположить, что болеет лара отнюдь даже не за меня.

— На сегодня достаточно, — раздался голос Тотуса, — теперь мыться и к Отте на танцы.

Говорил он не мне — близнецам. Я провёл обманный удар и напоролся на тупое силовое воздействие на моё оружие, чем позволил раскрыть себя чуть не полностью. Детский приём, позволивший Настире упереть меч в мою грудь — "смертельный" удар.

Лара вновь похлопала.

— Либалзон Элидар, а вы танцам не учитесь? — раздался журчащий голосок. — Я бы с удовольствием составила вам пару. Надеюсь, в бальном зале вы меня повеселите ещё больше.

Вот же язва.

— Полагаю, вы можете быть очень сильно удивлены и надеюсь, у вас есть туфли с крепким носком, — подкинув меч противнику и снимая перчатки, ответил я.

Лара, после того как я снял и передал Настире экипировку, взяла меня под руку.

— Вы вновь хотите мне помочь принять купальню? — спросил я, когда мы отошли немного от ристалища, слегка упустив вперёд Тотуса и близнецов.

— Я бы рада, ведь это уже у нас почти традиция, только мне надо тоже подготовиться ко столь увлекательному событию. Я имею ввиду, танец со знатным кавалером. Поэтому, надеюсь, вы извините меня.

— Могу я поинтересоваться вашим маниакальным стремлением..., — я на некоторое время задумался, подбирая слова, — получить меня в попутчики?

— Можете. А я узнать причину вашего отказа?

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Ответила — поинтересоваться можете, а вот вы мне не ответили.

Я улыбнулся.

— Я не очень люблю толчею.

— А у меня создалось впечатление, что вы боитесь.

— Отнюдь. Откуда такие мысли? — Я слегка приостановился, пропуская лару на лестницу.

— За всё время, что вы провели здесь, — она остановилась на лесенку выше меня и повернулась ко мне лицом, — вы ни разу не покидали имения, ну за исключением странных утренних пробежек. А это значит, что вы уже постарели до такой степени, либо чего-то боитесь.

— Ошибочное мнение и несколько вызывающе слышать его от лары.

— Хм-м. Вы... Мне не привычно говорить тебе вы, тем более что мы... дважды, вернее я, дважды видела вас без ... камзола и остальных частей туалета, в связи с этим я, когда мы вдвоём буду обращаться к тебе на ты. Ну а ты можешь мне говорить вы, поскольку не помнишь меня в купальне. Так вот Элидар, а ты ударился головой сильнее, чем я полагала. Во-первых, ты отказываешься выехать из имения, хотя раньше тебе достаточно было намекнуть, во-вторых, прежний Элидар, только из-за одной мысли о том, что его могут посчитать трусом, согласился бы, в-третьих, ты бы никогда не прикрылся дедом.

Она резко повернулась, едва не попав мне волосами по лицу, и стала подниматься по ступенькам, достигнув верхней, она вновь развернулась и хотела ещё что-то сказать, но, передумав порывистыми движениями, исчезла за хлопнувшими дверьми. "Ребёнок, право слово. Пусть уже большой, но ребёнок", — улыбнулся я.

В бальный зал я обычно слегка запаздывал, поскольку первых минут десять Отта не танцевала со мной, а смотрела за более молодым поколением. Сегодня я решил не изменять традиции и привычно прийти несколько позже. Я, разумеется, понимал, что лара Альяна будет ждать, но хотелось её позлить. Детский поступок, но я не удержался.

Как бы не так! Она почти одновременно, вернее, с лёгким упреждением вышла из женского крыла на втором этаже.

— Элидар, смотрю, привычки вы совсем не изменили, после того как упали.

— Альяна, ты уж определись, на вы ты ко мне или на ты, — абсолютно ровным голосом заметил я, предоставляя локоть для её руки.

Она улыбнулась. Насколько знаю, их этому приёму учили на этикете: если ларе произнесли фразу не требующую ответа и она не знает что сказать, можно слегка улыбнуться — бубнила как-то Синара сидя у меня в комнате с листками старательно испишёнными её рукой. До такой роскоши как тетради здесь ещё не дошли, и дети писали на обычных (не для нашего мира, разумеется) кожаных листах. Надо сказать система многообразная, то есть опускают в раствор исписанный листок и на следующий день можно снова писать. Но, тем не менее, глупостей детям писать не разрешали — сугубо нужные для учёбы вещи, то есть изначально приучали к использованию не самого дешевого расходного материала — бумаги.

Лара Альяна решила, похоже, удивить меня. Или соблазнить. Платье было на высоте. Разумеется до самых пяток. Тяжёлая ткань голубоватого оттенка, ниспадающая по юному телу. Лиф в обтяжку и свободная снизу юбка. По плечам несколько широковатые лямки с кружевами, проходящими по декольте. Декольте не глубокое и без всяких вырезов, тем не менее, лёгкое подобие груди, как и ложбинку, было видно, особенно с высоты моего роста. Руки полностью открыты. Я бы на её месте выбрал платье с длинным рукавом — слишком уж торчали локотки — худоба. По нижней части юбки, дублируя круг в области колен, проходили кружева, подобные расположенным на декольте. По тем образцам женского туалета, что я встречал в этом мире это очень эротичное платье в стиле "Остальное он додумает сам". Мне в девятнадцать, хватало ложбинки в декольте и облегающего верха попки. Зная, что под юбкой ничего нет кроме подъюбника.... Фантазия у меня была на высоте. Собственно как и покрой юбки этого платья — выделялись обе половинки прекрасной части лары. А вот именно эта часть хоть и была мелковатой, но такой пропорциональной и наверно упругой.

Все эти мысли пролетели в голове, пока я пропускал Лару впереди себя в бальный зал, где уже из-под пальцев Тотуса доносились аккорды местной мандолины

А танцевала Лара совсем даже неплохо. Местные танцы делились на некое подобие вальса и более оживлённый, в особенности для женской части пары, Лататос. Лататосов было несколько видов, причём они могли очень различаться, опять же, для лар. Мне в данном танце надо было лишь гордо и в такт вовремя подойти к партнёрше или отойти от неё, изредка провести девушку круг два или притопнуть ногой. А вот партнёрше... там и реверансы, и очень скромные покачивания бёдер при некоторых па, и прохождение вокруг партнёра и всё это в определённом порядке. Хотя был один Лататос, когда партнёрша могла импровизировать, он так и назывался Свободный лататос. Со стороны все виды этого танца смотрелись, как будто девушка показывает, в меру стеснительности и этикета, своему партнёру все свои лучшие стороны. А партнёр при этом восторгается своей дамой и изредка порывается подойти. В некоторых случаях ему это удавалось, согласно сценария, и он кружил лару. Данный танец символизировал ухаживания лары за объектом своего внимания, как объясняла нам Отта, и в связи с этим танец был доступен только ларам. Замужняя девушка танцующая Лататос, это даже не моветон, это нонсенс.

Альяна то отходила, то приближалась ко мне, кружа в танце. Движения её были легки и грациозны, изредка, когда Отта отвлекалась на пары младших, Лара прижималась ко мне, то грудью, то спиной, то есть тем, что пониже одной. Как бы объяснить.... Это равнозначно тому, что во время вальса партнёрша тебя схватит за ягодицы. Расстояние между нашими телами должно быть не менее ладони в любом па любого танца. Альяна явно заигрывала хитро улыбаясь. И наверно я должен был бы рад такому вниманию со стороны молоденькой девушки. Наверно, потому что я совсем не был рад, так как в тесноватых штанах становилось ещё

теснее. Благо, что полы камзола несколько прикрывали мой конфуз.

Я держался, сколько мог. Думал о магии, о гнусности рабов, о том, что надо дать распоряжение Пасоту посмотреть подковы моего жеребца, в общем, обо всём, что могло бы хоть как-то отвлечь меня от фигуры этой малолетней пигалицы. Но во время медленного танца я не сдержался и отомстил Альяне. Когда она в очередной раз слегка прикоснулась бедром к моему бедру, я опустил на пару секунд руку ниже талии. Слово даю, нет там под юбкой ничего, даже подъюбника. Брови лары удивлённо выгнулись, и тут же поползла улыбка, так как она в этот момент ощутила мою тягу к её телу.

— Отта, — Альяна опустив руки с моих плеч, развернулась, при этом, прикрыв меня от взглядов окружающих, — я прошу прощения, но мы обещали балзону Пионату прийти к нему.

— Не красиво прерывать танец до его окончания, а уж тем более громко говорить во время танца, — строго ответила преподаватель. — Либалзон Элидар, лара Альяна, можете идти.

— Либалзон, — как только мы вышли из зала, слегка улыбнулась лара, — по моему вам надо охладиться, — и быстро, как она умеет, развернувшись, зашагала по коридору.

Я же, постояв некоторое время и несколько остыв после танцев, направился действительно к деду.

— Присаживайся, — Пионат указал мне на стул, после того как Ратс закрыл дверь и опустил взгляд на бумаги лежащие на столе. — Как тебе лара Альяна?

— Дерзка, молода и несерьёзна.

Дед одобрительно кивнул головой.

— Значит нравится.

Я уже подбирал слова, чтобы вежливо возмутиться, когда дед продолжил.

— Ближе к себе не подпускай, вы всё равно не пара. У лары есть веские причины быть взбалмошной, я тебе потом расскажу, когда она уедет. Сейчас тебе общение с ней только на пользу, поскольку то, что рассказывают Тотус и Отта о нормах и правилах поведения в обществе знати, это всего лишь теория. Идеал, как должно быть. В действительности же полно вот таких, ну может не совсем таких, лар, стремящихся поставить молодого человека в неловкую ситуацию. И зачастую им это удаётся. Ты свет действительно научился не видеть?

— Да, — я был в некотором замешательстве.

Сначала хотел возмутиться по поводу "нравится", затем поинтересоваться кто кому не пара, ну а к концу разговора мне очень хотелось узнать, что за причины, позволяющие Альяне так себя вести. Но если дед сказал потом, то спорить было бессмысленно.

— Тогда тебе лучше составить компанию ларе Альяне в завтрашней поездке, — обескуражил меня Пионат напоследок. — Ты ведь за этим приходил?

— Да. Ещё хотел бы поинтересоваться книгами по магии.

Балзон поднял на меня взгляд и несколько секунд пристально смотрел.

— К этому вопросу вернёмся через пятнадцать дней.

— Почему именно такой срок?

К этому времени лара Альяна уедет. Сейчас она всё равно не даст тебе заниматься.

Визит к деду породил во мне кучу вопросов. В прихожей кабинета я увидел невозмутимо сидящий на стуле объект нашего с балзоном разговора.

Она вежливо и даже несколько официально улыбнулась мне. Ратс обойдя меня, постучался в дверь кабинета.

— Войди, — раздался голос деда.

— К вам Лара Альяна, — приоткрыв дверь, произнёс слуга.

— Пригласи.

— Извини, я не хотела, — приостановившись, прошептала она мне на ухо и провела пальчиками по бедру.

Стервочка. Нащупала слабое место, и теперь будет давить на него. И ладно бы в прямом смысле, так ведь нет....

Глава 6

Отправились мы в Гонит — ближайший городок в трёх часах езды рано утром.

— Доброе утро, Элидар, — поздоровалась моя спутница стоявшая к моему выходу уже у кареты.

На ней был накинут плащ скрывающий её полностью. Утро было несколько прохладным для середины лета. Большая редкость для этих мест. Обычно в это время преобладает жара, причём жара с большой буквы. Зимы в русском понятии, вернее в уральском, здесь не было. Редкий случай, что минус пару градусов ударит, зато лето обычно было знойным, хотя и перемежалось с некоторым количеством дождей. Сегодня, судя по прохладному утру как раз осадков можно ожидать.

— Доброе утро, Альяна, — слегка склонил голову я.

— Я буду паинькой, — сообщила она мне, когда карета в сопровождении двух воинов выезжала со двора.

— Надеюсь.

Интересно, о чём они говорили вчера с дедом? И что за недомолвки балзона связанные с ней? Она-то мне точно не расскажет.

Первый час лара умудрилась промолчать. Я, стараясь сохранить это состояние девушки, даже не глядел на неё, уставившись в сторону, то есть в окно. Пейзаж был монотонен, но для меня интересен, так как я действительно не выходил из имения последние годы, спрятавшись там, словно цыплёнок в скорлупе. Очень удобно. Тебе сухо, тепло, комфортно. Единственные проблемы волнующие меня в эти годы, это как бы не опоздать на завтрак или получить рабыню в постель. И это ещё глобальные. Я скрылся у деда от этого мира. Я неосознанно боялся его — этот мир чужой. Я не знал, что мне в нём делать, зачем я здесь.

Так под мерное поскрипывание кожаных рессор и колёс я предавался невесёлым раздумьям, пока не очнулось чудовище рядом со мной. А ведь я её тоже боюсь, вдруг словно током пронзило меня. Я вообще всё время, что жил здесь только и делал, что боялся. Боялся сделать шаг в сторону, боялся что обо мне подумают плохо....

— ...либалзон! Вы меня слушаете? — гневно ворвался в мой разум голос лары.

— Нет. Извини. Я просто задумался.

— О чём же вы думали?

— Мы договорились на ты.

— Не мы, а я на ты, а ты можешь на вы. И что за великие мысли посетили тебя, что ты имеешь столь серьёзный вид и всю дорогу не обращаешь на меня внимание?

— Например, что ты меня используешь и при этом не хочешь сказать зачем. Я же нужен тебе в этой поездке?

Альяна на некоторое время отвернулась в окно.

— Да, нужен. Я этого и не скрывала, — с серьёзным видом посмотрела она на меня.

Настолько... естественной что ли, я её ещё не видел. А она действительно мила когда не корчит из себя беспутную фиглярку. И выглядит она так несколько старше.

— Тебе так больше идёт. Зачем?

— Мне надо поговорить с балзоном а у него неженатый сын. Мне не прилично входить в их дом одной.

— А со мной прилично?

— Нет, — пожала она плечами, — скорее наоборот, поскольку все знают, почему мы в прошлый раз покинули имение Пионата, но ты хоть и дальний, но родственник. Поэтому не очень красиво, но правил приличия, по крайней мере, официально, я не нарушаю.

— О чём ты хотела поговорить с балзоном?

— Этого я не могу тебе сказать.

— Почему?

— Ты задаёшь глупые вопросы. Если я говорю, что не могу рассказать, о чём разговор, разумеется, я не скажу и о том, почему не могу рассказать.

Мы некоторое время помолчали. Альяна вновь уставилась в окно.

— О чём вы говорили с Пионатом? — спросил я, пользуясь поговоркой: куй железо пока горячо.

— О тебе. Я тебе расскажу, если ты честно расскажешь, о чём ты говорил с ним.

— О тебе, — собезьянничал я. — О том насколько ты взбалмошна. Дед пообещал рассказать

почему, после того как ты уедешь.

— Это я попросила его не говорить тебе.

— Зачем?

— Уеду — узнаешь. И это всё?

— Нет. Я хотел переговорить с ним о том, как бы удобней отказаться от поездки с тобой.

— Неужели я так страшна?

— Ну почему, ты привлекательна, — я несколько смутился.

У лары Альяны проскользнула полуулыбка, возвращающая её в прежнее озорное состояние. Сто процентов вспомнила занятия танцами.

— Но ты несколько безрассудна, а я никогда не был в городе и первый визит туда, где всё не знакомо не хотел бы делать с такой особой, — по быстрому осадил я её, ну дабы не потерять её проснувшуюся откровенность.

— Я не доставлю тебе хлопот, — при этом слегка прищурившиеся глазки выдали, что я её потерял.

Потерял, в смысле, честную Альяну — в неё снова вселился дух сарказма и безбашенности. Я прямо всеми фибрами души ощутил готовящийся подвох.

— А о чём говорили вы?

— О том насколько быстро ты восстановился после удара и что тебе необходимы новые ощущения.

Я демонстративно уставился в окно. Девушка оказалась опытнее, чем я предполагал, и не повелась на напускную обиду. Мы некоторое время молчали. Но Альяна смогла, изобразив глупый вид, при этом наивно и в то же время профессионально, втянуть меня в пустой разговор. Ей бы аферисткой быть, а не ларой. Но за полчаса перед городом она вдруг сама потухла и уставилась в окно.

Балзон Роник слегка полноватый мужчина, владеющий землями раз так в десять превосходящими по размеру балзонство Пионата и либалзон Сойтеникар, оказались довольно приветливыми людьми. По крайней мере, внешне. Я бы возможно вообще на их месте не стал принимать нас. Дело в том, что у нас, вернее у деда с балзоном Роником, были спорные территории и они, находились в несколько напряженных отношениях, однако, либалзон Сойтеникар разок посещал вотчину деда. Я тогда только приехал в имение и дед не разрешал мне появляться целый день во дворе во время визита этого молодого человека. С теоретической высоты прожитых лет в этом мире, я понимаю, что это была разведка боем. До конца цель той миссии я так и не смог понять, но вот сейчас приняли нас по высшему разряду — вино, незамысловатые яства в виде фруктов и бесформенных кусков шоколада. Шоколад в этом мире это вот не те плитки в обёртке, это реально горьковатый комковатый продукт, подаваемый к местным отварам в качестве добавки и самая опасная, с точки зрения Отты, его функция, это поставить либалзона в неловкую ситуацию при употреблении этого напитка, путём отложения налёта на губе. Замудрёно? Это вы ещё не слышали полной версии доклада преподавательницы по этому поводу.

— Принесите полотенце, — обратился я к распорядителю обеда, перед тем как изведать этот не очень приятный на вкус продукт.

Он склонил голову и исчез. Можно было бы и отказаться, но, во-первых, напиток не настолько противен, а во-вторых, хозяева выставив реально дорогую по местным меркам добавку к отвару оказали некий знак уважения к нам.

— Могу поинтересоваться целью вашего визита лигранд Элидар? — вежливо спросил балзон.

— Я обязательно отвечу на ваш вопрос, но у меня есть просьба, — ответил я. — Могу просить вас и либалзона отойти от титулов.

— Вы предлагаете перейти на имена? — поинтересовался на всякий случай балзон.

— Да. Я знаю, что у моего деда и у вас есть взаимные территориальные претензии, но не считаю это поводом разговаривать на официальных тонах.

— Вы правы Элидар, поэтому ваше предложение вполне приемлемо, — соблюдая все традиции, улыбнувшись, произнёс Роник.

— Я приехал к вам ради знакомства, так как по известным причинам забыл всех кого ранее знал. К тому же балзон Пионат рассказывал, что Сойтеникар приезжал в имение поинтересоваться моим здоровьем. Ну и поскольку не так уж много людей выявили такое желание..., вернее либалзон и лара Альяна это единственные люди, то я просто обязан был совершить ответный визит просто из благодарности.

— Приятно слышать от молодого человека разумные речи. К сожалению, в наше время это редкость, поскольку имущественные отношения зачастую преобладают над элементарной вежливостью.

Далее разговор протекал в том же русле. Они мне комплименты, я им. После обеда нам показали конюшню и... псарню, хотя те животные, что находились там были из семейства кошачьих. Сойтеникар был явно заморочен на этих магически выведенных животных напоминающих рысь-переросток. Пятнистые кошки и вправду были очень красивы и явно сильны — мышцы прямо бугрились под шкурой. Либалзон взахлёб рассказывал, что пара таких, рвут в клочья земляного дракона — редкого зверя напоминавшего медведя, но имеющего некую чешуйчатую броню. Если честно я слышал о таком, но слабо представлял это чудовище.

Лара Альяна.... Лара Альяна была чудом. За всё время, проведённое в кругу этой семьи, она не произнесла ни слова и хвостиком держалась около меня. Уже по выходу из вольера с кошками она резко сжала мою руку трижды. Я обратил на неё свой взгляд. Грустные-грустные глаза чего-то пытались сообщить мне. Я, игнорируя приличие, смотрел на неё и пытался сообразить чего же она хочет. Она ещё раз сжала меня рукой покоящейся на моём предплечье и слегка опустила голову. Ну, я же не настолько тупой и демонстративно кивнул ей. Я бы возможно не догадался этого сделать, если бы не уроки Тотуса. Дело в том, что по современным правилам приличия, лара имела право общаться с мужчинами, но по старым, а такие тоже были, никакая женщина не имеет право голоса без разрешения мужчины, с которым она пришла. Похоже, балзон Роник был приверженцем старых правил, поскольку его жена за обедом вообще слова не сказала и удалилась, как только балзон кивнул ей. Но самое интересное это то, что следующей фразой лара Альяна тоже нарушала старые правила, поскольку все обращения женщины к стороннему мужчине должны происходить через её спутника.

— Балзон Роник, — выдержав необходимую паузу, обратила она свой взгляд на хозяина дома,

— могу я с разрешения лигранда Элидара переговорить с вами, в пределах его взгляда.

— Отец у тебя довольно строг, — констатировал я факт либалзону когда Альяна и Роник удалились метров на двадцать.

— Иногда, даже слишком, — хмуро произнёс Сойетеникар.

Разговор Альяны и балзона прошёл не так, как рассчитывала лара, это прямо читалось на её лице, да и Роник стал более сух в общении, поэтому спустя минут тридцать я, к радости моей спутницы, решил откланяться.

— Посмотрим город? — предложила Альяна как только карета выехала с балзонского двора.

— Хорошо, — я собственно вообще только ради этого и ехал.

Город, в понимании человека нашего мира, городом назвать нельзя было, скорее посёлок городского типа — больно уж он был мал. По окраинам мы, разумеется, шастать не стали и направили кучера в центр, до которого ехать было от дома балзона, метров сто от силы, дольше в карету залазили. Деревянные, изредка каменные одноэтажные строения прячущиеся за заборами резко оборвались, сменившись двухэтажными каменными домами окружавшими площадь и примыкавший к ней рынок, бывший похоже единственной достопримечательностью городка.

Оставив транспорт с нашей стражей прямо на площади, мы с ларой вступили на территорию магазинчиков, складов и лавок. Местный рынок служил, кстати, одним из способов давления Роника на моего деда. То есть с товаров из нашего балзонства взимали солидную дополнительную пошлину в случае продажи здесь. В итоге дед, как и деревенские, вынуждены были либо платить её, либо продавать по более низкой цене купцам, заезжавшим в наше балзонство. Местная экономика вообще зачастую строилась на принципе: нагадь, а лучше разори соседа. В последнем случае появлялась возможность скупить земли и расширить свои владения, ну и соответственно повысить доход.

Рынок он и в этом мире рынок. Толчея народа растекавшегося между лотками и стремящегося по одним только им ведомым делам. Те кто пришёл сюда за покупками старались нас обходить, а вот торговый люд наоборот лип со своими товарами. Я вежливо приподнимал руку, когда кто-то из них стремился ко мне, а вот лара наоборот, щупала предлагаемый ей товар, спрашивала цены и даже иногда оспаривала слова купцов, ну что-то вроде того, что эти ткани не могут быть из Ививиатского локотства, так как несколько грубы для этого. Покупать Альяна, я так понял, ничего не собиралась. После лотков мы попали на площадку с десятком магазинов и трактиром. Меня заинтересовал магазинчик с резным клинком на вывеске, а лару булочная или кондитерская, в общем, тут мы на некоторое время разошлись.

Оружейный магазинчик был тухлым, в отличие от цен в нём. Не смотря на старания продавца, мне в нём ничего не понравилось. Хотя мне в нём ничего и не могло понравиться с моей то половиной империи в кошельке. Хватило бы лишь на средненький кинжальчик и то если без ножен. Лара Альяна же вышла с некими медовыми пирожными. Сунув одну из них мне в руки, она заставила, нарушая все правила приличия, съесть её прямо на улице. Очень недурственно.

— Зайдём? — Указала она рукой на серые ворота в бревенчатом частоколе.

— А что там? — Я пытался платком лары стереть с губ мёд.

— Рабский рынок.

— Пойдём.

— Вот там, — она, слегка приподняв руку, указала на дверь в ещё одном заборе, — загон. Туда сдают беглых рабов. Там же их моют и подстригают. А вон на той площадке можно посмотреть товар.

Рынок был очень маленьким, под стать городу. Место надо сказать угрюмое. Я видел и рабов в цепях, когда ехали с братом к деду, ну и у деда понятно, но как-то вот именно здесь осознавалось то, что людей продают. Вот просто можно подойти и как барана купить живого человека. Я не расчувствовался, но несколько мерзко понимать это. Рабы по каким-то только продавцам ведомым критериям сидели в клетках, либо стояли без оных вдоль стены. Некоторые из тех, что стояли, были прикованы. На большинстве рабов была одета новенькая одежда серо-коричневого оттенка. Лара на удивление оказалась чувствительна к созерцанию невольников. Нет, внешне она особо не проявила каких либо эмоций, может немножко серьёзней стала, зато рукав моего камзола, в том месте, где лежала её рука, подвергся некоторой пытке.

— Хорошие рабы, — подскочил гнусоватый типок, — все чистые, не больные, ни у одного нет насекомых. Алтырь правда уже ушёл, но если господин либалзон выберет кого-нибудь, то завтра можно будет оформить бумаги.

Я спохватился и спешно стал перестраивать зрение. Как-то пока были у балзона в доме, я расслабился и перестал прятать взгляд — постоянно держать его скрытым, как оказалось, утомляет. Ну а когда покинули дом, я просто забыл об этой моей отличительной особенности. Работорговец напомнил мне о наличии людей способных непреднамеренно узнать мою тайну. Вообще алтыри для меня были не особо опасны. Во-первых, даже если они почувствуют взгляд, то не смогут быть уверенными что это, именно взгляд мага пока не проведут какое либо магическое действие, не видимое обычным взглядом, а я на него неотреагирую. А это они делать вряд ли будут, по крайней мере, преднамеренно. А во-вторых, они не знают меня и если прикрыть перстень либалзона то могут решить что я какой-нибудь странствующий маг. Дело в том, что среди магов не может быть балзонов или грандзонов. Среди алтырей — могут, а среди магов нет. Маги это отдельная каста, живущая по своим законам и правилам. Ну и, в конце концов, даже если перстень не будет снят и вдруг каким-то невероятным способом алтырь поймёт, что у меня есть магический взгляд, то не посмеет в открытую обвинить меня в чём-то, разве что только доложить магам. А магов в данном балзонстве быть не должно, да и вряд ли алтырь побежит к ним, так как боятся магов очень. А даже если и поймёт, и маг неподалёку будет, и алтырь к нему побежит..., я за это время успею спрятать взгляд, и буду всё отрицать. Правда, мы с дедом не были уверены, что у магов нет иного способа определить мой дефект зрения.

— Мальчик вот, ещё даже без печати, крепкий, — продолжил рекламу своего товара гнусный.

Тщедушный паренёк лет девяти испуганно хлопал глазами, глядя на меня. В описание ему скорее бы подошло сейчас сломается от ветра, чем крепкий.

— Всего за империал отдам. Зубы не все, но они у него меняются. Может быть, либалзон хочет посмотреть рабынь?

— Да, хочет, — ответила вместо меня Альяна.

Рабынь было всего три. Две из них женщины лет сорока, третья помоложе, может лет двадцать

пять.

— Вот эта очень хороша, — торговец задрал юбку той, что помоложе, до середины бедра, — смотрите какие ноги крепкие. Можно разной работе научить, — многозначительно оповестил он меня.

— Либалзон находится тут со спутницей, — осекла его Альяна.

— Я не имел ввиду ничего плохого лара. Я понимаю, что у либалзона много поклонниц...

Тут торговец понял, что опять сморозил глупость и поспешил перевести тему:

— У нас даже балесса есть, только либалзону с такой невероятной красоты спутницей она не нужна, разумеется.

— Отчего же, я сестра, а не девушка либалзона.

— О-о-о, тогда может привести?

— Конечно, ведите.

Я уже по тону Альяны понимал, что она готовит пакость, поэтому наострил шестое чувство и логику, но отказываться от просмотра не стал. Нас проводили в отдельную комнату, увешанную коврами, где усадили на диванчик.

— А откуда у вас балесса? — поинтересовалась лара.

— Один либалзон из соседнего балзонства купил, а его отец запретил ему, — ухмыльнулся толстячок.

— Сойетеникар?

— Нет, что вы...

— Я знаю всех либалзонов в округе. И всем, кроме двоих, нет одиннадцати. Один из этих двоих здесь, — улыбнулась Альяна.

— Не рассказывайте балзону Ронику пожалуйста, — рабовладелец даже цвет лица сменил. — Он просил держать это в тайне.

— Вот тот мальчик, что без рабской печати — Альяна вдруг стала серьёзной, — он стоит максимум полимпериаала. Скажите мне честно, за сколько вы его купили?

— Я его не купил. Мальчишку привёл луну назад его дядя, просил продать. Родители умерли, а у него самого толи семь толи девять детей.

— Сколько?

— Девяносто башок.

Альяна пристально посмотрела на торговца.

— Восемьдесят. Я не могу дешевле лара. У нас с его дядей договор. Я и так его луну соержу, к

тому же алтырю за печать десять башок надо отдавать будет.

— Шестьдесят.

— Лара я действительно не могу, я покажу вам договор, по нему я должен отдать шестьдесят башок.

— Вы отыграетесь на балессе. К тому же мне не нужна печать, на этом тоже сэкономите. А вот если вдруг балзон Роник узнает....

— Шестьдесят пять лара. За документы мне всё равно нужно будет отдавать пять башок алтырю. А без документов его у вас отберут на первой же границе локотства.

Альяна неожиданно повернулась ко мне и уставилась прямо в глаза. Такой... знакомый по прошлой жизни взгляд.

— Сколько? — спросил я.

— Шестьдесят пять.

— Сорок, — сам не знаю почему, согласился я отдать ей практически все деньги.

— Насчёт документов я дам вам распоряжения несколько позже, — Альяна перекинула свой взгляд на работарговца.

— На сегодня алтырь уже ушёл, поэтому только завтра.

— Печать ставить не надо, поэтому пошлёте своего подчинённого к алтырю и принесёте документы в трактир. Скажете, лигранд Элидар Младший Борокугонский ожидает и алтырь всё вам подпишет.

— Якальский, — поправил я её.

Тут с этими титулами вообще котовасия. Если либалзон, то по наименованию балзонства наследником которого я являюсь, то есть Борокугонский. А если лигранд, а это звание вообще не подтверждалось ни бумагами, ни перстнем, хотя оно было официальным и даже выше чем либалзон, то по наименованию локотства в котором занимал должность мой отец. В данном случае соседнее — Якальское.

— Либалзон Борокугонский лигранд Элидар Младший Якальский, — несколько хмуро произнесла Альяна.

Лигранд соседнего локотства не имел веса здесь, но лигранд балзонства звучит вообще абсурдно. Тут вопросы документов на приобретение лары затихли, поскольку из противоположенной от той, через которую мы вошли двери вывели.... Это не модель, нет. Это совершенство во плоти. Вот если взять Миллу Йовович в Пятом элементе и поставить рядом, то та девушка что стояла передо мной ей фору даст. Ну не бывает такого! Даже витиеватая серо-голубая печать на виске смотрелась словно украшение.

— Она продаётся? — произнёс я, при этом голос оказался несколько суховатым.

— Да. Двадцать империалов. Поверьте, она ещё никогда ни с кем и за такую цену вы не сможете найти балессу. Это две трети от её реальной цены.

— Никогда ни с кем — это алтыри восстановили? — спросила моя спутница.

— Нет, что вы! — Засуетился работорговец. — Можно проверить если есть сомнения.

— Насколько я знаю их практически невозможно проверить, они пропитаны магией.

Я при этих словах Альяны я ослабил зрение. Эта девушка полыхала светом, в особенности внизу живота. Там прямо клубок светящихся змей шевелился. Данное зрелище вернуло меня к реальности. Не то что бы противно, но я такого ещё не видел. Это несколько... пугало.

— Мы можем оставить их наедине? — спросила Альяна.

— Да, конечно, но не на очень долгий срок.

— Тогда пойдёмте, обсудим вопросы документов и оформим задаток.

Как только они вышли, девушка, раскачивая бёдрами, подошла и присела ко мне на колени. Меня обдало приятным ароматом духов. Нет, ну если бы я не задействовал магическое зрение, я бы только от этого получил экстаз, но когда ты видишь как непонятные "змеи" пульсируя стремятся к самому сокровенному.... Я чуть ли не столкнул её с коленей. Хозяин явился практически моментально, как услышал шум.

— Можете увести, я не буду покупать, но у меня есть к вам предложение. Вот вам башок, — я вытряс из кошелька-мешочка монету, — вы сейчас выходите и говорите ларе, что я захотел купить балессу и теперь... проверяю её. И не пускайте её сюда как можно дольше.

— Я не смогу встать на пути лары.

— А запор есть?

Альяна долбилась в дверь минуты три, прежде чем я открыл.

— Дурак! — выкрикнула она, когда поняла, что её разыграли, и резко повернувшись, вышла на улицу.

Я кивнул работорговцу в благодарность и вышел вслед за ларой.

— Я тебе нравлюсь? — спросил я её в открытую.

— Нет. Ты.... Она.... Её маги сделали для таких как ты!

— Ревнуешь?

— Дурак! Пионат бы меня убил! Если бы ты.... Если бы вы там вот это сделали, то ты бы её купил! После этого с ней — вы голову теряете!

Альяна размашистым шагом пошла в сторону ворот. За ней засеменял тот щупленький паренёк. Догнал я их уже у входа в трактир.

— Рабам нельзя, — я взял парня за плечо перед дверью.

Он вздрогнул.

— Может, отведём к карете?

— Он ещё не раб! — Альяна вызывающе посмотрела на меня.

Я пожал плечами — как хочешь.

Заведение отличалось от придорожных наличием полуоткрытых кабинок вдоль дальней стороны зала, в одной из которых мы и разместились. Альяна заказала себе и мальчишке грибной суп и пюре из кротки с зайчатинной. И куда в неё только влезает? Вот ведь у балзона обедали. Я попросил принести салат и... настойки. Дед, настойку не воспринимал, ввиду её неблагородного происхождения, я же соскучился по крепким напиткам. Альяна фыркнула и попросила вина.

Пока ждали служащего, или кто он там, рабского рынка, я поинтересовался у Альяны балессой, за что тут же получил колкость, но и объяснить она соблаговолила.

— Их растят с раннего возраста в специальных домах под присмотром магов. С самого детства из них лепят красавиц. Как и что с ними там делают, не знаю, это держат в секрете, но вырастают такие вот красавицы, от которых мужчины без ума, а женщины ненавидят.

— Конкурентки?

— Глупые куклы для балов и постельных утех!

— А почему обычные женщины к магам не обращаются?

— Обращаются, у кого деньги есть, только до такой красоты надо многими зимами жизни пожертвовать. Живут балессы не очень долго. Да и на разум магия очень влияет. Может их намеренно слегка дурами делают, вам же нравятся такие у которых мыслей нет. Хотя нет, одна у них есть, — Лара стрельнула в меня глазками. — Но самое страшное не в этом, а в том, во что вы мужчины превращаетесь, единожды побывав с ними в постели. Вы прямо язык на бок и бегаєте за ними как собачки, — Альяна сгримасничала, изобразив собаку, чем привлекла косые взгляды подавальщиц.

Ещё бы. Не часто увидишь девицу благородных кровей, строящую рожи. Лара заметила их внимание и резко повернула голову в их сторону. Тех словно ветром сдуло.

— А зачем за ними бегать, они же рабыни?

Альяна гневно посмотрела на меня, и вновь нарушая правила поведения молодой девушки, отвечать не стала, переключившись на мальчишку, так как тот, скромничая, к еде не прикоснулся.

Поскольку хмель слегка коснулся моего разума, сидеть молча, мне было не интересно, поэтому я сделал попытку разговорить Альяну.

— Ты часто бываешь на балах.

— Да, в особенности на императорском, — экспрессия с которой она это произнесла, позволяла предположить, что ей не доставляет удовольствие бал, поэтому тему развивать не стал, а каких либо иных тем подобрать я не смог и предался разглядыванию подавальщицы за стойкой трактира — довольно милая девушка....

Лара заметив моё занятие презрительно фыркнула.

Документы принесли только часа через полтора, к этому времени зал трактира стал уже наполняться людьми. Лара пробежала текст глазами и потребовала у меня сорок башок. Как только гнусный исчез, лара протянула мне свёрнутую в трубочку бумагу и медальон.

— Поздравляю с приобретением.

Я взял бумагу и прочёл имя владельца.

— И зачем он мне?

— Не знаю. Хочешь — продай, хочешь — отпусти. Твой человек тебе и решать. Там кстати достаточно поставить роспись и прижать твой перстень, и он станет вольным.

Женская логика во всей её красе.

— Могу попросить перо, — остановил я подавальщицу проходившую мимо.

Раб мне был не нужен, как и заботы связанные с его содержанием. Продавать его обратно тоже не стоило. Не знаю, как объяснить.... Я чувствовал, что если отправлю его обратно, то очень испорчу отношения с Альяной. Не то чтобы я ими дорожил, но уж точно не хотел их обменять на сумму, вырученную от продажи этого мальчонки.

— Магическое?

— Не имеет значения.

— Только он всё равно тогда вскоре окажется в рабах, — лара прищурила глаза. — И это подарок.

Поскольку вопроса в её словах не прозвучало, я предпочёл промолчать. Как только принесли перо, я черкнул роспись и, сняв перстень, прижал его к чёрному кругляшу без рисунка, приклеенному на бумагу. Кругляш тут же сменил цвет на серый, впитав на свою поверхность герб Борокугонского балзонства.

— Как благородно. Если ты хотел этим растрогать меня, то у тебя не получилось.

— Тебя как зовут? — спросил я мальчишку.

— Ильнас, — робко произнёс тот.

— Держи! — Я протянул ему свиток. — Теперь ты вновь свободный человек. К дяде больше не ходи. Попросись вон к трактирщику на работу....

— Элидар, — бесцеремонно прервала меня Альяна, — возьми его к себе. Пожалуйста.

— Зачем он мне?

— Потому что я прошу.

Я внимательно посмотрел ларе в глаза. И ведь не шутит.

— Потом посмотрим. Обещать не буду. Может, поедем всё-таки в имение? Вечеряет.

Лара встала и поманила за собой паренька. Я задержался, чтобы рассчитаться и приобрести ещё пару бутылок настойки — когда ещё в городе смогу оказаться.

Мальчонку посадили к кучеру. Альяна на половине дороги уснула, склонив голову на моё плечо. Я приобнял её.

— А ты бы хотел? — Не открывая глаз, спросила она сонным голосом.

— Чего хотел?

В отблесках луны было видно, что она улыбнулась.

— Чтобы ты мне нравился.

— Не знаю. Может быть.

— Ты мне не нравишься, — лара вновь погрузилась в сон.

Глава 7

В имение мы приехали глубокой ночью, так как в темноте скорость кареты, даже с висевшим у кучера магическим светильником, была очень низка. Я, было, сразу хотел отправиться спать, но заметил одинокую фигурку парня у кареты. Лара Альяна благородно оставила свою покупку на произвол судьбы.

— Ратс, определишь молодого человека куда-нибудь?

— Конечно либалзон Элидар. Куда его определить?

Я сначала хотел съязвить: куда-нибудь. Но до меня вовремя дошёл смысл вопроса слуги. Ему нужен был статус мальчишки.

— Он бывший раб, но ныне вольный. Забрали прямо с рынка, поэтому к рабам не надо, но и в комнату.... Покажешь ему сеновал, а завтра надо будет вымыть и проверит его на болезни.

— Хорошо либалзон.

Выходя на утреннюю пробежку, заметил отсутствие кареты лары во дворе.

— Давно уехала? — Спросил я у стражника около калитки.

— Меньше осьмушки назад.

— Куда не знаешь?

— Её стража говорила, что девять балзонств объехать надо.

Пока бежал, обдумывал странные поездки Альяны пытаюсь найти им объяснение. Кроме глупой теории о подготовке военного переворота в локотстве ничего не лезло в голову.

Альяна появилась через восемь дней, причём, по всей видимости, вновь ночью, поскольку вечером её ещё не было, а когда я выбегал на пробежку, карета уже стояла около ристалища. Внутри как-то стало тепло. Я поймал себя на мысли что ждал эту занозу.

Перед завтраком мы столкнулись с ларой Альяной в коридоре, она прямо при младших поцеловала меня в щёку.

— Да у вас любовь! — Прокомментировал Ройт, за что тоже получил аналогичный поцелуй, при этом парень слегка нервно дёрнулся, и уведомление что мы с ним можем драться из-за лары на дуэли.

Сразу после завтрака дед вызвал меня к себе и объявил "свободный график", хотя если честно я и так мог пропускать некоторые занятия, если считал, что они мне не нужны. Также Пионат уведомил меня, что на следующих два дня я остаюсь на имении, то есть за старшего — дед собирался совершить поездку в город. По сути это лишь номинальное назначение, поскольку был управляющий, единственное приходилось играть роль знатной личности и главенствовать на завтрако-обеденно-ужинных церемониях. В первый же обед, за попытку саботировать моё место во главе стола, я чуть не назначил ларе Альяне розги, причём предупредил, что пороть буду лично, на что получил в ответ, под улыбки младших: с удовольствием. Короче, развлекались, как могли.

Уже далеко за полночь раздался стук в дверь.

— Войди, — разрешил я, после того как убрал настойку в шкаф.

Я не злоупотреблял, но поймал себя на мысли, что этот напиток немножко уносит меня обратно на родину. Я безумно скучал по бабушке и моей прошлой жизни....

Вошёл на удивление Ильнас.

— Лара Альяна приглашает вас на конную прогулку, — он склонил голову, чем вызвал мою улыбку — он несколько нелепо пытался повторить жест Ратса.

— Какая прогулка? Ночь на дворе.

— Лара Альяна сказала..., — парень стушевался.

— Говори дословно.

— Только трусы откажутся от такого предложения.

— Понятно, можешь идти.

— Что передать ларе Альяне? — проямлил мальчишка.

— Либалзоны не поддаются на провокации. Иди.

Через пятнадцать минут ворвалась сама лара.

— Не наглей! Почему я должна ходить за тобой лично?

Лара была в костюме для верховой езды. Это такой удлиненный до колен камзол женского покроя и восточные шаровары.

— Что за глупые идеи? И что благочестивая лара делает в такой час в комнате молодого человека?

— Брата.

— Ну, да. Или вернее внука сводного брата отца твоего отца.

— Это лишь слова. Поехали!

— Да куда?!

— Просто поехали. Тебя молодая лара приглашает на ночную прогулку. Не будь занудой.

— Ну, хорошо, надеюсь, лара не обманет моих ожиданий.

— Ещё как не обманет..., либалзон, — несколько растягивая слова томным голосом, произнесла она.

Через ворота, понятно, нас выпустили — я же всё таки за старшего, но, вежливо предупредили, что лучше было бы взять охрану. На что Альяна ответила, мол, в имении и так осталось всего шесть воинов, и направила моего нагло экспроприированного жеребца за ворота. Благо луна в эту ночь неплохо освещала местность, так как Альяна в какой-то момент свернула с дороги и пришпорила коня прямо в поле. Пришлось догонять, молясь, чтобы лошадь не споткнулась. Остановились мы у реки.

— Отвернись, — потребовала лара.

Я никогда не считал себя гением, но тут надо быть совсем тупым. Моя фантазия рисовала стройные ножки лары на своих бёдрах в бурных, ну пусть не очень бурных, потоках местной речушки. Хотя в случае с Альяной это могла быть очень жестокая шутка.

— Элидар! — Раздалось со стороны реки. — Ты долго там стоять будешь?

Может я и параноик, но на всякий случай я отстегнул от седла путы и стреножил обеих лошадей. А то так можно оказаться и без одежды, и без девушки, и без лошади, на берегу этой речушки. Вот смеху то будет, если я голым под утро войду в имение.

То что лара, голова которой мелькала на поверхности, полностью обнажена, красноречиво говорила её одежда, сложенная около куста....

Мы плескались, брызгались, сплавали до противоположенного берега. Под конец Альяна подплыла ко мне и опёрлась руками о плечи — так как я стоял по шею в воде, ей не хватало роста достать до дна. Её дыхание обдало мои губы, я, обняв одной рукой её за талию, а второй проведя по мокрым волосам, попытался поцеловать девушку. Она отпрянула от моих губ.

— Это ты получишь, лишь съев цветок безумия, — прошептала она.

— А у тебя есть такой? — также тихо спросил я.

— Глупый, — улыбнулась она, — это поговорка. Есть такой цветок, съев который на один час можно пожелать что угодно, а потом....

— Что потом?

Альяна прижалась ко мне всем телом.

— Какой ты горячий там, — она провела своим носиком по моему. — А потом ты становишься безумным.

Лара набрала побольше воздуха и медленно стала опускаться под воду. Её руки, скользнув по животу, ухватились за талию.... Такого у меня ни в одной жизни не было.... Я замер в ожидании наслаждения, но.... вместо эротических фантазий получил резкий толчок ног лары в оба бедра и на доли секунды обнажённое тело молодой девушки над водой.

Пока я отплёвывался от попавшей в рот воды, лара уже достигла отмели и с задорным смехом выбегала на берег. Я приложил все силы, чтобы успеть догнать её. Ну, собственно это мне удалось, и я заключил её в объятия около лошадей, попытавшись вновь поцеловать.

— Не надо, прошу, — раздался шёпот, когда мои губы коснулись её.

Ну, вот какой мужчина сможет после этого продолжить. Я выпустил прикрывающую грудь своей одеждой девушку и отвернулся.

Обратно мы возвращались молча. Я пытался разгадать загадки женской логики — если не нравлюсь, то тогда зачем, а если нравлюсь.... Возможно, бережёт себя для мужа, но тогда снова — зачем весь этот цирк?

Лару после ночного купания словно подменили. Она совсем даже не в шутку дерзила на каждом шагу, доводя изредка меня до бешенства. Через два дня после того как вернулся дед, она ворвалась ко мне в комнату. Я встал, как подобает либалзону, при этом ожидая услышать очередную гадость. Возмущаться и ругаться с ней по поводу её манеры входить не хотелось. Она подошла ко мне и вставила что-то за ухо.

— Извини. Я думала, так будет лучше, если мы расстанемся в ссоре, но не смогла. Я уезжаю.

Её губы сомкнулись на моих. Сладкий — сладкий поцелуй нежных губ, длился, пожалуй, целую вечность показавшуюся мгновением.

— Прости. Не провожай меня. Жаль, что ты тогда не решился..., — она резко развернулась и, шелестя платьем, направилась к открытой двери, но остановилась и вновь повернулась ко мне.

— И тогда, в купальне, это мы с Ирушей уговорили тебя.

— Зачем?

— Мы обе были влюблены в тебя, а тебе привезли рабыню, чтобы научиться общению с женщинами. И мы решили, что твой первый раз должен быть с кем-то из нас. Поэтому договорились что та, которой ты первой коснёшься....

— И кого я коснулся?

— Никого. Ты просто улыбался. А под конец нас поймали. И цветок безумия сними, — лара приподняла руку, указывая на то, что положила мне за ухо, — от него ожог может быть. Если надумаешь съесть, я буду рада. Только в масло окуни, а то просто с ума сойдёшь, и желание не сбудется.

Лара, улыбнувшись, исчезла в глубине коридоров. Я, вынув из-за уха несуразный тёмно-зелёный бутон, проводил взглядом её карету из окна. Был ли я тогда влюблён? Вряд ли. Уж больно спокойно я пережил её отъезд.

Последующие дни я стал входить в свой обычный ритм, разве что в мою жизнь как-то

незаметно стал втираться Ильнас. Ну, то есть, после пробежки скажем, я споласкивался и любил выпить отвара, так парень уже встречал меня у дверей в мою комнату с кружкой оного. Только я собирался на ристалище, как он уже ждал меня с начищенной кольчугой и шлемом у ограждения. В некоторых случаях, например, когда он ждал у дверей комнаты распорядителей, это несколько нервировало, и я попросил разрешения деда на присутствие мальчишки на занятиях. Дед, кстати, даже не поинтересовался, зачем мне этот парень, чем если честно обрадовал меня, поскольку я не знал что ответить на такой вопрос.

Ильнас воспринял возможность обучаться с энтузиазмом. Разумеется, что полноценно учить, в ущерб другим детям, его никто не собирался. То есть на устных занятиях он ставил свой стул в уголок и просто слушал, на мечном бое просто в сторонке махал палкой, на письменных ему вообще делать было нечего, так как безграмотен. Этот вопрос я взвалил на свои хрупкие плечи и, когда у меня было свободное время Ильнас, сидя у меня в комнате выводил буквы, повторяя их про себя. И это буквально за пару рук! Очень, кстати, удобно иметь слугу, а не раба. И удобство не только в том, что Ильнас мог передвигаться по дому после "комендантского часа" для рабов, дело в том, что он мог ведь и на уроке танцев, скажем, присутствовать и вовремя протянуть полотенце. Поверьте, через час непрерывных занятий пот не градом, конечно, но испарина проступала. А в случае общения с дамой на коротком расстоянии Отта ставила это в минус. В любом случае Ильнас лучше Пасота, хотя бы только потому, что общаться, а соответственно трепать языком мальчишке было не с кем, кроме кухарки, поскольку жил он в бывшей кладовке кухни.

Дед, через два дня после отъезда Альяны, за бокалом вечернего вина рассказал мне её не очень весёлую историю.

— Живёт в Дуваракском локотстве, то, что сейчас Руизанское, — Пионат указал мне рукой на бутылку, намекая, чтобы я сам себе налил, — такой балзон — Луисмир Сморнокский. В общем-то, неплохой человек, но больно уж эксцентричный — любит шутить и показывать себя публике. На каждый императорский бал, он что-либо придумывает. На прошлый, приехал на хрумзе — есть такой зверь подвластный только оркам. Там их шаманы с разумом владельца их завязывают — несколько опасное действие, бывает оба связываемых с ума сходят. Конечно, зверя держали на верёвках... Так вот, основной доход Луисмира это дача в долг некой денежной суммы нуждающимся под залог имущества. Уж не знаю как Горт (отец Альяны) связался с ним, а не с семьёй, но он оказался должен Луисмиру приличную сумму под землю балзонства. Проценты были баснословными, — дед отпил из своего бокала. — В тот момент балзонство Горта практически принадлежало Луисмиру. Горт, опомнившись, бросился к нам. Чем-то, разумеется, мы ему помогли, но тех денег было не достаточно. Луисмир не стал забирать балзонство. Там собственно и забирать то..., оно меньше моего. Но в залог будущих оплат потребовал закладную на Альяну, — дед на некоторое время замолчал. — Ей тогда было семь зим. Горт, надеясь, что мы сможем ему ещё помочь, согласился. А вот повторно собрать нужную сумму не смог. Сейчас долг за Альяну превышает долг за балзонство и она вынуждена чтобы не оказаться рабыней, скитаться по империи и просить денег чтобы оплатить часть процентов и оттянуть ещё на год рабство. Луисмир каждый раз благородно соглашается отсрочить, но при императорском дворе все каждый императорский бал ждут развязки. Альяна уже притча во плоти.

Дед ещё раз отпил из бокала.

— Она словно кувшинка, распускается после императорского бала и жадно впитывает лучи солнца, а к следующему балу собирается в дорогу, опускаясь на дно.

— Тогда уж роза с шипами.

— Это да, — вздохнул дед. — Но винить её в этом нельзя. Представляешь, сколько людей проявляют своё остроумие за глаза, а то и в глаза. Вот и стала она такой. Знаю, ты ей нравишься. Да и она тебе. Было несколько жестоко оставлять вас наедине, но я должен был показать тебе, что иногда желания не есть всё и обстоятельства бывают гораздо сильнее наших желаний. Так что, ты не сердись на неё, за то, что не пустила на свои простыни.

К лицу слегка прихлынула кровь. Я переваривал последнюю фразу деда.

— Или...? — Настороженно спросил дед.

— Нет, — успокоил я его. — Она что тебе всё рассказала?

Пионат улыбнулся.

— Не сложно догадаться. Вы последние дни, словно две бойцовских собаки. Да и Отта про ваш танец рассказала..., — улыбка деда ещё больше растянулась.

— Она по договору не имеет права лишиться девственности, — после некоторой паузы Пионат решил не проверять насколько яркой может стать моя окраска. — Если такое произойдёт, то и она станет рабыней, и балзонство Горт потеряет, и ещё должен останется — сам в рабы пойдёт. Её перед императорским балом, алтыри проверяют каждый год.

— Она же красивая девушка, можно и замуж выйти?

— Ей сейчас самый возраст, только кому она нужна за такие деньги? Бывает и отцы за невест приплачивают, — грустно ухмыльнулся Пионат. — Изначально такой вариант возможен бы был, но у неё долго не шла кровь. К тому же Горту по понятным причинам нечего давать в приданое, а таких, что были бы сражены красотой семилетней девочки настолько, дабы платить круглую сумму не нашлось. Вернее на то время были и такие, но Горт до первой крови не согласился, да и замужество такое противоречит законам. Потом уже поздно стало — сумма очень велика.

Дед однозначно всю нашу беседу проверял мою реакцию на его слова. Если бы мне действительно было девятнадцать, и я бы был безумно влюблён в лару, то я бы может, и отреагировал бурно, но я просто задумчиво отпил из бокала, оставаясь полностью спокойным. Не то, чтобы я остался совсем равнодушным, но деду эмоций показывать не стал. История, конечно, мерзопакостная и Альяну действительно очень жалко, но словами тут не поможешь, а делом, то есть деньгами — я не имел возможности.

— Ты обещал мне книги..., — я перевёл русло разговора в другое направление.

— Зачем тебе это?

— Хочу знать свои возможности.

— Это дорога поперёк магов. Ты понимаешь насколько это серьёзно?

— Можно на костре жизнь закончить, — ответил я. — Только если моё зрение раскроют, то будет тот же результат.

— Нет. Одно дело скрывать своё зрение, а другое пытаться развить магию.

— А это возможно?

Дед не ответил. Он смотрел в сторону от меня, постукивая пальцем по бокалу. Минут через пять он ожил.

— Ты знаешь, как образовалась империя?

— Да, Тотус рассказывал.

Пионат опять помолчал некоторое время.

— Ты не первый у кого проснулось зрение в нашей семье. Когда-то Руизан населяло огромное количество магических кланов. Магами были в них не все, но семьи, в которых одарённые магией рождались чаще, а это очень зависит от наследственности, брали главенство в клане. Каждая клан имел свои секреты. Кто-то знал, как животных изменять, кто-то как растения, кто-то умел зелья варить. Был даже клан, научившийся из обычного человека, на одну луну мага сделать. Постепенно выделились четырнадцать семей, которые свои владения превратили в локотства. Остальные семьи так либо иначе вынуждены были подчиниться. Разумеется, были войны и конфликты, но всё больше местячковые. Маги Гнутой горы тогда были одними из самых слабых кланов. У них даже земли не было, лишь замок в горах. Кстати знаешь, почему Гнутой?

— Наверно гора в наклон.

— Нет, прозвище у основателя замка было Гнутый. Горб он на спине имел. Так вот, однажды в одной из семей нашёлся слабый маг, понявший, что магический свет одной семьи отличается от магического света другой и не нашел лучшего применения этому знанию чем научить дикую кошку охотиться на магов враждебных соседей. Я не знаю, что за зверь был, но фактически все маги соседей погибли за короткий промежуток времени. Понятно, что та семья хранила этот секрет и постепенно расширяла своё влияние и территории. Пока... этот секрет не вышел наружу. Как это произошло, я не знаю, но это послужило началом магических войн. Как только не применяли это знание разные кланы. И в растения вкладывали, чтобы те в мага иглами с ядом стреляли, и свирепых животных выводили, чтобы те соседнее локотство от магов проредили. Даже рыб и тех для этого дела использовали. В Северные земли маги до сих пор остерегаются идти, там очень суровые битвы были, и половина зверья тех земель охотится на тех, в ком есть хоть капля магии. Да и ловушек магических там тьма осталась.

Когда война закончилась, магов остались всего сотни, если не десятки. Оно и не удивительно, маги тогда вообще дальше своих крепостей стали бояться выходить, столько магического зверья развелось. Вот тогда-то и стал подниматься орден Гнутой горы. Первое время после войны, они вообще почти не показывались из своей крепости, потом они стали пытаться собрать под своё крыло вновь родившихся одарённых. Те, кто побогаче, понятно не отдавали, а бедный люд вёл своих детей в обмен на золото. Были и другие семьи, которые пытались подмешать в свою кровь свет магов и даже женили дочерей на простолюдинах, в которых вдруг просыпалась магия. Шли годы, и орден крепчал. Потом орки стали наглеть — защиты то особо не было, а шаманы у орков тоже сильны. Разразилась Орочья война, в ходе которой зелёными была захвачена большая часть локотств.

Пионат помолчал секунд двадцать. В принципе дальнейшую историю, а именно зарождение империи я знал из уроков Тотуса, но перебивать деда не посмел.

— Дуваракский локот попросил у Гнутой горы помощи, когда орды подошли к его границе. Маги не отказали, но потребовали отдавать всех детей простого люда с проснувшейся магией к ним. Локот согласился, его же детей не трогают. Сами маги в битву вступать не стали, но дали

множества эликсиров и ядов, привезли каменётные трубы. Есть такое оружие — грозная штука. Это была первая победа людей над орками. За Дуваракским локотом, потянулись и другие просить помощи. Маги не отказывали и даже обещали помогать и в других вопросах, но требования о передаче всех одарённых детей, дополнились требованием присягнуть правящим семьям локотств, Дуваракскому локоту. Так стала зарождаться Руизанская империя. Локоты, видя, что власть империи лишь номинальная и кроме процедуры присяги придуманной магами ничего не требовалось, вступали в неё в надежде, потом выйти. Некоторые отказывались от помощи такой ценой, но после того как орки прокатывались на хрумзах по их землям или гибли, или соглашались. После Первой орочьей войны свободными от клятвы Дуваракскому локоту, тогда уже звавшимся Руизанским императором, остались всего два локотства: Колское и Лункское.

А вот дальше рассказ деда несколько разнился от версии Тотуса.

— Когда локоты выждав время, стали роптать о выходе из империи, а кто посмелее, в тайне объединившись с соседями, даже силой пытаться, оказалось что все семьи отравлены медленным ядом и без помощи магов Гнутой горы жить им не более года. К тому же магия из присягнувших семей, стала уходить. Зим за десять локоты или смирились, или вымерли, оставив локотства более мудрым родственникам, решившимся испить из чаши присяги империи. Потом и последних два локотства были захвачены силой. Тут уже не маги, а человеческая злоба — мы значит под империей, а они нет?

Дед наполнил наши бокалы.

— А дальше император с магами Гнутой стал свою власть укреплять. Сначала все войска под себя перевёл, когда началась Вторая орочья война, ограничив локотства в численности армий, потом налоги ввёл. Маги Гнутой горы при помощи войск прокатились по империи, убивая всех одарённых, что не соглашались вступить в их орден и, забирая или сжигая все книги о магии — боялись образования нового магического клана. Попутно проредили и магическую живность. Потом запретили все веры, кроме веры в круг магов, так как даже молитвы многих людей собравшихся вместе, могут управлять потоком магии. В нашем локотстве, до сих пор деревенские, когда не хватает денег заплатить алтырю, перед посевом собираются, и ночь бдят у семян читая молитву. Урожай потом действительно лучше. Я своим оплачиваю алтыря. Если с Гнутой узнают о молитвах, то и деревню могут выжечь. Так, шаг за шагом и сложилось то, что сложилось. Орден Гнутой горы сейчас даже язык предписал, на котором подданные должны говорить и писать — руизанский, вскоре все остальные запретят. И это только для того, чтобы если кто и нашёл старые магические книги, то прочесть не смог. К чему я тебе это всё рассказываю. Алтыри, магов гнутой горы не волнуют, они слабы и не знают что делают. А вот любого видящего мага боятся. Ведь и малой силой зная куда приложить, можно толпы живности породить, а если собрать вокруг себя алтырей.... Поэтому просто видение, тебе ещё могут простить, забрав в свой орден. А вот изучение магии не простят. Ты будешь пусть маленькая, но опасность.

— Насколько понимаю, Тотус этого не рассказывает, потому что эта часть истории тоже запрещена?

— Ты становишься умнее.

Думать тут особо не надо было — полностью тоталитарный режим государства.

— Не удивлюсь, если и последние орочьей войны были, для того чтобы окончательно взять власть.

Дед встал и зажѐг светильник над столом. Затем сев обратно пристально посмотрел на меня.

— Ты говорил, что я не единственный у кого проснулось зрение в нашей семье? — после того как я переварил информацию, поинтересовался я.

— Мой отец видел.

Я, понимая, что дед что-то недоговаривает, ждал продолжения.

— Потом он исчез.

— Как исчез?

Дед с угрюмым видом аккуратно наклонил горлышко бутылки, сначала над моим бокалом, потом над своим, стараясь не баламутить осадок на дне — бутылочку, объѐмом не менее литра, мы с ним незаметно приговорили.

— Эстуния, моя жена, мать твоего отца, заболела. Мой отец в ней души не чаял. Алтыри сделать ничего не могли, маги приехать не успели. Отец видел болезнь, но что делать не знал. После её смерти он тайно изучал долгое время магию и однажды сел на лошадь и уехал, оставив на столе бумаги на моё наследие и деньги балзонства.

Мы несколько минут помолчали, опорожнив бокалы.

— А книги? — повторил я вопрос, с которого и начался этот разговор.

— О книгах завтра поговорим. Мне надо подумать над этим вопросом.

Настаивать я не стал.

На следующий день Пионат, лично, зашёл за мной в комнату (я прогуливал арифметику) и позвал с собой. Когда мы проходили мимо кухни, он заставил меня прихватить ведро с водой.

Я, конечно, знал, что под домом есть подвал и даже бывал в нём, но вот что в полу захламлённого чулана есть люк в подземный ход....

— Оставь ведро здесь, — дед полез вниз первым. — И люк за собой закрой. В тусклом свете переносного светильника деда длинный коридор под землёй выглядел зловеще, я то и дело подставлял руку, чтобы паутина не попала на лицо. Шли мы, по узенькому коридорчику, собирая пыль с деревянных стен, пропитанных магией, наверно минуты три. И по ощущениям давно покинули пределы имения. В какой-то момент дед остановился и стал освещать ничем не приметный участок стены. Наконец он нашёл щель между досками и засунул туда руку — часть стены казалась дверью. За не очень длинным, метра три, туннелем, была ещё одна дверь.

Помещение в котором мы оказались, было маленьким, максимум два на два. Дед прикоснулся к шару над столом и тот озарил пыльную комнатку светом. На столе был десяток книг, которые в магическом зрении слегка светились, подсвечник со свечами и кинжал — пара от моего клинка.

— Смотри. Располагайся. Только вряд ли ты что здесь найдѐшь. Отец собирал эти книги по разным балзонствам и большинство из них написаны не на руизанском. Книги отсюда не выноси. Даже если раб какой увидит — донести могут.

— А та, что у меня?

— Та не запретная. Её можно в любой книжной лавке купить, только всё равно тут же сообщат, кто купил. Были у отца свои записи, но той книги, в которой он писал, я здесь не нашёл. Я в этой комнате не был, с того времени как он исчез. Будешь выходить, в чулане оботри одежду — вода в ведре. И старайся, чтобы тебя не заметили. Вот ещё один светильник, — дед положил на стол маленький шарик и, развернувшись, вышел из комнатки.

Пионат оказался не прав, книги были очень интересны и некоторые из них на руизанском, ну или некоем искорёженном варианте, возможно доимперская версия. Другой разговор, что они были для меня не совсем полезны, поскольку силой такого уровня, чтобы применить то, о чём в них написано, на практике, я не обладал. Очень понравилась книга по артефакторике, по крайней мере, для себя, я её так назвал, поскольку перевести название не мог — иероглифы, нарисованные в книге, были мне не понятны, зато картинки которыми она снабжена, вкуче с текстом о распределении потоков и их составляющих, вычитанном в другом фолианте, давали некое представление о назначении. То же самое касалось и книги об изменении магических сил животных. Тут было всего с десяток изображений, но зато показано до изменения и после. Опять же сказывалось недостаточно натренированное моё зрение — настолько глубоко как показано на картинках, то есть, расщеплено я ещё не умел видеть магический свет. Но самой интересной была книга о способах передачи магии от одного существа другому. А способов, существовала масса, от добровольных, которыми могли пользоваться маги уровня не менее алтырей, до способов связанных с жертвоприношением. Этакая "тёмная магия", как я её окрестил. Только вот почти все способы требовали либо присутствия мага, либо специальных амулетов.

Следующих полгода я совмещал занятия официальные, из которых большей частью уделял внимание мечному бою и физическому развитию, с тайными, где приходилось шевелить извилинами и магической силой. Судя по пометкам прадеда на полях и вложенных листочках, магию в себе действительно можно развить. Не до безграничного предела, но в несколько раз повысить свой потенциал можно, только вот основных записей, где это всё объяснялось, я не нашёл. А книги не на руизанском перевести не мог. Дед помогать мне в этом отказался. Не смотря на это, теорию я в какой-то мере осилил, а для практики не хватало силёнок, хотя рану на крупе одной из лошадей я залечить смог. Не за раз конечно, но смог!

И вроде бы всё хорошо — живи и радуйся, только я всё чаще возвращался к тем мыслям, что я здесь не живу, а прячусь от жизни. Чего я именно хочу, общения, или приключений на мягкое место, я понять не мог, но и чувство пустоты и никчёмности в этом мире, меня не отпускало. А ещё.... А ещё мне стала сниться Альяна....

Спустя эти полгода в гости приехала сестра. Её муж опять отбыл в командировку, то бишь поход, и она решила сделать вояж по родственникам. Уже через руки я принял решение уехать с ней. Дед если и расстроился, то вида не подал, а может, он наоборот вздохнул с облегчением. Перед отъездом я выпросил в подарок кинжал прадеда. Собственно и мой меч раньше принадлежал ему. Дед не отказал мне в этой мелочи. Книги просить я не стал — всё, что мог я из них почерпнул, для остального же, необходимо развивать зрение и силу, к тому же был уверен, что дед мне их не отдаст. Возможно он и рад бы был, но побоится за меня. Но я скрупулезно выписывал и систематизировал всё в своих записях, которые, разумеется, остались со мной.

Глава 8

Ильнаса я забрал с собой. Обрато в дом отца, с учётом того, что мы заехали к паре

родственников, мы доехали всего за две с половиной десятины, то есть двое рук и пять дней. Что говорило о том, что в имение меня везли очень окольными путями. По дороге заглянули в Ививиат — столицу локотства. Этот крюк пришлось сделать по причине отсутствия в документах Ильнаса печати позволявшей пересекать границы локотств. Вот забавно выходит. Изначально, парень не имел вообще документов и мог передвигаться только в сопровождении дяди и то с разрешения старосты селения. После получения рабских документов — мог ехать куда угодно, хоть на соседний материк, так как стал собственностью. После того как я освободил его, он уже не имел права покинуть локотство без специальной печати в документах. Мало того, у нас вообще чуть не забрали документы, так как в его возрасте документы свободным не положены, а положена запись в бумагах опекуна, коим выступал я. Документы мы отстояли, но печать позволявшую пересекать границы ему не поставили, а вот мне запись об опекунстве сделали, официально введя меня в данный статус. Лучше бы, ей богу, оставил его рабом — меньше мороки.

Семья встретила меня тепло. Только вот..., я то, себя, их семьёй не ощущал. Дед — это да, за годы обучения я привык к нему, а вот остальные члены семьи.... Тем не менее, они были очень рады. У мамы даже глаза покрылись влагой, я не уверен, что она, зайдя в дом давать распоряжения об обеде, не всплакнула где-нибудь. Отец обнял меня, потом, взяв за плечи, осмотрел.

— Крепкий стал. Возмужал. Покажи руки!

Я протянул ладони.

— Чувствуется, что клинок каждый день танцевать учил.

Я и вправду очень окреп, хотя и так моё новое тело было далеко не хилым, но сейчас я стал похож на брата, которого, кстати, как раз не было.

— А где Корндар? — я решил прояснить данный факт.

— Поехал с алтырями насчёт поставки зелья разговаривать, хотя вернее всего сейчас с ларой Таитой шары катает.

Катать шары это... не то, что можно подумать. Хотя местное шутливое высказывание на эту тему есть. Когда говорят: шары накатали, значит, дело движется к свадьбе. Этакое двоякое высказывание. Катать шары, это местная забава богатой молодёжи, что-то наподобие бильярда, но без кия, с одной лузой, в которую надо было забивать шары противника, так, чтобы свои не попадали. Про лару Таиту я уже слышал от Симары. Лара являлась новой пассией брата. Симара на прямую не говорила, но по тону её рассказа она была не в восторге от "имперской штучки" приехавшей погостить в наше локотство. Не смотря на то, что девушка из столицы империи, её семья не была очень уж богата, но гонору, со слов сестры, в подруге брата было как минимум на дочь императорского грандзона.

— Как интересно. А зелья для чего? — произнёс я скорее по причине того, что надо как-то отреагировать, чем действительно из любопытства.

— Пойдём, за столом всё расскажу. Снак! — Отец окрикнул слугу помогавшего нашему кучеру распрягать карету. — Съездишь до игрального у рынка, если Корндар там, скажешь Элидар и Симара вернулись.

На столе пока готовили обед, появились фрукты и вино. Отец расспросил о Пионате и о

младших, учившихся со мной, потом рассказал о новом увлечении Корндара. Новом, потому что со слов Симары, брат загорелся идеей своего дела и регулярно представлял на суд семьи свои прожекты, но отец не давал ему денег, а нынешняя затея отцу показалась дельной. В общем Корндар собрался открыть цех по производству бумаги. Причём разной бумаги, как писчей, так и для документов. И вот именно последнее, понравилось отцу, так как тот мог договориться о некоторых поставках оной в ведомства грандзонов. Но, прежде чем дать окончательное добро, то есть деньги, отец попросил Корндара представить стоимость аренды помещения, оборудования, примерную зарплату рабочим или расходы на содержание рабов, а также стоимости ингредиентов, то есть составить бизнес план. Вот Корндар и поехал к алтырям, так как для производства бумаги для документов требовались некие зелья, причём в немалых объёмах. Пока отец увлечённо рассказывал, причём, судя по его горевшим глазам, он сам заразился этой идеей, а вернее всего именно он и является вдохновителем Корндара, появился и объект рассказа. Брат приехал не один. Вместе с ним в обеденный зал вошли две лары и молодой человек, для которых дворецкий Шуил, он же по совместительству распорядитель обеда, секретарь отца и вообще самая лучшая справочная система, так как умудрялся знать, кто и где в какое время находится, тут же принёс дополнительные приборы.

— Лигранд Нимиур, лара Исина, лара Таита, — представил гостей Корндар.

Пассия брата была довольно интересной девушкой лет шестнадцати, на лице у которой отражалось напускное превосходство перед нами. Мне, также как и Симаре, она не очень понравилась, так как люди с таким выражением лица обычно не очень обременены интеллектом. Но поскольку избранница это не моя, а брат парень нормальный, то я внутренне принял его выбор. Хотя..., по словам Симары за те годы, что я отсутствовал, это уже третья лара, к которой брат вдруг вспылал чувствами. Лара Исина была девочкой лет тринадцати — четырнадцати. Рыжей — рыжей. И как ни странно, мне она показалась внешне выглядящей гораздо умнее своих лет. У Исины были живые, изучающие меня, глаза. Лигранд Нимиур. Чуть старше моего возраста. Однозначно родной брат лары Исины. Это отражалось во всём, от рыжего цвета волос, до одинакового профиля носа. Очень похожи.

Так как за столом присутствовали не только родственники, обед прошёл со слегка официальной ноткой, что для меня было только плюсом. Тяжело играть любимого и самое главное любящего ребёнка. Правда, тяжело. Лара Исина поинтересовалась моим здоровьем и... планами на дальнейшую жизнь. На первый вопрос я ответил: всё хорошо, на второй, замешкавшись, что пока не совсем акклиматизировался в среде благородных людей и в связи с этим не строил ещё конкретных планов.

— А не конкретные? — не было похоже, чтобы она шутила и я сделал скидку на её возраст, не пытается же она меня поставить в неудобное положение, в самом деле.

— А не конкретных тоже нет лара Исина. Я только-только вошёл в этот яркий и изумительный мир.

— А вы лигранд, совсем ничего не помните? — спросила лара Таита.

Поскольку во время этого вопроса я смотрел на Исину, то заметил её лёгкое раздражение вопросом подруги.

Исина, похоже, недолюбливала Таиту. Интересно как они оказались вместе? Хотя поскольку пришли с одним сопровождающим, наверняка родственницы.

— Ну почему же, теперь я помню двух красивых лар, — улыбнулся я.

Таита слегка склонила голову, приняв комплимент.

— Лигранд Элидар, — вновь обратила на себя внимание лара Исина, — у нас через руки будет приём, если вы не слишком заняты, то я бы была рада видеть вас и лигранда Корнарда на нём.

— Не могу сказать вместо брата, но мне доставит честь присутствовать на вашем приёме.

Корндар тоже поспешил уверить лару о своих намерениях посетить мероприятие. Дальнейший разговор перешёл в более мужское русло, то есть обсуждение лошадей, так как отец задал вопрос Нимуиру о стоимости его недавнего приобретения — племенного жеребца. Поскольку в данной теме я несколько плавал, то есть мог поддержать на уровне "нравится — не нравится, если покажете", то остаток разговора я составил компанию ларам в изображении на своём лице крайней степени любопытства.

После обеда я собирался принять купальню и отдохнуть с дороги, но... меня перехватила сестра.

— Собирайся, карету я уже велела запрячь.

— Куда?

— А ты в чём пойдёшь на приём? В этом? — она потянула за рукав камзола. — Или ты думаешь, что прежние наряды на тебя налезут?

— У меня ещё бальный есть.

— Это тот, в котором ты был на ужине у Пионата когда я приехала?

— Да.

— Очень изысканная шутка. Иди, цепляй свои игрушки на пояс и поехали. Денег у отца я уже взяла.

— Давай завтра.

— Ты знаешь, сколько надо шить костюм?

— Симара, дай хотя бы пыль смыть, — вздохнул я.

— Чистюля. Ладно. Сто ударов сердца и ты должен быть в карете.

Женская страсть к шопингу вообще и заказу тряпочек для меня в частности это что-то. Я половину слов, которыми обменивались Симара с портным и его голубопечатной помощницей, не понимал. Благо, что от меня требовалось лишь моё тело для замеров и выбор цвета, причём частично. То есть я говорил — зелёный, а Симара добавляла с салатовыми вставками. Судя по обсуждению, заказывали мы сразу с десятков костюмов, не меньше. В число заказываемых входили: три бальных, охотничий и даже домашний. А то я в старых дома не могу походить. За эту высказанную вслух мысль я получил от сестры гневный взгляд и целую проповедь о том, что лигранд, даже дома должен ходить в подобающем костюме — а вдруг неожиданные гости?

Где-то в середине обсуждения я не вытерпел и сообщил, что буду в харчевне напротив, так как от меня всё равно ничего не зависит. Правда для этого пришлось ещё и отвести сестру в сторонку, чтобы, стесняясь, попросить денег, так как свой кошелек с жалкими двумя башками я оставил в комнате.

Харчевня, как харчевня, то есть как трактир. В зале не многолюдно. Двое купцов за дальним столиком что-то обсуждали и молодой человек, занявший ещё один угол. Есть ли у него перстень я рассматривать не стал. Заказав бокал, вернее кружку вина, так как после обеда дома, на котором присутствовал данный напиток, чего-то другого не хотелось, я присел напротив единственного окна, разглядывать проезжающие мимо экипажи и кареты.

— Забавно со стороны смотреть, как другие куда-то торопятся. У каждого свои заботы и дела, — раздался голос сбоку. — Извините, прервал ваше уединение. Позвольте представиться, Харитсшорт.

— Лигранд Элидар, — кивнул я не вставая.

Ну, во-первых, он без титула, а во-вторых, сам стоя начал разговор, да и не совсем по этикету навязывать знакомство.

— Разрешите, присяду.

— Да, конечно.

Молодой человек был примерно моего возраста. Жгучий брюнет с худощавым аристократическим лицом. Насчёт "без титула" я, пожалуй, ошибся. На указательном пальце сиял перстень с маленьким прозрачным камешком, вокруг которого словно расходились круги. Тотус как-то начинал говорить, что такие перстни есть, но рассказать, кому принадлежат, не успел — близнецы перебили, а потом как-то забылось.

— Извините за назойливость лигранд Элидар, я просто не так давно в Якале и хотел бы спросить, нет ли где поблизости игрального дома?

— Вы знаете, я не смогу вам подсказать, так как можно сказать сам здесь первый день, но слышал, что у рынка есть.

— А откуда вы лигранд Элидар?

Какой назойливый юноша.

— Недавно приехал из Ививиатского локотства. Интересный у вас перстень Харитсшорт.

И пока я произносил эту фразу, до меня стало доходить..., что имя собеседника не Харитсшорт, а Шорт. А то, что я принял за первую часть имени... это Harrits, то есть маг!

— Я понимаю, что не очень красиво выказывать то, что я маг, но дело в том, что я не так давно закончил обучение и в городах никогда не был. А поскольку я слышан о том, что бывают вызовы на дуэль, то не очень бы хотелось наносить кому-то ранения. Говорят, это происходит со всеми белокаменными абсолютно, поэтому первое время я решил не снимать кольцо мага и представляться по титулу. Это, правда приносит некоторые неудобства, и я подумываю снять его.... Вы наверно первый кто со мной нормально разговаривает.

Несколько заискивающий тон молодого мага сбавил моё напряжение. А я напрягся. Ещё как. Столько слышать о том, что магов все боятся, а мне тем более надо остерегаться, и встретиться с этим демоном во плоти, вот так живую....

— А может, вы составите мне компанию лигранд? — неожиданно предложил он мне.

М-да, пожалуй, он не зря не снимает кольцо. Мы знакомы несколько минут, а он уже ко мне без имени обращается. Пусть лучше боятся, чем грубят.

— К сожалению, я здесь ожидаю сестру, она у портного. После чего должен сопроводить её домой. А "белокаменный" это по кольцу? — проявил я догадливость, ну и перевёл направление разговора.

— Да, — парень смутился. — Это между собой мы так называем.

— А какие ещё бывают?

— Бывают с зелёными камнями, это кольцо я получу, после того как три года отработаю под руководством более опытных и ещё красными, — скороговоркой оповестил меня маг. — Я вернусь через пять ударов, — он сходил до своего стола и принёс свою бутылку вина, жестом предложив мне.

Отказываться я не стал. Мы довольно мило побеседовали, вернее я послушал Шорта, узнав, что цветовая дифференциация магов неофициальна и лучше мне их не называть по цвету. В миру каждый из них просто маг. Ага, просто. После первой Шорт заказал ещё одну бутылку, но я отказался, сославшись на необходимость иметь трезвый разум, поскольку сопровождаю даму. В действительности же боялся, что ослаблю контроль над зрением. Пока мы беседовали несколько раз заходили посетители, но практически сразу исчезали.

— А вообще Элидар, если будет время, заходи, и мы вместе куда-нибудь ходим. Я живу рядом, в гостевом доме Лукаса, — взгляд мага при этих словах смотрел куда-то мне за плечо.

— Обязательно зайду, — я повернул голову, чтобы посмотреть, что же увидел мой собеседник.

За спиной стояла сестра. Я встал.

— Познакомься, — это моя сестра Симара. — Это маг Шорт.

— Можно не официально, просто Шорт, — соскочил парень.

Симара улыбнувшись, присела в книксене.

— Я вынужден покинуть тебя, — я склонил голову.

Не смотря на то, что мы перешли на "без титулов", вернее Шорт сначала перешёл, а потом предложил, правила приличия при расставании я решил соблюсти.

— Конечно Элидар, — он вежливо кивнул, разрешая нам идти.

Как-то я вот не очень себя чувствовал, отпрашиваясь у собеседника. Дурное правило. В особенности если ты являешься менее знатной персоной.

Сестре, если и не понравилось моё знакомство, то она не показала вида. Почти не показала.

— Ты совсем не изменился, всего на сотню ударов сердца оставила, а ты уже....

Что уже я переспрашивать не стал, переведя Симару на разговор о костюмах.

— Он сам подошёл, — оправдывался я перед отцом, словами "не виноватая я".

Кабинет отца подозрительно был похожим на кабинет деда.

— Вопрос не в знакомстве, я хотел переговорить с тобой о взгляде.

— Две осьмушки могу сдерживать свободно. Четыре-пять — напрягаться приходится. На шести раскрывается, — понял я беспокойство отца.

— Это хорошо, что ты осознаёшь. Пока держись от него подальше, я приглашу одного знакомого, он проверит тебя.

— Я собственно не собирался поддерживать с ним знакомство.

— Вряд ли у тебя получится. Тебя будут приглашать практически на все рауты. Он тоже там окажется — слишком заметная фигура в локотстве — новый маг, пусть и на три зимы.

— Откуда ты знаешь?

— Я грандзон и такие вещи не проходят мимо меня.

Отец, кстати, был довольно важной фигурой заведующей поставками товаров для локотских нужд, то есть от сена, до противозачаточных средств. Никакого юмора, так дед объяснил. Должность отца была по значимости четвёртой в локотстве после локота и двух его плеч — казначея и воеводы. Собственно именно о противозачаточных, вернее о том действе, для которого они нужны и пошёл наш дальнейший разговор.

— Я позвал тебя не для разговора о маге, уверен, Пионат тебе объяснил всю опасность общения с ними, я хочу предостеречь тебя от... получения удовольствия с ларами. Точно знаю, дед тебе такого не говорил, он считает... вернее верит в любовь, не смотря на его зимы. Он очень любил мою мать. Я не против чувств, но они бывают мимолётны, поверь моему опыту. Теперь о ларах. Некоторые из них могут действовать не по велению страсти, а по обстоятельствам и поверь, с тобой это будет происходить часто, поэтому вот, — отец положил на стол маленький кожаный мешочек. — Это мазь, для того чтобы не было детей и болезни не передавались, но у неё есть ещё одно назначение — она начинает светиться, если соприкасается с магией. Это важно. Тебя обязательно попытаются соблазнить, и если вдруг будет свет, не раздумывай — прекращай.

Мне начинала нравиться жизнь в "большом" мире. Если меня будут регулярно соблазнять, разумеется.

— А если Лара сама магическую мазь для предотвращения беременности использует?

— Тут головой думай. Такое тоже может быть. Не давай своими мазями пользоваться.

Лекция отца о половых отношениях длилась ещё минут пять. За это время я успел узнать много интересного. Например, что восстановить девственность плёвое дело — любой алтырь за полимпераала сделает. Узнал, что магией через это дело можно и привязать, и импотентом сделать, и даже отравить. После всего этого захотелось в монастырь уйти, чтобы целее быть.

Следующее утро я попытался начать как обычно, то есть с пробежки, но наткнулся за домом на брата, раздетого по пояс и поднимающего над головой здоровое полено. Я присоединился к нему. Корндар отбросил полено и указал на глиняный горшок:

— Намажься.

— Зачем?

— Намажься, намажься, — ухмыльнулся он. — И вон из той бутылки два глотка сделай.

Я понюхал мазь. Пахнет приятно.

— Ты мне лучше объясни сначала зачем.

Брат вместо слов подошёл к беседке и, ухватившись за низ одного из углов, приподнял его чуть не на метр, наклонив скрипнувшее сооружение.

— Ты так же через зиму сможешь, — брат стал опускать обратно беседку.

— Корн! — раздалось из окна второго этажа. — Я за неё полтора империала заплатил. Сломаешь, заставлю такую же сделать.

Я приветственно помахал отцу. Он мне свободной рукой в ответ, во второй у него была кружка отвара.

— Хорошая мазь. Не бойся, — улыбнулся отец. — Только никому не говори, что ты ей мазался.

— Почему?!

— Она не совсем для этого. Корн объяснит.

— Мажься давай, — буркнул недовольно брат.

— А в бутылке что?

— Там эликсир, чтобы кости крепче были.

— А почему не говорить никому? — я поднимал полено напротив брата.

— Это женская мазь, — на выдохе произнёс Корндар.

Я бросил полено.

— Зачем она им?

— Ну-у-у... живот мажут, чтобы как у балесс был. А я у Симары как-то взял и гораздо быстрее мышцы крепчают, — Корндар откинул своё полено.

— А почему не говорить никому?

— Эта мазь не совсем для живота.

На ступенях встретились с отцом.

— Вымойтесь. Оба. От вас балессами пахнет.

— Почему балессами? — на подходе к купальне спросил брата.

— Эта мазь для балесс.

— Это не из-за неё они живут недолго?

— Нет, — брат стал стягивать штаны. — Живут они недолго, потому что после тридцати зим они не нужны никому, а содержать глупую куклу, которая не умеет ничего кроме танцев и постельных утех тоже никто не хочет. Маги специально им сокращают жизнь.

— А балессам то, что мазать?

Брат не ответил.

— Цветок?

— Ну да. Вот как-нибудь поедем в Дуварак и я тебя свожу в дом лары Ваины, там такие балессочки. М-м-м, — брат уводил в сторону разговор. — А как обхватывают корень!

— А разве потом их не будет хотеться? — я полился ковшом.

— Их невозможно не хотеть. Но лара Ваина как-то смогла договориться с орденом Гнутой и они убрали магическое привыкание, так что не бойся.

После завтрака Корндар позвал меня с собой обговаривать условия аренды здания под производство. Само здание я не видел, так как оно находилось за городом, так что просто побыл статистом. Условия аренды Корндара не удовлетворили, из-за чего он очень расстроился. С его слов это было единственное подходящее помещение с готовым водяным колесом.

— А что ветряные? — спросил я его, вставляя ногу в стремя.

Отец на карете уехал, и нам пришлось воспользоваться верховыми.

— Тогда дороже обходится. Ветер не всегда есть и в безветренную погоду рабочие и рабы будут бездельничать.

— Поставить две ветряка или три. Заготовку проводить пока ветер, а изготовление в остальное время.

— Это же всё деньги. Кроме того, при изготовлении бумаги очень много воды надо.

— А что земля рядом с рекой не продаётся?

— Купить можно, но налоги будут брать как с полноценного балзонства — весь доход уйдёт. Пойдём в игорный?

— Пошли.

Игорный дом, это не казино, хотя зачатки такового имелись. Игорный происходит от слова флиртовать, то есть заигрывать. Это скорее фешенебельный ресторан для богатеньких деток. Только на входе по две башки за каждого отдали. В коридоре мы столкнулись с лиграндом Нимуиром, который указал нам, где найти лару Исину и лару Таиту. Девушки вместе с Ганотом, безтитульным молодым человеком, на полголовы превышающим меня по росту, катали шары в большом зале. Мы присоединились к ним, причём взгляд Ганота говорил о том, что он не в восторге от нашего присутствия. Я играл на стороне Исины и Ганота, а Корндар на стороне Таиты и вернувшегося Нимуира. Игра не очень замысловата и служила скорее поводом собраться вместе. После пары незначительных вопросов разговор повернулся в сторону предстоящего приёма.

— А вы лигранд Элидар придёте без пары? — Таита в очередной раз неудачно прокатила шар.

— У меня слишком мало знакомых лар. А на приём обязательно приходите с парой? — Вопрос был адресован ларе Исине.

— Нет. Лару Таиту знакомая попросила узнать, один вы будете или нет.

— Исина! — Таита гневно посмотрела на подругу.

— Я же не назвала имени, к тому же уверена, лигранд и так знает что завидный жених. Так ведь?

— Сам таковым себя не считаю, — я налил себе сока из графина, стоявшего на столике рядом с игральным. — Заслуги моего отца, это не мои заслуги. Да и не спешу я связывать себя отношениями.

— Про заслуги, несколько банальный ответ. Вам лигранд Элидар простительно в связи с потерей памяти, но разрешите дать совет, фразы рекомендуемые преподавателями зачастую выглядят не очень эффектно. Придумайте лучше несколько своих ответов, так как этот вопрос вам будут задавать часто в той или иной форме. А вот про отношения интересно. Лара Нана может не брать с собой фиалки, — Исина улыбнувшись, посмотрела на надувшуюся Таиту. — Ой, я нечаянно. Но зато лигранд теперь знает, кто его поклонница и возможно сам принесёт цветок.

Цветы во флирте лар, имели особое значение. Отта посветила не одну лекцию этой теме. В данном случае лара Исина конкретно издевалась над некой Наной, так как фиалка это готовность встретиться наедине.

— А вы знаете, — Ганот удачно катнул шар и сделал приглашающий к игре жест Корндару, — что в Якале новый маг.

— Да, — ответила лара Тайта, — Корндар не нальёшь мне сок? Самое интересное, что никто его не видел. Возможно, он пользуется магией, чтобы спрятаться от всех.

Корн улыбнулся, глядя на меня. Я отрицательно покачал ему головой.

— Элидар с ним знаком, — сдал меня брат.

— Как интересно, — лара Исина повернулась ко мне. — Лигранд, это правда?

— Да.

— А вы не могли бы пригласить его ко мне на приём? Я могу даже официальное приглашение написать, если вы скажете мне его имя.

— Вы можете сделать это лично. Это вон тот молодой человек за дальним игральным столом.

Шорт действительно был в зале, я заметил его минут пять назад и как раз обдумывал, что мне делать, подойти, или сделать вид, что не заметил его.

— Лигранд Элидар, — просияла Исина, — а вы не могли бы представить нас? И Ганот сможет сдержать свои намерения.

— Это какие? — заинтересовался Корн.

— Этот молодой человек подходил к нам некоторое время назад и поинтересовался, нужно ли оплачивать отдельно игровой стол. После того как он отошёл, Ганот сказал, что если этот деревенщина ещё раз подойдёт, то он вызовет его на дуэль за бестактность.

— Он слишком нагло посмотрел на вас лара Исина.

— А мне в его взгляде ничего оскорбительного не привиделось. Так как лигранд Элидар?

— С удовольствием. Ганот, вы не могли бы выполнить одну мою просьбу?

— Какую, лигранд Элидар?

— Я бы попросил не вызывать моего знакомого на дуэль, так как я буду выглядеть в таком случае несколько неловко, — надо было спасти парня от нападков лар.

— Конечно, лигранд, — Ганот склонил голову.

Сколько пафоса и напыщенности всё-таки у знатной молодёжи.

Шорт увидел меня издали и к моему подходу уже ожидал меня, положив шар на стол.

— Добрый день, лигранд, — поздоровался он первым как подобает по этикету вышестоящему.

— День добрый, маг Шорт.

— Элидар, прошу потише. Я снял перстень и не очень хотел бы афишировать свой статус.

— К сожалению, я не знал и уже обнаружил его. Лары изъявили желание познакомиться с тобой.

— Мне, конечно бы хотелось, но не в качестве ярмарочного развлечения.

— Я бы посмотрел на человека, который поведёт себя так по отношению к тебе, — ухмыльнулся я.

— Не всё так просто. Любая дуэль, а уж тем более магическое воздействие будет рассмотрено орденом как недостойное мага поведение и принесёт некоторые проблемы. К тому же я не очень ловок в общении с ларами.

— Я полагаю, до дуэли вряд ли дойдёт. Ну а с ларами рано или поздно тебе придётся общаться. К тому же лара Исина, это та, что имеет яркий оттенок волос, хотела бы пригласить тебя на приём.

— Я тебя поставлю в неудобную ситуацию, если откажусь?

— Нет. Скорее их поставишь в неловкое положение — цветку знати отказали в знакомстве.

— Элидар! — раздалось сзади.

Я повернулся. Передо мной стояли четверо охламонов. Нет, все были при вполне пристойных костюмах и мечях, как положено. Но было что-то выдающее в них задиристых гуляк. Возможно, такому моему мнению поспособствовала не совсем нормативная фраза, брошенная одним из них.

— Скажи мне, что это ты или доставай клинок! — Продолжил молодой человек впереди.

— Это я, — несколько затянув ответ, так как не мог сообразить выводить ли ситуацию в конфликт, произнёс я.

Парень явно нарывался, но звучало в его голосе нечто, позволявшее предположить, что целью его слов не является намерение скрестить мечи.

— Ротимур! — Брат спешил мне на выручку. — Ротимур, он не помнит вас.

— Да это я уже понял. Привет.

— Привет, — Корндар пожал руку парня. — Элидар, это твои друзья. Либалзон Ротимур, либалзон Дартин, Жикан и Свонк.

Ротимур шагнул вперёд и протянул руку, я в ответ свою. И тут компания просто облепила меня, похлопывая по спине, и радостно галдя.

— А мы думали тогда всё, потеряли тебя. Твой отец нам чуть головы не поотрубал. Рад, что ты жив старина! А память мы тебе вернём. Это твой друг? — Обратил внимание на мага Свонк.

— Да, знакомьтесь, Шорт.

— Друг нашего друга, наш друг! Свонк! — парень протянул руку магу.

Тот ошарашено пожал её.

— Это дело надо отметить! — Предложил Ротимур, и компания чуть не утащила меня и мага.

— Парни. Подождите. Давайте позже встретимся, я тут не один.

— Ты чего? Общаешься с ними? Вон тот тип, это же Ганот! Он тебя раньше боялся как магов! Так ведь, Ганот?! Не-е-е-т, Элидар, ты идёшь с нами!

— Ротимур! — вклинился брат. — Тебе же сказали позже! Ты хочешь поставить в неудобное положение перед ларами?

— Корндар. При всём уважении, мы сейчас покажем Элидару где бывают настоящие лары и вот там он точно получит что хочет. А здесь..., — Ратимир оглядел лар, — ему в лучшем случае поцелуйчик светит.

— Парни, я всего второй день в городе. Давайте вечером встретимся? Право, неловко перед ларами будет, — попросил я.

— Ротимур, — вступился Свонк, вежливо склонив голову в знак приветствия ларам, — это имперские пташки, действительно неоднозначная ситуация выйдет. Могут и в оскорбление принять.

— Ну, как знаешь. Через четверть в трактире Ломака. Мы пока тут поиграем, посмотрим на ваш флирт. Вон ту посимпатичней....

— Ротимур, она со мной, — перебил брат.

— Тогда не хлопай, ну хоть рыженькую сзади погладь.

Корндар пока мы шли обратно к столу, шёпотом выразил свои эмоции через загнутое выражение.

— Чего ты?

— Сейчас узнаешь.

— Лигранд Элидар! — начал Ганот. — Ваши друзья только что....

И тут же получил сок из бокала как бы споткнувшегося Корндара себе на камзол.

— Как я неловок, — произнёс Корндар. — Но буду рад искупить ваше положение на ристалище! Завтра буду к вашим услугам.

Ганот скривился.

— Хорошо. Но сразу после вас лигранд, я хотел бы попросить и вашего брата оголить сталь, так как не намерен терпеть неуместные шутки от его друзей. Если конечно его умственное здоровье позволит это сделать.

— С удовольствием Ганот, — ответил я на вызов, вернее просьбу, так как Ганот не имел права бросать мне вызов — только просить.

— Я Ганот.

— Какая разница?

— У Якальской рощи в полдень! — Ганот вырвав у проходившей мимо подавальщицы полотенце, огромными шагами вышел из зала, одновременно стирая пятно с камзола.

— Я много слышала о том, что вы очень неординарный человек лигранд Элидар, но чтобы настолько..., — лара Исина отпила из своего бокала. — Я с вами знакома всего два дня, а уже побываю на двух дуэлях и возможно познакомлюсь с настоящим магом.

— Знакомьтесь, маг Шорт, — представил я ошалевшего молодого человека.

— Лигранд Нимуир, — склонил голову брат Исины.

— Лигранд Корндар, — представился брат.

— Лара Исина, — присела в книксене лара.

То же самое проделала и пассия брата. Дальнейшее интерес лар представлял именно Шорт, поэтому я наклоном головы отозвал брата в сторону.

— Ты то, зачем ввязался? — как только мы отошли, спросил я его.

— Я понимаю, что поставил тебя в неудобное положение — брат вступился, но Ганот на тебя очень зол и это уже далеко не тот мальчишка, которого ты постоянно шпынял.

— А что, сильно обижал?

Брат улыбнулся.

— Ты ему как-то раз также сок плеснул, только не на камзол, а на штаны. Ганот теперь сильный боец и я не уверен, что ты с ним справишься, — лицо брата стало серьёзным. — А после боя со мной он дня три минимум не сможет клинок держать. За это время проверим тебя. Отец и так не очень доволен будет....

— Это уж точно. Давай не будем ему говорить?

— Лучше уж рассказать. Поверь, хуже будет. Хотя тебе всегда удавалось избежать его гнева.

Спустя пару часов мы разошлись. Шорт увязался с нами. На выходе я оглянулся на моих прежних друзей. Ротимур подмигнул мне.

Лары и лигранд Нимуир уехали на карете, а вот маг растерянно встал у наших лошадей.

— А вы, маг Шорт, что, пешком? — спросил Корндар.

— Да, я ещё не предстал перед наставниками, поэтому лошадь не выделили. Покупать на три дня не имеет смысла. И прошу вас лигранд Корндар, давайте отойдём от титулов.

Брат протянул руку. После рукопожатия Корн предложил прогуляться.

— Я не против, — пожал я плечами.

Мы до дома, где жил Шорт вели лошадей в поводу.

— Элидар, я могу составить вам компанию на встрече с твоими друзьями? — пока шли, спросил маг.

— Да я сомневаюсь, что у Элидара получится с ними встретиться, — ответил вместо меня брат.

— Это почему? Я пообещал.

— Отец тебе объяснит.

— Тогда мне лучше сразу в трактир.

Корндар посмотрев на меня пристально, вздохнул и махнул рукой извозчику.

— Доставишь к Ломаку, — брат высыпал из кошелька несколько монет и протянул мне. — К моему приезду ты должен быть там. Обещай.

— Обещаю.

Мою лошадь брат забрал. Я пытался запомнить дорогу, но мы столько раз поворачивали.... В конце пути нас ждала старая потрепанная вывеска "Трактир Ломака". Здание, на котором она висела, выглядело ещё менее презентабельно. Обширный зал внутри был почти пуст, пара личностей в одежде даже отдалённо не напоминавшей знатную, глянули на нас и тут же отвернулись.

Моих знакомых ещё не было. Мы с Шортом сели за один из боковых столиков с выщербленной поверхностью.

— Лигранд Элидар, — подскочила подавальщица. — Вам как обычно?

— Пожалуй, да, — улыбнулся я ей.

Довольно интересная девушка. Похоже, меня здесь прекрасно знают. Интересно, какие у меня были вкусы. Минут через пять на нашем столе была бутылка настойки и копчёное мясо мускуна — животного напминавшего барсука. Мы с Шортом выпили по глиняной стопке.

— А что с тобой случилось? — спросил маг.

— То есть?

— Ты не помнишь своих друзей.

— Да. Четыре зимы назад я упал с лошади и ударился головой. После этого память полностью исчезла.

— Извини, я не знал.

— Шорт, ты ведь довольно важная личность, а ведёшь себя иногда как ребёнок. Будь несколько более... серьёзным, что ли.

— Я ещё не привык к иному окружению. В ордене вести себя по-другому нельзя, поэтому за годы там выработалась такая манера поведения.

— А где твои родители?

— У нас нет родителей.

— Это как?

— Мы не помним того, что происходило до ордена.

Я налив нам ещё по одной уставился на него.

— Вам что, стирают память?

— Забавное выражение. Обычно говорят: удаляют.

— То есть мы с тобой оба беспамятны, — поднял я глиняную стопку.

— Лигранд Элидар, вас просят пройти в пятую комнату, — обратилась подавальщица, но уже не та, что приносила настойку.

Как всё забавно.

— Кто?

Подавальщица слегка наклонилась и прошептала:

— Девушка.

— А где это?

— Я покажу.

— Третья дверь справа, — прошептала девушка, прежде чем исчезнуть из коридора второго этажа.

Дверь была открыта. Я на всякий случай положил руку на клинок. На первый взгляд, комната была пуста. Но тут из-под одеяла на кровати выглянуло милое личико.

— Эль, закрой дверь! Давай быстрее, я на работе.

Только я прикрыл дверь, как из под одеяла выпорхнула совершенно обнажённая дева, тут же повисшая на моей шее с целью откусить кусочек моих губ. Не узнать её было трудно, это была как раз та подавальщица, подошедшая к столу в первый раз. Отказаться я не смог, то есть не захотел. Про мазь отца, я благополучно умудрился забыть, так как прелестница мне помогала раздеваться, и там произошло всё настолько страстно и безумно....

— Элидар, — её голова лежала на груди. — Тебя очень долго не было. Где ты пропадал? А я вышла замуж.

Я провёл рукой по её волосам.

— Он хороший человек?

Девушка пожала плечами.

— Не обижает?

— Нет. Он извозчик. Пьёт, бывает, но не часто. Мне надо идти.

Я провёл рукой по её спине.

— Элидар, мне правда надо идти, — она потянулась ко мне с поцелуем.

— За комнату рассчитаешься? — Через некоторое время, спешно одеваясь, спросила девушка.

Пару минут назад в дверь поскреблись и сообщили, что некую Лоретту ищет хозяин.

— Возьми сама, там, в кошельке, — я не знал ни цену за комнату, ни должен ли я ей что либо.

— Я возьму чуть больше?

— Конечно.

Девушка подбежала ко мне и, поцеловав, прошептала:

— Я люблю тебя.

После чего, не дожидаясь ответа, исчезла, тихонько притворив дверь, оставив меня с раздумьями о моральной стороне использования чужой жизни в низменных целях.

Когда я спустился в зал, компания моих прежних друзей уже сидела за нашим столиком.

— Элидар! — Воскликнул Жикан, восседая у стола на развёрнутом задом наперёд стуле. — Вот нас то, ты не вспомнил, а тут у тебя вдруг память быстро проснулась!

— Так он же головой ударился тогда, а не корнем, — ответил вместо меня Дартин.

Компания засмеялась.

— Да я на задний двор ходил.

— Ага, туда вон та дверь ведёт, а эта совсем даже в другие места.

Около часа парни вываливали на меня то, что произошло за время моего отсутствия. Я первое время ещё старался разобраться, но вскоре понял, что это бессмысленно, так как почти в каждом предложении мелькали незнакомые имена и прозвища. Единственное что понял, так это насколько вовремя я умудрился вернуться, так как мои друзья уже давно разъехались по разным локотствам и на этой десятине просто договорились встретиться.

— Ты вообще как, готов к завтрашней дуэли? Или на Корндара надеешься? — спросил после очередной выпитой Ротимур.

— Не знаю. Я же с Ганотом раньше не бился.

— Конечно, ты его ножнами пару раз сзади обхаживал. А с Корндаром бился?

— Тоже нет.

— Почему?

— Я второй день в городе, до этого в Ививиатском локотстве был.

— Пойдём, со мной попробуем. Если меня сможешь то и Ганота запросто. У него конечно рука длинная, но он медлителен.

Скрестить клинки нам не дали, в трактир вошёл Корн и потребовал моей выдачи, так как парни преградили ему дорогу. После десяти минут препираний меня сдали, а вот Шорта нет, да тот и сам не хотел. Договорились встретиться на следующий день на месте дуэли.

Отец был зол. Очень зол. Он, как только я вошёл в кабинет, заставил выпить меня жидкость. Магия даст сто очков фору нашей фармакологии. Через пять минут, в течение которых голова чуть не раскололась от боли, я был трезв как стёклышко. Затем мне и заодно Корндару, отец некоторое время промывал мозги. Головомойка закончилась словами: стража, незаконная дуэль и никуда мы не пойдём.

— Отец, ну это же позор! Все же сразу поймут, что это ты послал стражу! — Попытался возразить Корндар.

— Позор?! Позор?! А чем вы думали, когда вообще принимали вызов безземельного и не знатного?! Ты знаешь, что он прошёл испытания на воинскую службу в имперские войска? А там мечный бой принимают не юнцы вроде тебя! И что, не смог этого безумца отгородить? — Отец ткнул в меня пальцем. — Ты же видишь, что он всё за тобой повторяет! Он даже той гадостью намазался!

— У меня своя голова на плечах есть, — вступился я за Корндара.

— Где?! Покажи мне её! Двух дней не пробыл в городе, уже свёл знакомство с неизвестным магом и ввязался в дуэль с незнакомым противником! Поменяйся головой со своим жеребцом, у того хоть лобовая кость крепче — может мечом не пробьют.

— То есть надо было отказаться? Или ты полагаешь, что я менее искусен, чем Ганот? — принял

эстафету зубоскальства брат.

— Самоуверен?! Пошли!

Отец, оказывается, умел заводиться. Ещё как заводиться! Брат с отцом стояли при свете двух магических светильников на заднем дворе, изготовив деревянные мечи к бою. Мы с Ильнасом были рефери.

— Начали, — произнёс я, спуская тетиву домашней дуэли.

Отец практически сразу начал нападение, не давая Корндару ни мгновения для перехода в атаку. Через двадцать секунд брат получил по предплечью и тут же остриё к горлу.

— Ты слишком увлёкся мышцами и потерял гибкость и скорость, — демонстративно откинул деревяшку отец.

Я подтолкнул Ильнаса, стоявшего рядом со мной, чтобы он принял экипировку отца.

— Теперь вы двое, — отец, дёрнув завязки по бокам, снял и передал броню с деревянными накладками мальчишке. — Бьётесь в полную силу. Если кто из вас получит травму, будет уважительный повод отсрочить дуэль.

Кто должен получить увечье, гадать не надо было.

Я, по примеру отца, сходу начал наседавать на брата. Но надолго моей изобретательности не хватило, и я вскоре попал в ситуацию, когда наносить удар было неудобно и неразумно. Пришлось отступить, но брат так просто не стал меня отпускать. Взяв инициативу в свои руки в какой-то момент "подрубил" мне ногу и резко сблизившись, отбил мой "меч" в сторону, после чего хотел просто толкнуть рукой в грудь. Я, поднырнув под руку, оказался у него за спиной и сразу как получил передышку, стал распускать магию по телу.

Уловка сработала, но не до конца. Брата я минут за пять слегка вымотал, а вот достать не смог, в отличие от него. В какой-то момент он рьяно пошёл в нешуточную атаку, явно не собираясь больше отступать. Толи мне профессионализма не хватило, толи вид стиснувшего зубы лигранда методично наносившего удары подавил морально. Только в какой-то момент конец деревянного меча брата с силой прошёлся пониже дола моего клинка, отбрасывая на десяток сантиметров в сторону мою руку, и тут же скруглённое "остриё" с невероятной силой сухо стукнуло в солнечное сплетение, присаживая меня на пятую точку.

— Слабо. Оба слабо, — прокомментировал остывший отец. — Но не безнадежно. Ты уверен, что одолеешь Ганота?

Отец смотрел на брата.

— Да, — успокаивая дыхание, ответит тот.

Отец перевёл взгляд на меня, потом, не говоря ни слова, направился к дому. Так понимаю, молчаливое добро на дуэль мы получили.

— Я думал, запретит, — присел я на полено, с которым утром занимался и, сняв перчатки, протянул их Ильнасу.

— Не было такого ни разу. Отец знает, что такое честь. Ругаться да, ругается. Только у него

самого более сотни дуэлей в молодости было, — усмехнулся Корн. — Ты не помнишь, но он бывший бретер. А ты молодец, я в какой-то момент думал, выиграешь. Струхнул вот ты только в конце.

— Это да, ты бы видел себя со стороны — зверь.

— Не лучший приём, но иногда помогает.

Дуэль. Раньше для меня это было просто слово. Слово, смысл которого я знал, но не понимал до конца. Это вроде как выйти на ринг, но с гораздо большими шансами не вернуться с него на своих двоих, а, то и просто не вернуться. Не скажу что боялся, но лёгкое волнение было. Причём волновался я не за себя, а за брата — мне, судя по настрою брата, вряд ли сегодня придётся драться. Отец, стоя у ворот, проводил нашу троицу хмурым взглядом. Троицу, потому что я взял с собой Ильнаса в качестве оруженосца. Дабы Ильнас не выглядел оборванцем, так как его одежда не блистала, на него накинули плащ из тех, что я носил в детстве. До выезда мы прошли строгий инструктаж. А инструктировать было о чём. Во-первых, нас проверили на умение пользоваться исцеляющими зельями, этот момент касался большей части меня. Корн выдал скороговоркой назначение и применение каждой склянки, как только отец задал вопрос. Во-вторых, нам выдали два амулета, нажав на центр которых мы можем вызвать алтыря на место дуэли. Алтырь, со слов отца, уже выехал, и будет находиться неподалёку. Почему не с нами? Потому что дуэль неофициальная. Официальные проходят на локотском ристалище несколько раз в год и являются своего рода развлечением знатной публики. Любой человек, узнавший о неофициальной дуэли, обязан сообщить об этом властям, поэтому если алтырь будет присутствовать на дуэли, то он автоматически попадает в разряд преступников и может пострадать, то есть выплатить штраф. Именно поэтому и сам отец не поехал с нами. Нет, если бы просто штраф, то отец бы наплевал на деньги, но вот именно он, мог и должности лишиться — доброжелателей готовых воспользоваться нарушением отца хватало. Сам факт участия сыновей в данном мероприятии уже не красит грандзона, но терпим, так как мы однозначно заявим о том, что отец не знал.

— Ты как устроился? — спросил я Ильнаса, гордо восседавшего на выделенной ему кобыле.

Как-то раньше не было возможности поинтересоваться судьбой парня.

— Очень хорошо. Симара распорядилась выделить мне комнату рядом с вашей. Большая такая и кровать широкая-я-я. А вчера мы ездили к портному заказывать мне камзол, — мальчишка был явно счастлив поделиться новостями. — Симара говорит, будет не хуже чем ваш. Ещё Симара велела рабам говорить мне вы. Я ведь не знатный?

— Это ты лучше у Симары спроси, — переложил я почётную обязанность разьяснения на сестру.

Мне не лень было, только я сам не совсем понимал документальных хитросплетений статуса Ильнаса. С одной стороны, он бывший селянин и даже бывший раб. С другой — я его опекун, то есть он как бы стал выше по рангу, приравнявшись к городскому жителю. Титулов, понятно, Ильнас не имел, но уже имел право входить в некоторые заведения для богатых и даже сидеть за одним столом с нами. И я так понял, что Симара, намеревается это номинальное право использовать фактически, то есть превратить мальчишку почти в члена семьи. Сейчас Ильнас не садился с нами за стол только по одной причине — непрезентабельного вида его одежды. Если вдруг кто знатный нагрянет на обед — конфуз будет. В общем, сестра нашла себе игрушку, и никто не препятствовал её этому увлечению. Не препятствовали по одной простой

причине — Симара никак не могла забеременеть, но очень хотела детей. Именно поэтому, она, как только супруг уезжал по долгу службы, оказывалась в доме отца. Друг отца, маг Дайнот, лечил её. Был альтернативный и довольно быстрый способ решения беды Симары — магические зелья, но его оставили на самый крайний случай, так как велик риск неправильного развития ребёнка. Самое интересное во всём этом то, что в имени деда я рассматривал Ильнаса как слугу, а сейчас, фактически, никто, даже я, не мог его так назвать, иначе пострадает моя же репутация — ребёнок, чьим опекуном является лигранд — слуга! Нонсенс.

— Ты кстати чего на Парота взъелся? — Прервал мои раздумья Корн.

— Да было тут.... Узнал, что они между собой о нас говорят.

— Зря. Хороший раб. Послушный.

— Может быть.

За пустой болтовнёй мы пересекли городские ворота третьей стены и, проехав через трущобы, оказались на просёлочной дороге, ведущей к видневшейся вдали рожице. Сзади раздался дробный топот копыт — нас нагнали "ночные гуляки".

— Хе-е! — Осадил своего жеребца Ротимур. — Рановато вы что-то! Привет!

— Привет, — я пожал руку Ротимура.

Пока все поздоровались, причём непременно рукопожатием со мной, Корндаром и даже Ильнасом, которого я не забыл представить. Вокруг нас образовалась карусель всадников.

— Что-то вы бодро выглядите, — заметил брат.

— Так Шорт оказывается маг! — Оповестил нас Свонк. — Он нас магией в чувство привёл. А вы что, знали?

— Разумеется.

— А что нам не сказали? Мы бы тогда точно всех лошадей с рынка по городу распустили.

— То есть?

— Да мы ночью в рыночную конюшню залезли, — пояснил Дартин, — жеребца Шорту выбрать.

— Выбрали? — Ухмыльнулся Корн.

— Да! Вон, какой статный!

Шорт действительно гарцевал на породистом белом жеребце с чёрными ногами.

— Рассчитаться не забыли?

— Да мы на время взяли, вечером отдадим. Стража как увидела молнии меж рук, так сразу разрешила нам до вечера взять лошадь!

Шорт, судя по угрюмости, не разделял веселья компании.

— А вы знали, что маги могут сколько хотят?! — Восторженно сменил тему Жикан. — Я думал она не выйдет из-под него.

— Я не специально, — тихо попытался оправдаться Шорт.

— Представляю, что было бы если специально! — Ухмыльнулся Ротимур. — Шорт ночью мужчиной стал!

— До этого ни разу?! — Удивился Корндар.

— В замке Гнутой горы почти нет женщин, — тускло произнёс маг.

— А что, лары магами не бывают? — Мне стало интересно.

— Бывают, но редко. Я ни разу не видел. Их в отдельном здании держат и никогда не выпускают.

— Да ладно тебе, — хлопнул его по плечу Дартин, — ну пошумели немного. Будет что вспомнить. Эх! Если бы я так мог как ты! Все лары империи были бы моими!

— У тебя и так двое детей, — поддел Свонк.

— А я хочу захватить империю таким образом, — огрызнулся Дартин.

— Тогда Исину хотя бы в жёны надо было брать. Могу спросить на приёме согласна ли она стать второй женой.

— А причём тут Исина? — Полюбопытствовал я.

— Как причём? У её отца все силы империи в руках.

— Не совсем понял.

— Она дочь правого плеча императора.

— Забавно. Я не знал.

Дочь генералиссимуса империи это круто. Очень круто.

— А ты идёшь на приём? — спросил Свонка брат.

— Да. Дартин тоже приглашён. Кстати, Элидар, а ты чего Исиной заинтересовался? Обхаживаешь?

— Нет. Молода слишком, — я слегка натянул повод, чтобы упустить вперёд Шорта, жеребец которого задолбал маячить своим крупом передо мной.

— Она уже шестнадцать зим перешла, — оповестил Свонк.

— По внешности не больше двенадцати, — удивился я.

— Она специально зелья пьёт, чтобы рост остановить.

— Зачем?

— Не знаю.

— Для будущего мужа хочет молодой остаться, — теперь уже Ротимуру пришлось притормозить из-за маячившего перед его лошадьёю крупа. — Шорт! Отъехал бы в сторону!

Далее разговор пришлось свернуть, так как карета той, о ком разговаривали, замаячила среди деревьев рощи. Кроме лар, на небольшой лесной полянке уже был наш соперник с другом и лигранд Нимуир. Мы сдержанно поздоровались. Нимуир представил мне друга нашего соперника — балзона Хлотта, остальные его знали.

— Начнём, — предложил Ганот, скидывая камзол и отстёгивая пояс с ножнами.

— Пожалуй, — Корн свои вещи передал Ильнасу и рассёк воздух клинком, разминая руку. — До алой рубахи?

— Согласен.

С первых секунд боя стало ясно, что Корн сильнее Ганота. Да тот был чуть выше, да — рука длиннее, но как правильно заметил Ротимур — Ганот был медлителен. Медлителен, но как оказалось не глуп. Он и не собирался противостоять более сильному противнику. В какой-то момент, он махнул левой рукой, касаясь предплечьем клинка брата. Кровь моментально окрасила рукав белоснежной рубахи. Бой был остановлен. Корн выиграл. Раненого намазали зельем и перевязали.

— Ну, а теперь ваша очередь лигранд Элидар, — улыбнулся Ганот.

Я снял камзол. Ильнас подскочил, чтобы принять его, но я, видя, что парень всё ещё держит вещи Корна, протянул его Ротимуру. Потрепав волосы Ильнаса, я несколько раз махнул клинком.

— До признания поражения? — Ганот, нахально, смотрел на меня.

— Согласен, — ответил я на вызов.

Практически это до состояния пока кто-то из нас уже не сможет держать клинок, так как признать поражение — оскорбительно. С большой долей вероятности, учитывая то, что присутствие мага на дуэли делало невозможным использование мной скрытых сил, это приключение превращалось в смертельную игру. Лёгкий мандраж был, но он исчез на первых ударах сердца дуэли.

— Начали! — Выкрикнул балзон Хлотт.

Надо признать Ганот действительно был неплохо подготовлен, кроме того, он не подпускал меня близко к себе, пользуясь своей физической особенностью, то есть длиной руки. Мы уже минут пять кружили по поляне, нет-нет, проверяя реакцию друг друга и оглашая округу звоном металла. Вот ложное нападение с его стороны, я, отойдя в сторону, тоже попытался нанести рубящий удар. Ганот отпрыгнул. Время играло на моей стороне, так как сомневаюсь что у него дыхалка лучше моей. В какой-то момент это стало доходить до Ганота и он ринулся вперёд. Я отбив его меч, попытался нанести колющий удар в грудь, но тот извернулся, почти уйдя с траектории удара. Почти, это его левое плечо, окрасившееся в красный цвет, но мою правую руку тут же пронзила боль. Рубяще-режущий удар противника обездвигил часть моего тела. Тут же магия сил расплылась по телу, глуша невероятную боль, и я, схватив клинок двумя руками, не даю Ганоту уйти, оставляя кончиком клинка кровавую полосу на его груди.

Следом замах быстрое сближение и топорный удар сверху, заставляющий противника перейти в защиту. Ещё один, но ему удаётся разорвать расстояние, и тут же вновь атаковать меня. За последующие несколько минут я дважды чуть не стал трупом и получил ещё одну рану на предплечье правой. Ганот же схлопотал вскользь удар по голове, и теперь кровь стекала по его лбу.

— Стойте! — Между нами появилась фигурка с огненно рыжими волосами. — Я приношу вам свои извинения за вмешательство в мужские дела, но прошу вас прекратить дуэль. Это мальчишечий спор. Прошу вас согласиться на ничью. Я очень вас прошу! Лигранд Элидар?

Лара Исина повернулась ко мне. В принципе, у меня были шансы, но если Лара просит....

— Если противник согласен, — как можно спокойней выдохнул я.

— Ганот?

— Только из уважения к вам, лара Исина, — более изыскано вышел из ситуации Ганот.

Больно! Как же это больно! Рука оказалась разрубленной до кости. Кроме этого меня начало потряхивать от перенапряжения. До меня только теперь дошло, что жизнь то она одна. Алтырь, вернее алтыри — противоположенная сторона тоже подстраховалась, появились минут через пять после подачи сигнала. Шить пришлось обоим и, причём прямо на месте. Шорт помог при штопке меня, направляя действия алтыря так, чтобы потом срослось как можно быстрее. Это очень зависело от совмещения каналов нитей сил. Я вот именно их никак не мог рассмотреть. Не сейчас, сейчас я старался убрать как воздействие моих внутренних сил, так и магический взгляд, боясь разоблачения, а ранее. Нити силы мог, а следы где они раньше проходили, то есть эти самые каналы — нет. У Ганота раны оказались менее существенны, но и с ним алтырь тоже прилично повозился. Алтыри понято потом доложили о происшествии, но по негласным законам, мы оба заявили о нападении неизвестных. Благо бюрократии здесь не было.

Глава 9

Маг Дайнот представлял собой высокого статного мужчину с очень усталыми серыми глазами. Он похвалил действия алтыря при лечении.

— Насколько знаю, там был ваш коллега, — отец стоял за спиной лекаря.

— Тогда понятно. Мог бы и получше.

— Он не сам, — заступился я за Шорта, — он подсказывал алтырю.

— Элидар, надеюсь, мне будет позволено называть вас без титула? — Произнёс маг, пока осматривал меня.

— Можно даже без "вы".

— Без "вы", некрасиво, — тут Дайнот начал водить несуразно руками в воздухе.

— Молодец, владеешь своим взглядом, — маг прекратил манипуляции. Элидар, у меня к вам просьба. Если ваш магический знакомый не явится сегодня пред советом магов локотства, его ждут серьёзные неприятности. Ночные похождения мы скрыли, но сам факт присутствия в городе мага, не представившегося совету, оскорбителен. Бегать и разыскивать его никто не

будет.

Шорта я в тот же день попросил пригласить и вывалил слова мага, не раскрывая источника — отец по каким-то причинам не желал разглашения визитов в наш дом мага Дайнота.

— Да я сам собирался, — потупился Шорт. — Тут видишь, как, если бы я сразу пришёл, то считай все три года рядом с ними быть, дальше стен дворца только в сопровождении старшего.

— Строго у вас.

Шорт вздохнул.

— Ладно, я пойду. Лучше сегодня предстать перед наставниками.

Пока я зализывал раны, а это, похоже, нормальное моё состояние в доме отца, в голову лезли разные мысли. Особенно хорошо мне удалось поистязать свой мозг одним из возможных исходов дуэли, самым для меня печальным — летальным. А это было вполне возможно. Это же самое мне постарались внушить и мама с Симарой. Отец ни слова по этому поводу не произнёс.

По ночам вдруг стала сниться Альяна. Слегка безумная, но в то же время такая милая девчужка. Чаще всего во сне она скидывала своё платье и, подойдя ко мне, обнимала, а мои руки скользили по её телу, как тогда у реки....

В сиделки ко мне был назначен Парот, от которого, я сразу отказался, взвалив эту почётную обязанность на своего опекаемого. Ничего, не переломится. Больной я ходячий, так что единственное, что от него требовалось, это исполнять мои маленькие прихоти, типа кружечки отвара или скажем книги, которую я мог оставить где угодно. Местная литература мне не очень нравилась — много пафоса, при минимуме достоверности. Орки, скажем, изображались слабыми и немощными. В том смысле, что люди их постоянно побеждали. Однако я знал из истории, что это были очень серьёзные противники, в битве с которыми нужна особая тактика ведения боя. Но за неимением Интернета и саги об орках — фэнтези.

Моя сиделка, Ильнас то есть, был не в восторге от почётной обязанности, так как я методично истреблял его безграмотность, путём того же чтения. А чтение парню не нравилось, в отличие от утренних занятий с Корндаром.

Раза два в день забегал Корн и делился своими успехами, вернее неудачами, на поприще организации бизнеса. Брат уладил почти все вопросы кроме главного — где открывать производство. Места были, но у каждого свой недостаток. Где-то надо было строить всё заново, где-то слишком большие площади, соответственно и аренда, а отец не собирался выделять большую сумму. Я как мог, вникал в суть дела — чем-то же мне надо будет заниматься, так почему бы и не помочь брату. Возможно, мои знания принесут какую либо пользу. Правда вот о самом процессе создания бумаги я был не очень осведомлён, как собственно и о химических процессах используемых при этом. Тем более, в этом мире на любое производство очень влияла магическая составляющая. Химию, например, практически полностью заменяла магия, позволяющая наделять некоторые растворы аналогичными химическим составам свойствами, а скажем, металл, волей магического укрепляющего состава, волне заменяло дерево.

Разок заскочила проведать лихая четвёрка, пообещавшая так просто это дело, Ганота то есть, не оставить. На мою просьбу не вмешиваться они все заулыбались.

— Не ты бы, я бы так и не добился Гианы, — Дартин хлопнул меня по плечу, причём больной руки. — Так что не переживай — уладим.

— Вот как раз за это Элидара можно на дуэль вызвать, — высказал своё мнение Ротимур, — такого парня в подкаблучника превратил.

— Тебе не понять, — парировал Дартин.

— Да уж. Это точно.

— Интересно, в чём тут моя заслуга? — прервал я перепалку.

— Ну, тогда с лервумом..., — стушевался Дартин. — Гиана сказала, что если я принесу его шкуру, то выйдет за меня. Ну, а ты сказал, что достанем. Вот мы и полезли в локотские уголья.

— А что, мы тогда лервума....

— Нет, — Жикан уселся на стол. — Она как узнала сама к Дарту прибежала. Его тесть и твой отец всё и заминали. Шуму было-о-о. Как будто в казну к локоту залезли.

— Слезь со стола, я там обедаю иногда. А что, можем в казну попасть? — пошутил я.

Все, кроме Ротимура, заулыбались. Мне показалось, что тот реально обдумывал возможность победокурить в локотской казне. С него станется.

— Мы наверно пойдём, а то твой отец предупредил, что если долго будем, то он закупки зерна у моего отца прекратит, — Свон поднялся со стула.

— Да ладно тебе, — махнул рукой Ротимур.

— Чего ладно?! Грандзон Элидар сказал — сделает. Тогда пообещал что трактир, в котором нам нальют, закроют — закрыли.

— "Ночь купца" никогда не был прибыльным заведением.

— Ты уверен?!

— Ладно, ещё сто ударов и идём, — сдался Ротимур.

Похоже, отец ещё тот юморист.

На третий день моего лечения были готовы костюмы. За один заход все примерить у меня не хватило сил, то есть желаний. Два Симара забракела и отправила исправлять недостатки. Вместе с моими, были готовы костюмы и для Ильнаса. Вот на кого было потешно смотреть. Действительно смешно видеть на ребёнке камзол, полностью копирующий взрослый, но меньше, разумеется, размером. При примерке нарядов, я понял, почему местная знать всё делает кончиками пальцев. Потому что по-другому не получится взять, скажем, кусочек фрукта и при этом не залезть кружевами рукава в вазу. Прежние мои костюмы не имели такой вычурной пышности. Симара сказала, что это последний писк моды. Взбесила шапочка, идущая в комплекте к зелёному костюму. Она обтягивала голову так, что та, голова в смысле, становилась похожей на киви.

Магия. Лечебная магия это скажу вам фантастика. Маг Дайнот залечил раны до сносного состояния всего через несколько дней, как раз к приёму лары Исины. Вернее магу на это потребовалось три визита по полчаса, а остальное доделали мази и эликсиры.

— Быстро зажило, — удивился маг на третий свой визит. — Руки как минимум с такой раной

должен был пролежать. Дай-ка мне ладони.

Я протянул руки, и только коснулся пальцев мага, как через место соприкосновения полилось тепло. Не знаю почему, но я самопроизвольно отдернул ладони обратно.

— Грандзон Элидар, я могу переговорить с вашим сыном наедине?

— Конечно, маг Дайнот, — отец, стоявший за спиной моего лекаря, развернулся и вышел за дверь.

— Элидар, вы осознаёте последствия своих действий? — спросил маг, глядя мне прямо в глаза.

Тон его не предполагал юмора.

— Я впредь постараюсь избегать пустых дуэлей.

— Я не об этом, — он пристально вглядывался мне, казалось, прямо в душу.

Начали зарождаться смутные подозрения о теме нашего разговора, и я попытался сделать как можно более наивный взгляд.

— Вставайте, — поднялся со стула маг.

Я не спеша сел на кровати, и застегнул пуговицы рубахи, после чего встал пред равнодушным взглядом мага.

— Существует огромное количество возможностей раскрыть тебя, — сухо произнёс маг. — Ты думаешь, что ты умнее иных вокруг? Как ты вообще смог разбудить магию? Использовал?

— Нет. Она сама, — не нашёл я ничего лучше детской отговорки.

— Может быть, ты не знаешь об особенности магов чувствовать ложь?

— Знаю. Но не все же могут.

— Я могу. Теперь правду. Хотя не надо, — маг задумчиво посмотрел на меня. — Магия сама развивается только в детстве — до полового созревания, после этого её нужно подталкивать. Во время дуэли применял?

— Когда ранили — боль приглушил.

— Маг Шорт смотрел магическим когда тебя лечили? Хотя о чём я — он же подсказывал, значит смотрел. Он смог определить, что ты владеешь силой?

— Не знаю. Но я, когда лечили, уже не использовал магию.

— Это хорошо.

Маг прошёлся по комнате. Потом внимательно осмотрел её.

— Подслушивающих амулетов нет, — уверил я его.

— Пойдём в кабинет твоего отца.

Как только мы зашли в кабинет, маг показал отцу круговое движение ладонью. Отец, молча встал и, подойдя к одному из шкафов, повернул витиеватый узор на нём, после чего вернулся за стол и жестом предложил нам присесть. Я прямо ощутил разлив магии в комнате. Отпустив магическое зрение, я зажмурился от яркого света, поэтому тут же вновь вернул, всё как было.

— Лигранд Элидар решил посягнуть на власть империи, — маг сел на предложенный стул.

— Даже так? — Спокойно отреагировал отец, доставая из стола бутылку и два бокала.

Дайнот жестом отказался, ну а мне отец не предложил, убрав один из бокалов.

— По крайней мере, такие слова ты можешь услышать на суде карающих.

Карающие.... Карающие, это войска ордена Гнутой горы. Карающие, это те, кто может без суда и следствия карать простолюдинов. Знатных и богатых тоже могут, но там требуются основания. Со слов Тотуса как-то так.

— Твой сын, — продолжил маг, — умудрился дать толчок магическим силам, потому и рана быстро зажила. С такой составляющей он просто обязан явиться в орден, ну а далее.... В лучшем случае память сотрут, в худшем — костёр.

— Он и со зрением должен был.

— Ты же понимаешь, что тут другое. Он уже не сможет остановить процесс развития.

— Пока ещё не полностью осознал, но догадываюсь. Что предлагаешь?

— Отречься от него и донести.

— Хороший вариант. Ещё, какие-нибудь есть?

После этих слов отца меня слегка отпустило. Тон Дайнота был серьёзным.

— Нанять ему учителя магии. На меня не смотри.

— А менее сказочных предложений нет?

— К сожалению нет. Твой оболтус, развил себя до такой степени, что начал силу из округи тянуть. Как ему это удалось вопрос другой — сами разберётесь. Вернее всего зрение помогло, ну и однозначно его старания. Неизвестно до какой степени в нём разовьётся это всё. Возможно, я зря паникую, и он останется на этом уровне, а возможно и сильным магом станет. Если оставить всё как есть, то через год, максимум три-четыре, у него могут начать силы выходить наружу. И ладно если просто выходить, а если молниями? Он сам себя сожжет. Ума бы ему залить, да поздно.

— Я же не знал..., — попытался я оправдаться.

Отец и Дайнот одновременно посмотрели на меня. Наверно мне лучше пока не отвечать.

— Задержать можно?

Дайнот отрицательно повертел головой.

— Поздно, он уже тянет силы. Надо учить сдерживать магию. Есть амулеты для рассеивания

излишней силы — одарённым детям вешают, но это всё равно, что ему на лбу написать — маг, очень у этих амулетов специфический свет.

— Долго этому учить?

— Как стараться будет. Можно за шесть-семь лун обучить.

— Потом можно будет определить, что он...?

— Если будет в себе силы собирать — даже смотреть не надо будет — очень ощущается, причём на расстоянии, а если же научится рассеивать их из себя — то, только специальным амулетом, прикосновением, ну или если использовать будет. В любом случае от магов ему надо держаться подальше. Твой сын, кстати, пользовался силой при новеньком. Только не известно понял тот или нет.

— Как думаешь, расскажет?

— Откуда же я знаю? Если бы донёс, здесь уже бы были карающие. Либо не понял, либо заметил и не хочет доносить карающим.

— Либо донёс, и ваши позже используют против меня, — сделал ещё один вывод отец.

— Такое тоже может быть.

На некоторое время повисла тишина.

— Я поеду. Потом договорим, — маг встал.

— Да, конечно. Спасибо. С Симарой как?

— Давай тоже позже обсудим.

Дайнот уже собирался уйти, как его взгляд остановился на мне.

— Карающему, достаточно проехать мимо вашего дома и обратить внимание на изменение линий магии в округе, если ты их начнёшь использовать.

— Я не буду.

— Надеюсь.

— Я действительно не знал, — как только маг вышел из кабинета, попытался я объясниться.

Отец молча посмотрел на меня несколько секунд.

— Не переживай. Справимся. В крайнем случае, обратно к деду поедешь.

Дальнейший разговор с отцом не клеился, ввиду его мрачности, да и ... о чём тут говорить.

За ужином, отец объявил о приглашении от левого плеча локота, то есть министра финансов локотства, на просмотр завтрашней казни. Я, как бы особо не рвался, но поскольку вся семья склонила голову в ответ, тоже кивнул. Тем более, как бы это дико не казалось, но я поймал себя на мысли, что некоторое любопытство всё же было.

К дому левого плеча, расположенному прямо на площади, пришлось пробираться через изрядное скопление народа — желающих посмотреть на смерть преступников было предостаточно. Наша охрана разгоняла палками людей перед лошадьми — как таковой организации движения не было. Оказалось, что наш лимузин, то есть карета, может быть тесным и несколько душным — стеклоподъёмников ещё не изобрели.

После того как мы расположились в креслах установленных по периметру стола гостиной и нам подали напитки, мужской части — вино, а женской — сок, появился и сам левое плечо в сопровождении внучки. О том, что это внучка, я был заранее осведомлён Симарой. Я не знаю, как женщины умудряются добывать информацию — отец точно не мог ничего рассказать сестре, но от Симары же я узнал, что само приглашение в дом плеча инициировано именно внучкой. И целью приглашения был именно я. Лара Оника была уже помолвлена, но вот приспичило ей пообщаться со мной. А поскольку в игорные дома её не выпускал дед, а сама она не могла приехать с визитом в наш дом во избежание кривотолков, то она попросила деда пригласить нас.

Плечо был уже в приличном возрасте с изрядной долей седины в волосах. После того как он сел в кресло, поздоровался с нами кивком. Довольно вежливый поступок. Если бы он кивнул нам до того как сел, то по этикету нам всем пришлось бы вставать.

— Жимилот, — представился он мне без титула, вводя тем самым практически в круг друзей.

Бледно зелёные глаза плеча внимательно изучали меня.

— Элидар, — склонил я голову.

— Дочь моего сына лара Оника.

— Рад знакомству с вами лара, — улыбнулся я четырнадцатилетней красотке.

Вообще девушки этого мира, принадлежащие к богатым семьям, были красивы. Секрета тут никакого не было — они с самого детства пользовались магическими зельями и мазями, а в особо сложных случаях и услугами магов. Я как то заходил в комнату к ларе Симаре, тёзке моей сестры, с которой учился в имении деда, там такое количество скляночек, горшочков и бутылочек.... И все светятся в магическом зрении.

— Я тоже, лигранд Элидар, — приподняла она уголки губ в ответ.

Лара в друзья не спешила меня записывать.

— Мне рассказывали, что вы недавно участвовали в дуэли? — её карие глаза, не моргая, уставились на меня.

Вот оно, женское коварство в полной красе. Её дед, лицо официальное, разумеется, слышал весь разговор, и признаться при нём в участии в дуэли, значит, признаться в нарушении закона. Сказать же что не участвовал, значит солгать, и как следствие уронить себя в их глазах.

— Ну что вы, лара Оника. Дуэли проводятся на локотском ристалище, а у нас был спор.

— Спор, где нужно вынимались клинки?

— Мы не знали, чей острее.

— Я думаю, — ввязался в наш разговор плечо, — что если бы с вами спорила Оника, то судя по остроте уколов её слов, она бы выиграла.

Лара натянуто улыбнулась своему деду, но перечить против намёка не стала и разговор на эту тему свернула. Зато продолжил Жимилот.

— Вот тот молодой человек, с которым вы Элидар спорили, является другом одного знакомого лары. И судя по её словам, ваш оппонент, как и знакомый лары, не слишком смелые люди, раз пошли по пути интриг, а не продолжили спор об остроте лезвия клинков.

— У вас плечо Жимолот есть основания так говорить? — Дерзко и официально спросила лара.

— А мне не нужны основания, чтобы мыслить и делать выводы. Кстати, Элидар, ваш оппонент получил вчера требование появиться в Руизанском локотстве, чтобы приступить к службе в имперских войсках.

Лара хмыкнула:

— Возможно, к этому кто-то приложил старания, — при этом её глаза выстрелили в меня.

К лицу прихлынула кровь — отец, наверно, мог такое сделать.

— Ты права, — ответил вместо меня плечо, — отец того молодого человека не пожалел денег, чтобы получить для сына бумаги предписывающие отбыть.

— Ганот не трус! — вспыхнула лара.

— Разумеется, он просто разумен. Когда вокруг твоего дома ходят ещё четыре молодых человека желающих поспорить на тему остроты клинка, надо начинать думать. У вас хорошие друзья Элидар. Некоторым, не мешало бы поискать таких, — взгляд плеча скользнул по внучке.

Тут к плечу подошёл слуга и, склонившись, что-то прошептал.

— Предлагаю пройти на балкон, — левое плечо начал вставать, — там уже начинается.

Балкон дома, хотя скорее смотровая площадка дворца левого плеча, выходил прямо на площадь. Глашатай на невысоком эшафоте что-то орал, но, не смотря на то, что он был недалеко от нас, из-за гомона толпы его голоса не было слышно.

— Кто-нибудь знает, за что казнят? — спросил Корн.

— Первые двое — рабы убившие хозяина, а потом будут те, что купцов грабили, — прояснил отец.

— За это уже казнят?

— Они многих убили, — объяснил плечо. — Три года грабили. Из-за них даже цены в городе приподнялись — купцы не хотели в Якал товары возить. Практически вся банда работала на рынке, поэтому знали, кто из купцов собирается за товаром ехать и при этом охрану нанимает слабую. Тех и грабили. Двое даже из локотской стражи участвовали.

Топор палача взлетел в первый раз и резко опустился. Я вздрогнул. Возможно, я себя накрутил, но мне показалось, что я услышал хруст разрубаемых костей. А может, и не показалось, так как в момент удара, гомон людей стих на доли секунды, чтобы радостно взорваться, когда голова отделилась от туловища. Не самое приятное зрелище надо сказать. Кровь пульсирующее вырывается из шеи обезглавленного тела, которое держат двое крепких молодчиков. Через несколько секунд они оттаскивают тело к задней части помоста и сбрасывают на телегу. Потом один из них идёт за головой, которую подняв за волосы, показывает ликующей толпе. А второй в это время помогает затащить страже

следующего беднягу на эшафот. Именно в этот момент я вдруг понял насколько я чужой в этом мире, и насколько отличается моё изнеженное цивилизацией восприятие действительности. Молоденькая соплячка, стоящая рядом со мной, спокойно попивала сок из бокала, равнодушно глядя как убивают людей. Те, что внизу восторженно кричали и свистели.... "А ведь на месте этих бедолаг, могу оказаться и я, — пронеслась мысль, — если не буду осторожен".

— Давно карающие никого не сжигали, — словно услышав мысли, произнесла лара Оника, превратившись в моих глазах из соплячки в отвратительного монстра.

После казни нас пригласили за стол. Мне в горло, после такого шоу, ничего не лезло.

— А почему вы лигранд Элидар ничего не едите? — С улыбкой произнесла ехидна.

Это же насколько железные нервы надо иметь, чтобы после просмотра кровавого представления так мило улыбаться человеку, которому причём, только что пыталась сделать пакость?

— Нет аппетита. Возможно, я сражён вашей красотой и острым умом лара, — я позволил себе слегка сыграть голосом, добавив толику издевательского тона.

— А мне показалось, что вам жаль казнённых преступников.

— Нет. Наверно они заслужили своей участи.

— Наверно? Вы сомневаетесь в правосудии?

Вот же стерва.

— Отнюдь.

Лара ожидала продолжения ответа, но мне в голову ничего не приходило, кроме того, что я мало занимался словесностью.

— Лигранд имел ввиду, что для составления собственного мнения о строгости произведённого наказания он слишком мало знает о деяниях казнённых, — спас меня в очередной раз её дед.

— А вы плечо Жимилот... — начала было Лара.

— А я как левое плечо, — перебил её дед, — ну и отчасти имеющий некоторое влияние на вашу судьбу человек, могу укротить строптивость, и научить некоторых лар общению с мужчинами и умению держать язык за зубами в присутствии более влиятельных людей.

С каждым произнесённым словом голос плеча становился всё твёрже.

Лара резко встала и присела в книксене. Плечо кивнул. Она, развернувшись, вышла из зала.

Вечером в душу вернулась тоска. Тоска по дому. Тоска по своей жизни. Всё вокруг было чужое, не моё. Не мои родители. Не мои друзья. Не моя судьба. Не мой мир.... Не моя вот эта знатная чванливость. Ведь даже в кругу семьи отец кивком разрешал матери вести разговор. Эти рабы, снующие под ногами, в глазах которых прямо читалась ненависть и желание всадить тебе нож в спину. Бог с ним, с самим процессом попадания в рабство, но такую ненависть надо в себе воспитывать. И ведь в семье отца к ним не плохо относятся. Толи они не понимают, что может быть хуже. Гораздо хуже. Со всем этим знатным высокомерием и умением игнорировать косые взгляды рабов, надо родиться, ну или с пелёнок впитывать, не зная, что есть другая манера общения. Может, поэтому мне и понравилась Альяна, она была свободна от всех этих предрассудков. Уснул я с мыслью, что всё наладится, и я обязательно привыкну.

На приём мы с Корном слегка опоздали. Брата, Таита практически сразу куда-то утащила, а я предпочёл отойти в сторонку, превратившись в наблюдателя. Приём был тухлым. Нет, всё было по высшему разряду. Шикарнейшие закуски, лучшее вино, оркестр в бальном зале, куча напыщенной молодёжи..., но, поселившийся внутри зверь отчуждения всего происходящего вокруг, так и не успокоился. В общем тухлым был не приём, а настроение.

— Вам что-то не нравится лигранд Элидар? — Рыжая хозяйка бала подплыла ко мне с двумя бокалами вина, один из которых протянула мне.

На языке жестов флирта эти бокалы означали заинтересованность моей персоной. Несколько неожиданно конечно. Я прямо ощутил десятки взглядов окружающих, пронзающие нас насквозь.

— Ну, что вы, Лара Исина, — я постарался, как можно приветливей улыбнуться, принимая из её рук бокал, — всё просто прекрасно, в особенности вы.

— Лигрант..., — укоризненно покачала она головой. — Какая неприкрытая лесть. Если бы я сама не подошла, то вы бы точно не обратили на меня внимание.

— Отнюдь. Просто вокруг вас столько поклонников, что подойти к вам и не наступить кому-либо на ногу просто невозможно. А ещё к одной дуэли я пока не готов.

Вокруг Исины действительно кружило несколько юнцов.

— Вашими стараниями на одного стало меньше.

— Я не совсем виновен в этом, насколько знаю, он сам изъявил желание уехать. Кстати, хотел вас поблагодарить за то, что остановили дуэль.

— Нет, нет, Элидар. Виновны. Если и не вы, то ваши друзья. В связи с этим на правах хозяйки приёма приговариваю вас к трём танцам со мной. Ну а в качестве вашей благодарности я с удовольствием приму ваш визит ко мне в гости, как только вы окажетесь в столице.

Со мной открыто флиртовали.

— Более прекрасного наказания нельзя придумать. Покорно веряю свою судьбу в ваши руки, — мне не оставалось ничего делать, как, оставив на маленький столик свой бокал, протянуть руку в пригласительном на танец жесте.

— Осторожней со словами Элидар, — лара просто отвела кисть с бокалом слегка в сторону, как тут же подскочил один из слуг и осторожно принял её сосуд, — я ведь могу принять вашу

судьбу.

Танцевать с низенькой партнёршей медленный танец было несколько неудобно, но, я с этим прекрасно справлялся, так как на уроках Отты мне пару раз приходилось брать в партнёрши и более молоденьких лар.

— Вы смелая девушка, — подарил я Исине очередной комплимент, скорее по причине необходимости что-то произнести — лара смотрела мне прямо в глаза и..., это настораживало.

— Броситься между бьющимися молодыми людьми не каждая сможет.

— Дело в том, что я косвенно виновата в вашей дуэли.

— Очень интересно.

— Скорее банально. Ганот пытался произвести на меня впечатление и не придумал ничего лучше, чем вызвать кого-нибудь на дуэль. Жаль, что вы помогли ему достойно выкрутиться от вызова мага.

— Несколько жестоко. Вы хотели, чтобы Ганот погиб?

— Нет. Чтобы его кто-то образумил. Ганоту, как и многим другим, нужна была не совсем я, и даже, не моё тело. Это было бы непристойно, но более приятно, чем реальность. Ганоту нужна благосклонность моего отца, чтобы достичь роста на военном поприще.

— Откуда вы знаете? Возможно, он был влюблён.

— Поверьте лигранд, знаю. Как и то, что я вам не интересна.

Я уже собрался опровергнуть её слова, как Исина продолжила:

— Не надо Элидар, не опускайтесь до банальной лжи, иначе вы упадёте в моих глазах. Мне не нужны фальшивые комплименты. Вы ведь сейчас над этим задумались?

Тут музыка прекратилась, и я выпустил лару из полуобъятия танцевальной позиции не успев ответить.

— И так, Элидар, вы, остались мне должны два танца, и визит в мой дом, когда будете в столице. Верно?

— Конечно.

— Пообещайте.

— Обещаю.

— Тогда я оставлю вас на растерзание другим ларам, а ваш долг останется за вами до лучших времён, — лара присела в книксене.

Мне не оставалось ничего кроме как кивком разрешить ей покинуть меня.

— И, Элидар, — произнесла она, перед тем как повернуться ко мне спиной, — не стойте с таким хмурым видом у стены. Оглянитесь и возможно получите цветок фиалки. На втором этаже есть открытые комнаты. Развлекайтесь.

Дальнейшее время на приёме я провёл пусть и не столь интригующе, но несколько веселее. Часть моего времени скрасил Дартин, представивший мне свою супругу, являющуюся, как оказалось, моей дальней родственницей, и уведомивший что Свонк и Шорт тоже были на приёме, но, познакомившись с двумя ларами, пошли показывать им сад и пропали.

— Шорт вроде представился своим?

— Лара Исины ему официальное приглашение сделала. А поскольку она личность важная, маги решили Шорту посетить этот приём.

— Вы пытались вызвать Ганота на дуэль? — когда супруга Дартина отошла поговорить со своей знакомой, спросил я.

— Почему пытались? Ротимур умудрился вызвать. Но клинки скрестить не успел — Ганот уехал.

Вторую часть приёма я провёл с Корндаром и Таитой, которая пыталась выведать предмет нашего разговора с Исиной, после танца с которой, я стал предметом наблюдения многих, присутствующих на приёме, на меня разве что пальцем не показывали. Причину такого поведения окружающих объяснил мне Корн, когда его спутница отлучилась. Оказывается такой благосклонности лары Исины, то есть открытого флирта на людях, достаивались не многие. Лара Таита вернулась не одна, а с ларой Наной, той самой, для которой Таита узнавала мой личный статус. Лара Нана была не самой сногшибательной девушкой, тем не менее, довольно милой в общении. Воспользоваться советом Исины мне не удалось, однако невинный поцелуй в губы при расставании я получил. К концу приёма появились Свонк и Шорт. Их экскурсия по саду, устроенная двум сестрёнкам, прошла почти успешно, то есть дело я так понял, дошло до поцелуев, но не далее. Свонк был явно разочарован, а вот Шорт счастлив. Долго они со мной беседовать не стали — самцы были на охоте.

Глава 10

Маг Дайнот достал из сумки бутылку вина, затем, подойдя к шкафу, два бокала, поставил всё это на стол и опустился в кресло отца.

— Налей, — не то попросил, не то приказал он мне.

Беседовали мы в кабинете отца. Дайнот через пару дней после приёма у лары Исины изъявил желание поговорить со мной тет-а-тет. Разумеется, отказать магу в этом было не в моих интересах. Я, откупорив тугую пробку, наполнил бокалы.

— Как ты относишься к императорской армии? — Задал неожиданный вопрос маг.

— Ну, учитывая силу самой империи, положительно.

— Мудрый ответ, — улыбнулся маг. — А как к людям, которые в ней служат?

— У меня не очень много таких знакомых. Но сильный человек умеющий держать оружие, достоин уважения.

— Это хорошо, что у тебя такие взгляды. Не хотел бы пойти на службу?

Я несколько замялся:

— Никогда не думал об этом.

— Я могу просить тебя, чтобы всё, о чём сейчас пойдёт разговор, останется между нами?

— Конечно, маг Дайнот.

— Твой отец любит тебя и, не смотря на то, что понимает создавшуюся, не буду скрывать, опасную ситуацию, вряд ли объяснит тебе её так, как она действительно выглядит. Поэтому, учитывая, что ты уже взрослый молодой человек, я решил снять с тебя шоры. Ты сейчас представляешь опасность для своей семьи. Большую опасность. Если вдруг орден узнает о том, что ты имеешь магическое зрение и силы, тебя сожгут. Но и всех твоих родных тоже допросят, ну а с учётом манер и способов которыми это будут производить, те, кто о тебе знают, то есть твой отец и отец твоего отца, тоже пойдут на костёр, а остальным найдут прегрешения. Мне же за эту тайну тоже грозит смерть. Так как я дорожу своей жизнью, у меня есть несколько возможных выходов из создавшейся ситуации. Самый простой, это самому привести тебя в орден. Этим я поддерживаю свою преданность, но погублю твоих родных.

— Тогда выяснится, что вы скрывали моё зрение.

— Я рад, что ты всё понимаешь, — усмехнулся маг. — Только перед тем как отдать тебя ордену, я ведь могу и убрать твою память.

— Тогда и отцу убирать.

— Поэтому у меня есть ещё один выход — убить тебя, — маг отпил из бокала, равнодушно глядя на меня.

Внутри пробежал холодок, после чего лицо обдало жаром. Я понимал, что если бы он хотел это сделать, то не стал бы со мной разговаривать, тем не менее, он это вполне мог осуществить. Не сейчас, разумеется.... Наверно.... Вполне в духе мира, в который я попал.

— Разумно, — голос слегка сорвался.

— Пойми меня правильно. Допустим, я обучу тебя, вернее разъясню, как сдерживать силы. Допустим, ты сможешь сдержать их и станешь магом, но ты по-прежнему останешься угрозой. Я пока не рассматриваю вариант того, что твои силы не будут далее развиваться — это было бы идеально. Допустим, ты станешь магом, но даже в какой-нибудь глуши, например в вашем балзонстве, могут появиться карающие, и тогда станут известны все, кто тебе помогал. В связи с этим, у меня к тебе предложение. Я обучу тебя. Сдерживанию силы разумеется, а не магии. А ты пообещаешь мне, что уйдёшь на службу в имперскую армию и не появишься здесь, пока не поймёшь, развивается твоя сила или нет. Если она всё-таки разовьётся, то ты сам исчезнешь. К примеру, уедешь на Гурдон.

Гурдон, это ещё один материк этого мира, правда, вот руизанцев там не очень привечали. По их законам, руизанца, попавшего на материк не официально, то есть не в качестве посла, купца или моряка, любой местный житель мог взять в рабство. Возможно, насчёт магов, конечно, другие критерии, но узнать это было не у кого.

— Как это поможет мне? И вам?

— Если вдруг ты не сможешь совладать с силой, то правое плечо императора не выдаст тебя ордену, они тебя сами казнят. По тихому. Чтобы никто не узнал. Хотя... возможно, тебя

спрячут от ордена, и ты будешь продолжать работать на империю.

— Я полагал, что империя и орден сотрудничают.

— Так и есть. Но власть есть власть. Сейчас орден без империи ничто. Только империя развалится, как каждое локотство будет прятать новых магов от ордена и вскоре возникнет масса иных магических орденов. Империя же без ордена Гнутой горы не сможет удерживать во власти локотства. Только стоит ордену отойти, как локоты быстро собьются в содружества и выступят против империи.

— Почему тогда вы считаете, что меня не выдадут?

— Всё просто. Это будет предлог для ордена проверить все имперские войска. А император не подпускает магов к войскам, так как боится, что орден подчинит их себе. Если маги сотрудничают с войсками, скажем на кораблях, то мага охраняют несколько специальных воинов, на деле являющихся охраной войск от мага. То есть не подпускающих магов к воинам.

— Интересно. Я слышал, что император и локоты отравлены магами, и без магических зелий не могут жить.

— Не совсем так. Это пошло со слов одного, теперь уже покойного поэта. Умер он не совсем по естественным причинам. Как же дословно.... "Нас отравили зельем жизни, забрав взамен наших детей". Императорам и локотам поставляется эликсир, продляющий жизнь. Собственно именно поэтому я здесь. Без мага этот эликсир пить нельзя. Они все стары, очень стары и без эликсира не протянут и года. А локоты взамен, разумеется, не только за это, разрешают забирать наделённых магией детей. А если вдруг у императора появится свой маг умеющий делать зелье....

— То он не будет зависеть от ордена и сможет собрать свой.

— Всё верно.

— Почему тогда локоты не прячут детей?

— Может и прячут. Только определить в детстве наделённого магией ребёнка, можно лишь двумя способами: определённым амулетом который есть только у карающих; ну или, что бывает крайне редко и собственно касается тебя, если сила уже начинает выплёскиваться наружу, тогда дети гибнут, если им не помочь. Если же орден узнает, что такой ребёнок был, но пропал, считай, в локотстве, на территории которого это произошло, через луну будут имперские войска и карающие. Лет пять назад так сменилась власть в Жиконском локотстве. Там локот скрыл троих одарённых. Ты первый свободный маг, которого я вижу. Возможно маг. Даже интересно, что из этого выйдет.

— Вы против ордена?

— Нет, я и есть орден, — резко ответил на мой вопрос Дайнот, наливая вина мне и себе. — Знаешь, иногда хочется узнать ..., — маг вдруг замолчал. — Это не имеет к тебе никакого отношения. Ты согласен?

— В вине яд?

— Нет, зачем? — удивился Дайнот.

— Вдруг я не соглашусь?

Он рассмеялся:

— Для того чтобы тебя убить, есть более простые и не привлекающие внимания способы.

— Если силы не будут развиваться, то я смогу вернуться к отцу?

— Если захочешь.

— Большого выбора у меня нет. Наверно это лучшее решение.

— Не сомневался в твоём благоразумии, — маг поднял бокал и слегка повёл его в мою сторону, предлагая выпить. — Отцу, своё желание пойти на службу в имперские войска, сам придумаешь как объяснить. И подожди хотя бы пару десятин. Я не хочу конфликта с ним по поводу твоего внезапного решения.

После визита мага ощущение было двоякое. С одной стороны меня тупо загнали в угол и обработали серией ударов, причём некоторые были ниже пояса, с другой... А с другой стороны, почему бы нет? Здесь я иждивенец вынужденный притворяться родным человеком людям, которых я попросту не знал. Здесь я врал. Как бы мне не хотелось, но это именно так. И вот появился шанс начать свою жизнь. Не зависящую ни от положения отца, ни от моих прежних знакомств. Мне было так легко. Если уж мне суждено сдохнуть от своего безрассудного желания владеть магией, то какая разница, где это произойдёт?! Там я не принесу никому проблем! В общем, навязанное мне решение, меня полностью устраивало.

Маг Дайнот. Кладёзь информации. Жаль, что времени проводимого с ним было мало. Каждую нашу встречу, которые проходили то в лесу, то у нас дома, маг сажал меня напротив амулета, который излучал магический свет и заставлял отгораживаться от него внутренними силами. Получаться это стало далеко не сразу. После этого маг заставлял удерживать внутри меня ту часть магии, которая просочилась в меня. Это требовало значительной концентрации. А он в это время, отвлекая меня беседой, объясняя мне какие-либо премудрости изменения нитей силы. Некоторые, я уже знал, иные дополняли мои знания, вызывая новые вопросы, а были и такие, что открывали новые горизонты. Сложно концентрироваться, слушать, думать и отвечать на вопросы мага. Сначала я ломался на первых двух минутах, но с каждым визитом у меня получалось всё лучше удерживать магию. В конце занятий Дайнот показывал мне несложное изменение нитей силы, и я пытался повторить это, после чего маг заставлял выпустить остатки магических сил в окружающий мир. По договорённости с ним, мне позволялось тренироваться и самостоятельно, но вне стен города. Надо полагать, что я вдруг полюбил природу.

Симара, загоревшаяся было моим обучением словесности и флирту, после того как я оконфузился в доме плеча, вынуждена была обломаться, так как приехал её муж. В свой дом они уезжать не спешили, как я понимал, их ждала совместная терапия бесплодия. Зарук, появившийся как нельзя кстати, стал моим источником информации о местной армии. Оказалось, существовало три способа попасть в войска империи. Первый, это пойти служить простым воином, подписав десятилетний контракт. Никакой учёбы или чего бы то ни было. Поставил подпись, вручили щит и меч и айда родной в поле мясом пока не состаришься. Второй, для более богатых, это прийти со своим конём и вооружением и, либо попасть воином в кавалерию, либо сдать испытание на сотника и после полугодового обучения, возможно, взять под своё командование на пяток лет сотню. Возможно, так как в процессе обучения определялись твои умственные и лидерские качества и тысячник, к которому ты попадёшь на

обучение, выносит свои обоснованные рекомендации. Если же он не рекомендует, возвращаемся к пункту о войне кавалерии, что зачастую и случалось. Но даже если ты получишь положительные отзывы, то многое зависело ещё и от тысячника, к которому ты попадёшь. Далеко не факт, что он захочет видеть тебя в рядах своих сотников. Третий способ, самый простой — имея связи можно всё. Сам Зарук был сотником, прошедшим испытание.

Экзамен, то есть испытание, было незамысловато. От меня требовалось лишь предъявить коня и вооружение, а также доказать своё умение владеть клинком, так как воин, не умеющий этого — не воин. Причём уровень владения клинком сотника, это не самый хилый уровень.

Отец пару раз слышал, как я расспрашиваю Зарука, и, в конце концов, не выдержал и пригласил в кабинет.

— Элидар, могу узнать причину твоего проснувшегося интереса к имперской службе?

Я ответил не сразу. Разумеется, я готовился к этому разговору, но почему-то предполагал, что инициатором буду я.

— Я сейчас в том возрасте, когда уже надо определяться с дальнейшей моей судьбой. Гулять и флиртовать с ларами всю жизнь....

— Ты собрался идти на службу в имперские войска? — Перебил меня отец.

— Раздумываю.

— Раздумываешь или собрался.

— Собрался.

Отец откинулся на спинку кресла, разглядывая меня.

— Дайнот посоветовал?

— Да. Но он просил не говорить тебе.

Отец ещё некоторое время гипнотизировал меня.

— Хорошо, можешь идти.

Что разговор будет настолько простым и скоротечным, я даже надеяться не мог. Даже несколько обидно стало — как будто отец тоже хотел моего исчезновения. Хотя, с другой стороны, решение моё и что, он должен был меня отговаривать? В обед отец объявил о своём решении (Своём!) отправить меня на службу в имперские войска. Семья встретила такую новость гробовым молчанием.

— Я упустил момент, — после обеда ко мне зашёл брат, — когда ты нагрубил кому-то из семьи локота. Или может, ты Дайнота на дуэль вызвал? Нет. Внучка плеча от тебя понесла. Да?

— Почему ты так решил? — В беседе с братом я мог не соблюдать правила приличия и ответил вопросом на вопрос.

— Иначе не понимаю. Ты, конечно, не самый послушный сын, но чтобы на воинскую службу, да ещё в империю....

— Я сам захотел.

— Ты ещё раз ударялся головой?

— Корн, сложно объяснить. Я решил быть самостоятельным.

— Так будь. Попроси отца, он снимет тебе отдельный дом.

— Попроси отца....

— М-да. На твоём месте я бы теперь каждый день к ларам ходил. Когда ещё увидишь женскую грудь, — брат вышел из комнаты.

Дальнейшее моё существование в доме отца дополнили тренировки мечного боя с отцом, братом и Заруком. Преподавателя данной дисциплины было решено не нанимать — отец сам как преподаватель. Зарук, после объявления отца, стал отнекиваться от радужных картин, которые он мне до этого описывал и предупредил, что основная масса сотников всё-таки дослуживалась до этого, а не назначалась после учёбы, но стать десятником верхового отряда у меня шансы есть и это не самая плохая должность. Похоже, зять не очень верил в меня.

День, вернее десятина, испытаний наступила внезапно, всего через луну после принятия мной решения стать военным. Просто экзаменационная комиссия, то есть рекрутёры, прибыли в локотство. Рекрутинг в имперские войска проводился примерно раз в полугодие и зависел не от конкретной даты, а от того, как десяток усталых вояк доберутся до нашего локотства. Усталых? Я ошибся. Это когда они стояли вокруг площадки, на которую я вышел, то казались обычными горожанами с потухшими взглядами, а вот когда выходили против меня с клинком.... Мне предстояло биться по очереди с тремя воинами. Бились на деревянных, но магически утяжелённых мечах. Наверно, я бы не смог пройти этого испытания, если бы не маг Дайнот. Он всеми фибрами души хотел от меня избавиться и не особо скрывал этого. Маг научил меня правильно использовать мои внутренние силы, а сделать при помощи них можно было ой как много. Мало того, что можно заглушить боль до такой степени, что не чувствуешь как свеча жжёт твою ладонь, так можно ещё и использовать силу, чтобы отвести тепло из этого места. То есть я теперь мог как заправский факир держать руки над огнём, и не получать ожогов. К сожалению, если меня всего поместить в пламя, то такой фокус не получится. Дайнот на мой интерес по этому поводу, объяснил, что даже самый сильный маг, если его подвергнуть сожжению, может продержаться без вреда для себя всего несколько сотен ударов сердца. Но, об испытании. Маг на наших занятиях, подробно объяснил, как надо распределить внутренние силы, чтобы как можно дольше не выдыхаться и как, чтобы на удар сердца стать быстрее. Последним, он просил не злоупотреблять, так как можно растянуть сухожилия, а то и вообще порвать. Для того чтобы пользоваться данной функцией организма, надо тщательно готовиться, но, чуть-чуть увеличить силу удара вполне можно.

Первый и третий бой я был бит. Но, второй всё же выиграл. Комиссия проголосовала за моё включение в ряды новиков. Как потом объяснил Зарук — то, что я проиграл, это нормально, вообще удивительно, что один то бой выиграл — мечники, принимавшие испытания далеко не самые худшие. Суть не в том, победил я или нет, суть в том, как я бился, а бился я вполне неплохо. Конечно, не плохо — они же не знали, что первых два боя, я пользовался магией. Плечо теперь болело и сил приглушить боль не осталось. Во втором поединке пришлось слегка разогнать руку, чтобы достать соперника.

Ротимур, когда узнал о моих намерениях, тоже изъявил желание пойти в имперские войска. Но, подозреваю, что он сбегал от женитьбы, так как его отцу надоело разгильдяйство сына, и

он нашёл ему нормальную партию. Как бы это было хорошо, с одной стороны, а с другой..., я уже достаточно знал этого парня, и были смутные подозрения, что если мы вдруг попадём вместе на обучение или службу, то проблемы будут. Вернее мы найдём их.

Ротимур был человеком действия и в тот же день прошёл испытание. Без всякой подготовки. Просто поехал на локотское ристалище, заявился, и прошёл. Только сильно был расстроен тем, что я выиграл один бой, а он ни одного. Вечером мы с Корном, Ротимуром и Дартином отмечали в трактире Ломака успешную сдачу экзамена. Жаль не было Свонка и Жикана, но они спустя десятину после приёма у лары Исины разъехались по своим локотствам. Жикан в Халайское — самое северное. Там его отец держал лавки. И Жикан, собственно, оказался в Якале по делам купеческим — привёз товары для партнёра отца. Свонк же жил в Дувараке — столице империи, а сюда приезжал к родным.

— Ладно, поеду в балзонство, — Ротимур встал из-за стола. — Отцу сообщить надо и денег взять пока имперские не уехали.

— Ты что за деньги прошёл испытание? — заинтересовался я.

— Нет. Я договорился, чтобы нас в одну и ту же крепость на учёбу отправили. Теперь надо до балзонства и обратно за ночь смотаться — утром деньги должны быть.

Не скажу чтобы я был очень рад, но и не расстроился из-за желания Ротимура.

— Много надо? — спросил брат.

— Империял.

— Нашёл из-за чего в ночь ехать. Подойди к отцу, он тебе даст взаймы, если конечно не скажешь для чего. Мы с Элидаром тебе половину отдадим ради такого дела.

— Полимперияла и я занять могу, — язык Дартина уже слегка заплетался.

— О! — Корндар хлопнул по плечу Ротимура, усаживая обратно. — Уже никуда ехать не надо.

Домой мы вернулись только утром.

Зарук, в спешном порядке после прохождения мною испытания, начал обучать меня армейскому сленгу. Не то что бы замысловато, но изучать было что. От слова "гражданские", на воинском, звучавшее как "мясо мускуна", до "дракон" — неофициального наименования тысячника.

— А почему дракон?

— Большинство тысячников уже в возрасте, и внешне напоминают земляного дракона. Даже ходят вразвалочку, — Зарук изобразил важную раскачивающую походку.

— Зарук, а зачем вообще такая мудрёность — сначала в одну тысячу на обучение, потом в другую на службу? Не проще сразу на место службы?

— Если направить сразу в свою тысячу, то ты придёшь туда абсолютно неподготовленным, то есть, как бы объяснить.... То есть будешь выглядеть как деревенский парень, впервые попавший на ярмарку. После этого авторитет завоевать будет сложно. А ведь в войсках плевать всем лигранд ты или нет. Не совсем конечно, но такого веса как здесь твой статус иметь не

будет. Поэтому так принято.

Маг Дайнот объявил мне о том, что я готов, буквально через десятину после прохождения мной испытания. Пожалуй, тут, в стремлении сплавить меня, он слегка перегибал палку — я себя готовым не ощущал. Нет, теорию, я, конечно, уже знал, а вот практика пока была не очень. Тем более, что маг Дайнот за пару дней до комиссии утверждал почти противоположенное — я физически к принятию силы готов, но вот мой разум ещё не способен принять мощь магии. С его слов выходило, что маги, это крайне неуравновешенные в эмоциональном плане люди. В пример он привёл Шорта с его пьяной выходкой. Шорт ведь не просто пустил молнии при страже рынка. Он, оказывается целился в них. И вот его несколько наивное поведение в нашем общении это норма для молодых магов. Это уже потом, за свою несколько, то есть раза в три более длинную жизнь, маги учатся выдержке. Собственно поэтому их стараются не выпускать в одиночестве в народ.

После испытания, у меня было два варианта развития событий. Первый — ехать с воинами, принимавшими испытание по другим городам и сёлам, второй — дожидаться вызова. Так как смысла таскаться по просторам империи не было, а вызов отправляли, когда рекрутёры, сделав круг и набрав достаточное количество претендентов, добиралась до столицы, то Дайнот продолжил моё обучение, но он очень нервничал. Тревога, которую маг старался не показывать, передалась и мне. Надо ли говорить, что я выворачивал дёрн, в стремлении постичь науку способную защитить меня от своей же магии. Я даже игнорировал опасность для себя и своей семьи, и тренировался в винном подвале дома. Я хотел жить.

Вызов пришёл через три луны, за которые я, если честно, подустал ждать. Я думал Дайнот станцует на радостях, но недооценил самообладание мага. К этому времени уже были приобретены баснословно дорогие доспехи и породистый жеребец, так как доспехи для испытания я брал у Зарука, а лошади в конюшне отца не совсем подходили для службы. Для скачек — да, а вот для длительных переходов — не очень. Также были приобретены... лошадь и форменный камзол для моего оруженосца — Ильнаса. Такой тоже должен быть, так как самостоятельно чистить лошадь, стираться, ну и остальную бытовую работу, я, как лигранд, не мог делать, и мой опекаемый на эту должность вполне подходил — ограничений по возрасту не было. К тому же сам Ильнас воспринял это с восторгом. Ещё бы! Парня берут в настоящие войска, настоящим воином. Правда, оплачивать его услуги и питание до шестнадцатилетия, то есть боеспособного возраста, должен был я сам, но Ильнас великодушно согласился поработать бесплатно, а уж с кормёжкой как-нибудь разберёмся. Вообще-то должность, которую предстояло занять Ильнасу, на руизанском звучала как младший воин и обычно, младший воин это тоже вполне боеспособная единица, ставившаяся на довольствие и получавшая от империи деньги. Некоторые, особо знатные, приводили с собой два-три таких воина. У Зарука, как сотника, тоже был младший воин, но пеший, так как ему его назначили из обычных воинов.

— Хо, — Ильнас гордо восседая на своей кобыле, пытался предать ей ускорения.

Меня же более устраивала размеренная езда. Как такового похмелья не было, так как отец с утра, перед тем как обнять меня на прощанье, влил в меня свою чудо отрезвляющую жидкость, однако недосып сказывался. Мы вчера, по старой руизанской традиции.... На посошок, в общем, потом стременную, потом трактир Ломака, Лоретта.... Корндару и Дартину, пришлось покататься на кибитке её мужа по ночному Якалу, в связи с тем, что он, муж, совсем даже некстати заехал за супругой, а мы в это время были заняты. Хорошо подруги подавальщицы быстро сориентировались и подсказали парням назревающую пикантную ситуацию.

Ротимур ехал с закрытыми глазами, привязав повод своего жеребца к моему седлу — его то никто не отрезвлял. К лошади Ильнаса была привязана наша с ним выючная. Объём тюков притороченных к специальной попоне — поражал. Это я ещё слегка проинспектировал вещи уложенные сестрой.

Другу пришлось обойтись без младшего воина и лишнего груза вещей, потому как его отец не понял стремления сына стать военным и расстроить намечавшийся союз двух балзонских семей. Последние три луны Ротимуру пришлось даже жить у Дартина.

Определили нас на обучение в одну из тысяч имперского войска, располагавшуюся где-то рядом с Дувараком.

Отец навязал мне охрану из двух воинов, ехавших чуть сзади нас. На попытку отказаться от сопровождения, отец ответил, что это не ради моей безопасности, а ради безопасности тех, кого я встречу по пути. Мы с Корном, отмечая прохождение мной испытания, скрестили клинки с Ротимуром и Дартином. Дело, было, разумеется, в шутку, просто Ротимур замаял нас нытьём, что не выиграл ни одного поединка на испытании, но отец нам не поверил, так как порез на моей руке был настоящий. Если бы он узнал, что Ротимур едет со мной, то, пожалуй, нанял бы десяток воинов, а то бы и лично сопроводил.

Я впервые, за время этой поездки, не смотря на этих двух истуканов охраны за спиной, почувствовал себя свободным в этом мире! Родительская опека порой хуже рабства.

Парни из нашей стражи, не смотря на отсутствие герба, были тоже из имперских войск. Оказывается, империя неплохо зарабатывает на армии, сдавая внаём воинов. Так как воины локотов не могут свободно путешествовать по чужим локотствам, то империя практически монополизировала охрану всех грузо— и пассажироперевозок. Можно конечно нанимать и вольных стражников, но таких, ввиду всяческих ограничений на оружие в локотствах и балзонствах было не очень много. Причём в разных локотствах, были разные ограничения. А вот воинам империи разрешалось практически любое оружие. Парни по дороге рассказали нам много интересного, в особенности про то, как зарабатывают на войнах сотники и тысячники. Их то отец нанял легально в канцелярии, но можно было и напрямую через сотника, который уже сам договаривался с тысячником и это обходится несколько дешевле. Иногда старослужащие, а это те, кто отслужил более пяти лет, могли взять временное исключение из войск (про отпуск тут и не слыхивали) и договориться на сопровождение какого-либо обоза. Самое интересное, что оружие во время этого исключения, они могли носить, но только срок, на которое оно выдано. Далее или обратно в войска, или автоматически становились гражданскими.

Я прислушивался, но особо не вникал — не ощущал материального недостатка, тем паче, что отец предупредил, что деньги будет присылать. А вот Ротимур изучил этот вопрос досконально. Подозреваю, что когда он станет сотником, то распродаст всех воинов.

Крепость, в которой нам предстояло пройти обучение, находилась в десятке дней пути от столицы, на горном хребте и гордо называлась Эльфийской, так как перекрывала единственную дорогу в горах, за которыми находилось Колское локотство и эльфийский лес. Можно было, и обойти горы, только занимало это дней так тридцать. Служило в крепости всего пять сотен, тем не менее, считалось это тысячей. Тысяча это было наименование подразделения, а не численность оного.

Для проживания нам выделили небольшую комнатку на третьем этаже самой большой башни крепости. Маленькое, не застеклённое окно-бойница, выходящее во двор, две кровати, два

шкафа и один стол. Третью кровать, для Ильнаса, пришлось выбивать у складского — местного завхоза. Он ни в какую не хотел нам её выдать, так как младшие воины должны находиться в общей казарме, а не в башне сотников.

Само обучение было скучным. В том смысле, что я ожидал чего угодно, уставщины, дедовщины, муштры, но только не спокойной размеренной жизни, почти не отличавшейся от гражданской. Конечно, я постоял пару раз на страже и сходил один раз в сопровождение обоза, но это регламентировалось только тем, что я должен иметь представление об этих вещах. Остальное же время сотник, к которому меня прикрепили, таскал меня повсюду за собой и объяснял..., так скажем устав. То есть, кто к кому может подходить, как обращаться к старшим по званию, как строить свою сотню в колонну, ну и множество разных иных не очень интересных, но, тем не менее, важных вещей, в число коих входила тактика ведения боя с различным противником. Тактика была проста. Орков лучше брать количеством на копыя, а от стрел эльфов — прятаться. Как оказалось, самого его участие в настоящих боевых действиях миновало, поэтому я прислушивался, но на веру не принимал его рассказы. Если кратко, то это и было всё обучение, то есть спустя рукава, так, лишь бы отделаться.

Имперская армия это вообще довольно расслабленная организация. Никакой тебе чеканки шага в строю, да собственно и в ногу никому не требовалось идти. Щит в левую руку, меч в ножны, шлем на голову и колонной по четыре в ряд, вперёд. На длительные переходы вообще оружие разрешалось складывать на специальную телегу. Вот ко времени стражи относились серьёзно — уснул на посту — десять, а то и двадцать палок.

Моя магия, насколько я ощущал, ни на каплю не изменилась за полгода. Мне в голову иногда приходила мысль, после анализа моего пребывания в доме отца, что может, она и не должна была увеличиться, и маг Дайнот не такой уж хороший человек?

В общем, пребывание в крепости ничем ярким не запомнилось. Хотя нет, два приметных случая было. Первый произошёл с нами спустя час после прибытия....

— Присаживайтесь лигранд Элидар, либалзон Ротимур— тысячник крепости был довольно грузный мужик лет пятидесяти с лишним. — Почему вы решили пойти в имперские войска?

Я оказался не совсем готов к таким расспросам. Говорить что-то пафосное, типа защиты родины от недругов, не хотелось.

— Хочу уйти от попечительства своего отца.

— Тысячник, — глядя на меня, намекнул собеседник.

— Тысячник, — повторил я.

Аналогия с нашей армией, судя по требованию Пополота, собственно тысячника крепости, называть его по званию, определённая была. Тысячник перевёл взгляд на Ротимура.

— Сбежал от невесты, тысячник.

Пополот пододвинул нам листки контрактов:

— Настоятельно рекомендую вам тщательно подумать перед тем, как подписывать данные документы, так как ровно через сто ударов после этого ваша судьба кардинально изменится.

Прочитав текст, я подписал бумагу и прижал палец к заготовке печати, она медленно сменила цвет с голубого, на тёмно-синий. Ротимур, мне показалось, даже не читал — пробежал наискосок глазами и подписал документ.

— Поздравляю вас новики. Служить вам теперь простым воином минимум пять лет.

— Почему? — Заинтересовался я.

Не то что бы я в своих мечтах был сотником, но вот столь категоричное заявление мне не понравилось.

— Я не рекомендую новиков к какому либо руководству воинами.

— Могу поинтересоваться почему?

— Можете. И я даже вам отвечу. Вы богатенькие сынки, полагаете, что можете всё, а по итогу губите сотню, а бывало и тысячу, во благо своей уверенности. Надоела, видите ли, ему сытая жизнь за спиной отца.... Свободны. Советую познакомиться со своими сотниками, прежде чем общаться с кем бы то ни было. Они ждут вас во дворе крепости и объяснят вам войсковой этикет.

— Э, новики! — Окликнули нас небрежным голосом, когда мы вышли на крыльцо основного здания крепости.

У ряда бочек, служивших в качестве умывальников, стояли два парня лет на пять-шесть старше нас. Простецкие рубахи на выпуск, серые штаны и сапоги.

— Не хотите нам постирать бельё? — Ехидно улыбаясь, спросил один из парней.

— Да ты....

— Ротим, — одёрнул я друга и продолжил шёпотом. — Ты не видишь, специально провоцируют.

— Конечно. Проверяют кто мы такие. Ты чего, Элидар? На нас все смотрят. Как сейчас себя покажем, так и будут потом относиться.

Во дворе действительно былолюдно и именно это напрягало. Да и парни.... Не могут у простых воинов быть такие сапоги. Да и вести себя так нагло они не будут.

— Смотри, — произнёс в это время второй парень, — они ещё раздумывают.

— Соглашайтесь, мы вам денег заплатим! — Крикнул первый.

Ротимур чуть не кубарем скатился с лестницы и зашагал к ним. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за другом.

— Элидар! — Подойдя к парням, нарочито громко произнёс Ротимур. — Это не с корня твоего жеребца насекомые?

— А знать то смотри, — ответил на это первый парень, — совсем измельчала. Они теперь языком свою честь защищают.

— Да мне всё равно кто и чем стирает мою рубаху, — ответил второй.

Клинок Ротимура в мгновение оказался оголён. Первый парень, взяв опёртые о бочки клинки в ножнах, подкинул один из них своему напарнику по нашему разводу. Я повторил действие Ротимура, достав меч. На топот ног за спиной я повернуться успел, а вот что-либо предпринять против троих, пусть и не самых крепких воинов — нет. Пока тащили к скамье, чувства были смешанными — с одной стороны злорадство на тех, кто тащит и желание разбить им морды, с другой, страх — ведь реально куда-то тащили, причём не с благородными намерениями.

— ... четыре, пять..., — кричал голос десятника.

Не знаю, с отяжкой ли бил воин, наказывающий меня, так как обернуться, у меня не было времени — был занят терзанием палки вставленной в зубы. Средневековые это вам не девяностые, они ведь тут убьют, и скрывать этого не станут. Как-то вот в нюансы армейского законодательства я не озадачился вникнуть. Позже оказалось, что действительно при большом желании могут забить розгами или просто голову снять.

— ... десять! Всё, отвязывайте.

Я же предупредил вас, — взгляд Пополота хмуро буравил дырку в моём лбу.

Мне вот сейчас было не до его нравоучений, я был сосредоточен на магии глушившей боль по всей спине. Ротимуру тем более — он чувствовал эту боль. Обида была дикая. Как вообще меня лигранда, да бог с ним лигранда — просто человека вот так, палками?! Без суда?! Ведь даже не объяснили сначала — кинули на скамью и отвесили палок!

— ... сначала находите своих сотников, потом с кем-либо говорите. Пока не поздно, могу порвать ваши бумаги, и вы спокойно отправитесь домой.

— Я останусь, — ответил я.

— Тысячник.

— Я останусь, тысячник.

— Я тоже, тысячник, — прошипел Ротимур.

— Ты ещё не тысячник, — ухмыльнулся Пополот. — Впредь изъясняйся понятно.

Предупреждаю вас. Никаких дуэлей. Захочется выяснить отношения с кем-либо, а в вашем случае это вернее всего быть битым, обратитесь ко мне. Я с удовольствием предоставлю вам ристалище и деревянные клинки. В вашем праве написать на меня жалобу..., лигранды, — последнее слово было выплюнуто, а не произнесено.

Тысячник развернулся и пошёл в сторону основного здания.

Потом уже нам сотники объяснили, что четыре года назад новик убил одного из воинов, и теперь все знатные попадают на палки — спесь сбить. Жалобу писать не советовали, хотя мы и так не собирались. До нас один новик написал, только дракон прав по закону оказался. За попытку дуэли — десять палок. И по барабану, что ты этого не знал. Незнание закона и в этом мире не учитывалось. Больше нас никто не задирал, ну и мы соответственно тоже. Розги, на местном звучавшее как "палки" отбивали всё желание бедокурить, как минимум месяца на три....

Второй раз мы были действительно виноваты. Я, возвращаясь из сопровождения обоза в Колское локотство, прикупил пару бутылок настойки, ну как настойки — чистого самогона.

Само распитие спиртного было запрещено официально, но правило это нарушалось сплошь и рядом. Но нам же после выпитого, стало надо лар, ну или хотя бы подавальщиц из трактира ближайшего села! Находившегося, кстати, отнюдь не рядом. Почти полдня добираться. Ильнас пытался донести эту мысль до нас. Но пьяным, стены крепости не преграда и расстоянья не беда. Получив отказ от стража на воротах, мы вернулись обратно. Подмешали в остатки настойки снотворного, из зелий, которых мне щедро наложили мать и сестра, и, вернувшись, чуть ли не силой, беря на "ты меня уважаешь", заставили воина выпить с нами. Почему мы решили, что на нас оно не подействует — не знаю, как и то, почему воин уснул вперёд нас — возможно, такой объём алкоголя слегка притупил действие зелья на наш организм. Мы успели запрячь лошадей и даже вывести их за ворота, где Ротимур начал неожиданно пытаться присесть на землю, я его соответственно поднять. Там нас спящих и нашли во время очередного обхода сотника. Поскольку ворота мы смогли только прикрыть, то официально наше прегрешение звучало как: подвергли смертельной опасности тысячу воинов и ослабили оборону крепости. Нам досталось по двадцать палок, воину со стражи — тридцать. Как нас били..., а какую запись сделали в сопроводительных документах! Но я был счастлив. Нет, я не мазохист и понятно, что когда били, я проклинал и свою ведомость и характер Ротимура и отнюдь не воспринимал это в удовольствие. Я был счастлив, потому что мужик, который разменял по факту четвёртый десяток, способен на безрассудства, пусть и пьяные. Я был счастлив, что я, а не кто-то другой отвечает за свои поступки. Это был я! Я! Какой бы то ни был, плохой, хороший, но я!

— Давайте быстрее, — торопил нас с Ильнасом Ротимур.

— Куда так торопишься? Пообедаем и поедем, — я складывал в сумку вещи.

Час назад мы получили бумаги с отрицательными рекомендациями, и настроение было ни к чёрту.

— Не, не, не, парни. На обед оставаться нельзя. Я был на кухне, там сегодня не вкусно. Надо край до обеда выехать из крепости.

— Ладно, — я, пристально поглядев на друга, стал более торопливо сталкивать костюмы в мешки — нам ещё запрягать лошадей, а Ротимур зря спешить не будет.

— Рассказывай, — когда мы выехали за ворота, потребовал я.

— Что рассказывать? Мы эту крепость точно запомним — шрамы во всю спину. Они тоже должны запомнить нас. У тебя там мазь для растяжений была, ну та от которой мышцы такими вялыми становятся.

— Ну, была.

— И не спрашиваю тебя зачем, но зелье, для того чтобы в туалет ходить быстрее тоже было.

— Наверно.

— Вот если это смешать, а потом разогреть похлёбкой, то полагаю, эффект должен быть очаровательным.

— Ты это в общий котёл?

— Нет. В сотницкий.

— Может, побыстрее поедем, — оглянулся Ильнас.

Глава 11

Распределение было в Дувараке. Ну, что сказать. Не Москва конечно, но город по местным меркам очень большой. Особенно если ты пересекаешь его на лошади. Ротимур, оказался вообще приспособленцем по натуре — за въезд пришлось рассчитываться мне, а деньги выданные отцом таяли.

— К Свонку заедем? — Ротимур, в отличие от меня не глазел по сторонам — не первый раз в столице.

— Он один живёт?

— Нет. С родителями.

— Тогда не стоит.

— Обидится.

— Ладно, но после получения направления.

— М-да. То, что Пополот не пишет хорошего о новиках, я привык, — угрюмый мужик, ознакомившись с бумагами которые мы представили, поднял глаза на нас. — Но чтобы так красочно.... Вы понимаете, что я вас должен засунуть туда, куда только дерьмо складывают?

— Догадываемся, — ответил я.

— В одну тысячу хотите?

— Конечно, — ответил Ротимур. — С нас бутылка дуваракского.

— Тогда бегите за бутылкой.

В магический круг этого Ротимура! Причём в прямом смысле! У меня и так-то гроши оставались! Бутылка обычного, не магического, дуваракского почти пятьдесят башок! Пятьдесят башок! Тот мужик ведь и так мог нас направить в одну тысячу.

— Слушай, Ротимур, — не вытерпел я, — может, мы тебя продадим в рабы?

— Элидар, я вот с первой оплаты всё верну.

"Ага. Так же как долг Дартину", — промелькнула мысль, но в слух я не озвучил, Ротимур хоть и безбашенный, но насчёт денег сам не жаден, и поэтому чувствителен к такого рода замечаниям Просто он сейчас на мели.

— Вообще обычно я на рекомендации Пополота плюю, — объяснял нам мужик заполнявший назначение. — Он когда-то сам был либалзоном, а когда отец умер, то старший брат, вступив в балзонское наследство, выселил их, то есть, Пополота и среднего брата. Но как-то не прожил долго их старший брат — отравился чем-то. Когда средний вступил обратно в дом отца, то предложил и Пополоту вернуться, а тот отказался — побоялся тоже отравиться. Но в вашем случае очень уж красочно он всё расписал. Ну, всё, держите, — протянул он нам бумаги.

Распределили нас, как и пообещали в заднюю часть империи — Халайское локотство, самое

северное и самое большое в империи. Если в остальных локотствах могло быть от тысячи до трёх тысяч воинов империи, то в Халайском локотстве находилось целое войско — пять тысяч, так как локотство имело обширную границу с орочьими степями и проблемы с нападениями лафотов на побережье. Больше воинов было только в Руизанском, но там и эльфы и орден Гнутой горы рядом.... Как объяснил распределитель, направил он нас в походную тысячу, то есть служить нам не в крепости, а в полевых условиях. Связано это было не с нашими прегрешениями, а с нашим возрастом — молоды мы для осёдлой службы. Ехать до Халайского локотства на лошадях — то и за полгода можно не доехать, но существовал ещё один способ, коим мы и должны были добираться — через семь дней в ту сторону из Дуваракского залива отправлялся имперский корабль. По времени, водным транспортом добираться было значительно быстрее — около трёх лун, и то это, потому, что корабль должен зайти в несколько портов. Ротимур попытался уговорить распорядителя, отправить нас своим ходом — мы бы так имели возможность домой заскочить, только он сразу пресёк эту идею:

— Вы теперь в войсках и извольте добираться так, как вам приказано, а не как хотите вы. Шла бы сотня в ту сторону, отправил бы с ними, идёт судно — поплывёте на нём.

Подозреваю, он просто боялся, что мы слинем по дороге, или, что, кстати, более вероятно, найдём приключений. К тому же наверняка если отправлять нас на лошадях — то нам необходимо было бы выделить некую сумму на питание и ночлег, а тут наличные не требовались.

Меня распределение несколько озадачило. Ещё дед рассказывал об оставшихся со времён магических войн ловушках и зверье на территории Северных земель, реагирующих на магов. Северные земли это, конечно, не всё Халайское локотство, да и я ещё не маг и не факт что им стану, тем не менее: я не трус, но я боюсь.

На семь дней ожидания отплытия судна, нас определили в припортовую казарму, но мы там появились всего раз — остальное время воспользовались гостеприимством Свонка и винным подвалом его отца, очень приветливого человека. Мелькало желание найти Альяну, но я к своему стыду, не знал, есть ли у её семьи дом в Дувараке, а ехать в балзонство её отца, не зная, находится ли она там, неразумно. К тому же я не особо представлял нашу встречу. Что я ей скажу? Хочу ещё раз поцеловать? Или что она мне нравится? Зная реальное положение вещей, и то, и другое — глупость. К тому же слишком молода она для меня. Ротимур же подбивал меня заглянуть к Исине и поправить наше плачевное назначение, но я сразу пресёк поползновения друга в эту сторону. Становиться "Ганотом два" в её глазах не хотелось. Да и не жаждал я особо общения с ней.

При погрузке лошадей, выяснился неприятный факт — на перевозку Ильнаса и его кобылы документов не было. Воин, что руководил погрузкой, только развёл руками — дескать, не могу. Пришлось договариваться с капитаном. Ладно, вот он вошёл в моё положение, правда, с одним условием:

— Я возьму твоего младшего воина, если расскажешь что натворили.

— То есть?

— Вас тут три дня дракон сухопутный с десятком ждал. Обещал вас похлёбкой накормить. Сегодня с утра тоже был здесь, просил меня не отплывать, пока не повидает вас — его к плечу вызвали.

Пришлось, потупив взгляд, выложить всю историю, после чего капитан, изрядно посмеявшись,

велел отдать швартовые.

Само плавание мне, в отличие от Ротимура, понравилось. Брызги моря в лицо. Рыбалка, хоть и не очень успешная. Опять же тренировкам магических сил не мог кто-либо помешать. Моряки оказались компанейскими парнями и научили меня игре в ракушки и дупло. Ракушки — местный аналог шашек, только доска десять на десять и все клетки одного цвета. Рубить и ходить по диагонали нельзя и когда рубишь — не перепрыгиваешь, а замещаешь ракушку противника, используемую вместо шашки. А дупло крайне интеллектуальное занятие. На столе или полу рисуется не большой круг — размер согласовывается участвующими, и в него каждый растерся в ладонях, выкидывает свой камень, чьи камни остаются в круге — тот и выиграл, ну а чьи выкатились или были выбиты соперниками — оставались без ставки. Я, в благодарность о столь необходимых мне познаниях, пожертвовав несколькими листами бумаги, изготовил карты. Назвал только туза — императором, короля локотом, даму — плечом, а валета — ларой, ну не может лара бить плечо. Покер парням не понравился, а вот подкидной.... К концу плавания колод, по кораблю с тремя сотнями экипажа, путешествовало с десятком. На этой ниве я за три луны плавания, пожал целый империял.

Ротимур первую луну жутко страдал от морской болезни, но потом его организм свыкся с качкой и он включился в корабельную жизнь. Даже умудрился сойти на берег без карточных долгов, коими оброс в определённый момент. Сошли мы в порту маленького городишки, где нас из рук в руки передали одному из сотников крепости. В крепости мы пробыли два дня, а затем, с продуктовым армейским обозом, отбыли в распоряжение нашей тысячи. Ещё через восемь дней мы предстали перед своим тысячником.

— Откуда вы родом, новики? — тысячник Сиим, принимал нас в своём шатре.

Это был довольно худощавый человек лет сорока. На его тонких и ухоженных пальцах был надет перстень балзона. Форменный камзол не блистал новизной, но выглядел безупречно.

— Из Якала, тысячник, — на этот раз я решил взять инициативу разговора в свои руки, а то, то палки, то бутылка дуваракского, даже боюсь представить, какие проблемы в этом разговоре может преподнести друг здесь.

— У вас там что, все не умеют себя в руках держать?

— Умеем, тысячник. Могу поинтересоваться, почему вы так решили?

— Во-первых, потому что к нам других не присылают, а во-вторых, у меня уже есть один сотник из вашего города. Пять лун назад прибыл. Тот хоть из-за дуэли со знакомым дочери правого плеча к нам попал и без таких блистательных рекомендаций. А вот вы....

Мы переглянулись с Ротимуром. Таких роковых совпадений просто не могло быть.

— Сотниками я вас назначить не могу, в соответствии с вашей характеристикой, да и заняты у меня все должности сотников. Пойдёте в верховой десяток, — продолжил Сиим.

— У меня младший воин, возраста десяти зим, тысячник. Я сам буду оплачивать его проживание.

— Он тоже на лошади?

— Да, тысячник.

— Этак, и остальные захотят младших воинов, — задумчиво глядя на меня, пробормотал тысячник. — Нашёл куда ребёнка брать. У меня свободна должность десятника. Десяток пеший и ... как бы объяснить, собран из таких же нарушителей, как и ты. Могу предложить, если сможешь удержаться.

— Я согласен, тысячник.

Ну а что, всё не просто воин. Не дай магический круг, отец узнает.

— Вы где обучались?

— В Эльфийской крепости, тысячник.

Сиим скривился.

— Мог бы, и догадаться, Пополот по прежнему всем знатным новикам палки выдаёт?

— Да, тысячник.

— Давайте так. Тысячник, как и сотник, добавляете только при первой фразе в разговоре, а во время боя вообще про это забыли. Считаете нужным — докладываете.

— Хорошо, тыс.... Хорошо.

— Ну, а тебя молчаливый, к твоему земляку?

— Если можно — подальше от него, — Ротимур потупил взгляд.

— Почему?

— Ну-у..., Ротимур глянул на меня. — Тот знакомый дочери плеча, с которым бился Ганот, мой друг.

Сиим уловил взгляд.

— О, как. Забавно. Что ж он за тебя не мог поговорить?

— У него гордость, тысячник.

— Понятно, — ухмыльнулся Сиим. — Надеюсь, вы понимаете, что теперь вы не лигранд и либалзон, а просто новики, и окружающие не будут лебезить перед вами?

— Да, — ответили мы чуть не в унисон.

— Можете идти. Посыльный отведёт вас к вашим сотникам.

— С-с-сука, — как только вышли из шатра, прошипел Ротимур.

— Вроде нормальный мужик.

— Да я не о нём, а о палках.

И тут до меня дошло — вызов, брошенный Ротимуром Ганоту, никто не отменял.

— Жди здесь, — я развернулся и, отодвинув полог, нырнул обратно.

Охрана шатра даже понять не успела.

Сиим стоял с бутылкой и глиняной стопкой.

— А вот входить надо только после того, как пригласят, — продолжил невозмутимо наливать в стопку настойку тысячник.

— Хотел доложить. Ротимур, до того как Ганот уехал в войска, вызвал того на дуэль.

Тысячник выпил.

— Это хорошо. Не дуэль имею ввиду, а твоё рвение.

— Это не рвение. Я не шепотник. Пытаюсь спасти жизнь вашего сотника и судьбу своего друга. Как выйду, расскажу всё ему.

— Ты так уверен в нём?

— Да.

— Ставлю империал на Ганота.

— Поддерживаю, — ошарашено ответил я.

— Тот друг, дравшийся с Ганотом это ты?

— Да.

— Действительно знакомый Исины?

— М-м-м, да.

— Сработаемся. Ротимур скажи, что будут биться на "дереве", завтра.

Вышел я из шатра с вопросом в голове. Вот сработаемся, это относилось к тому, что я знакомый дочери плеча, или, что не воспользовался её влиянием?

— И что это было? — Хмуро смотрел на меня Ротимур.

— Завтра бьёшься на деревянных мечах с Ганотом.

Ротимур на удивление шуточки про стукачество не отпустил. Хотя лучше бы отпустил, кто его знает, что теперь у него в голове.

Сотник Рут, крепкого, скорее даже богатырского телосложения, демонстративно обошёл и оглядел меня со всех сторон без всякой иронии.

— Сколько дуэлей?

— Помню одну, сотник.

— Это как?

— Я в локотских угодьях охотился, и память при падении с лошади потерял.

— Локот в друзьях?

— Нет, мы так, без разрешения.

Сотник ухмыльнулся.

— Ну, ладно пойдём.

Шатёр моего десятка находился с краю обнесённой невысоким земляным валом территории. Не самое козырное место, как мне потом объяснили другие десятники — запахи общественного туалета, вернее, ямы, располагавшейся неподалёку и постоянная переключка стражей ночью. Десяток произвёл на меня впечатление. Затасканные восемь воинов. Не грязные, нет, именно затасканные, ну или усталые что ли.... Никакого блатного выпячивания, какого я ожидал — всё-таки штрафбат, но и подпрыгивать при моём появлении никто не спешил. Просто восемь угрюмых людей от двадцати до сорока зим возрастом сидели, с кружками отвара в руках, на двух брёвнах, положенных под углом к друг другу. Одеты все в одинаковые серые рубахи и штаны. Только у самого молодого штаны были чёрными. На богатырей мой десяток не тянул, ну разве что на карликовых. Все, кроме одного, были однозначно ниже меня ростом. Для того чтобы определить это, даже просить их встать не надо было.

— Ваш десятник, Элидар, — представился я, а в ответ... тишина. — Младший воин Ильнас, — представил я парня.

— Шрам, — хрипло произнёс седовласый мужик с обезображенным рубленой раной лицом.

— Дроит, Расун, Лакин, Шмель, Сар, Лакин, Анри, — представились остальные.

— Шрам и Шмель, это прозвища?

— Да, — ответил сухощавый мужичок.

— А имя?

— Шмелротикут.

— Шмель лучше. А твоё? — спросил я Шрама.

— Трут.

— А вот Лакин и Лакин, как вас называть, чтобы понятно было?

— Старший и Младший, — ответил старший Лакин — ничем особо не приметный мужик лет тридцати.

Младший, как раз был тот, что слегка выше меня.

— Поможете расставить шатёр?

Собственно данный атрибут мне ещё не выдали, но контакт налаживать надо было, да и не сам же я его, в самом деле, ставить буду. В ответ молчание. Не понятно, толи да, толи нет. Накалять с первых минут обстановку я не решился, но сама реакция мне не понравилась..

А вот с шатром заминочка вышла. Оказывается мне, как десятнику, шатёр не полагался. Десятники спали вместе со своим десятком. Ну, я же не первый день на свете, причём не на

одном. Пять башок решили проблему с круглолицым складским, который сразу сменил тон и выдал с его слов самый лучший шатёр с недавней пропиткой зельем.

— А зачем пропитка?

— Зимой узнаешь. Тут вам не Дуварак.

Кроме этого, складской мне вручил кучу барахла, от щита и двух комплектов белья, до деревянной доски и лопатки, заменяющей ложку. Это я уже потом узнал, что стоимость данных предметов обихода вычитывается из моего жалования, и половину из них я мог не брать, а на тот момент сделка казалась дельной. Шатёр оказался увесистым тюком, для транспортировки которого пришлось подогнать кобылу Ильнаса и попросить двух проходящих мимо воинов закинуть его на спину лошади. Но это полбеды. Шатёр ставился на палки, которые в комплекте данного произведения искусства не шли. А рубить их в округе было негде — стояли в поле на низеньком холме, да и вечеряло уже. Ночевали мы совместно с десятком, правда предварительно пришлось отвести лошадей в загон и набить матрас сеном, за что тоже пришлось поспорить с воинами, дежурившими в эту ночь на страже. За это время воины моего десятка произнесли максимум пять-шесть слов. В молчанку играют — как дети.

Утренняя побудка проходила под подобие горна с противным хрипящим звуком. Я решил начать день с пробежки вокруг лагеря со внутренней стороны вала разумеется. Наружу меня бы никто не выпустил. Пробежка была нужна не столько ради заботы о здоровье, сколько ради времени для приведения в порядок мыслей.

Десяток не в восторге от нового десятника, даже не так, он просто испытывает его, то есть меня, на прочность. По сути, мне сейчас упала сопля на погоны и занимаемая мною должность, это хоть и не ефрейтор, но и не выше сержанта. Задуматься было о чём. В нашей армии всё упрощается возрастом военнослужащих, а здесь.... Одно дело руководить восемнадцати — двадцатилетними пацанами, а другое мужиками под сорокет, которые крутили меч не на ристалище, а в конкретных боях. Хотя..., откуда мне знать, может вот тот со шрамом, получил увечье во время пьяной разборки....

Отвлекло меня от раздумий созерцание кучи воинов, которые, разбившись на пары, а местами тройки, мутузили друг друга.

— Что смотришь? Хочешь поучаствовать? — Спросил мужик в чёрной рубахе.

Я несколько неопределённо кивнул, мол, можно попробовать.

— Седой! Новик за тебя против Зелёного! Вон того здорового помоги одолеть, — последняя фраза относилась ко мне.

Седой, был парнем моего возраста и телосложения, причём жгучий брюнет, а здоровый, был крепким парнем. Мышцы не бугрились, но, судя по росту и весу, здоровьем бог, то есть магический круг, не обидел. В первую же минуту боя я схлопотал по уху, отлетев в сторону — работали в полный контакт.

— Эт, парень, я не хотел, — пробасил здоровый.

— Ни чё, ни чё, продолжаем, — поднялся я.

— Как хочешь, — кулак правой, молниеносно пролетел над головой, которую я вовремя успел

пригнать.

Похоже, тут бой начинался не гонгом. Тут же апперкот левой под его руку, приподнявший голову противника и прямой правой в челюсть здоровяку, чтобы не зазнавался. Седой, воспользовавшись моментом, прыгнул на здоровяка, и уронил таки того, ударом сверху.

— Стой! — Прокричал мужик в чёрной рубахе. — Горазд! — Хлопнул он меня по плечу. — Зелёный, ты как?

— Нормально, но отдохнуть надо.

— Захочешь пройти испытания к нам, заходи, без очереди договорюсь, — повернулся ко мне "в чёрной рубахе".

— Не-е, спасибо, у меня свой десяток есть, — ответил я, ощупывая горевшее ухо.

— Новик! — раздался бас Зелёного, как только я побежал дальше.

— Что? — повернулся я.

— Заходи через десятину, с меня выпивка.

— Хорошо, — махнул я рукой.

Дальше я бежал счастливым. Не от того, что получил по уху, а от того, что есть же нормальные парни и здесь. Да и вообще, блин, я свободен!

Десяток только что вернулся от речушки, протекающей в низине около холма. Поздороваться со мной никто не соизволил. Что делать дальше, в качестве десятника я не знал. Унижаться, интересуясь у хмурых бойцов, не хотелось. Надо было, пока бежал, посмотреть, как проходит утро в других десятках. Оттягивать исправление своей оплошности я не стал, просто подошёл к соседнему шатру, спросил десятника, а уже у него узнал, как проходит день.

Завтрак, обед и ужин из сотенного котла, в промежутках, своё время, занимаемое десятником, если нет распределений. Перед ужином общее построение и пересчёт личного состава. Распределения на следующий день, производятся сразу после ужина в шатре сотника. Наша сотня только вчера вернулась с дозора на границе с орочьими степями, и теперь два дня отдыхала. Те сотни, что не попали в распределение и не отдыхали, участвовали в ежедневных соревнованиях. Что это такое я не стал узнавать у десятника — сам увижу — два дня впереди. Выход за пределы лагеря, за исключением берега реки в часы утренней и вечерней помывки, разрешался только со слов сотника. Страже передавались эти слова в устной форме, то есть на веру. Но если не дай бог обманули, то палки виновным обеспечены. Я тут же сходил до сотника и выпросил разрешение для троих воинов сходить за жердями для своего шатра. Когда вернулся, все уже завтракали. Ильнас вовремя сориентировавшийся во время раздачи, протянул мне деревянную чашку с кашей. Давненько я не едал столь неприятной пищи — ни грамма жира. На корабле рыба осточертела, но здесь похоже я буду с радостью вспоминать её.

— Шмель, Старший Лаки и Младший Лакин, нарубите жердей для шатра? — спросил я после завтрака.

Парни не ответили, но я заметил, как Младший Лакин зыркнул в сторону Шрама.

— Их можно просто, Младший и Старший, — просипел Шрам, — а нужен ли он тебе?

Тебе, было слегка выделено.

— Через руки нас всё равно на охоту пошлют, — седовласый, слегка сузив глаза, пристально смотрел на меня.

— Руки это долго, а жизнь идёт сейчас. У вас в шатре, и так не повернуться, — я решил настоять на своём, хотя бы в качестве проверки — будут артачиться или нет?

— Я схожу, — русский парень примерно моего возраста встал с бревна и направился в шатёр.

Через пару секунд он вышел из него с топором.

— Ещё один есть? — спросил я у него.

— У соседей могу взять.

— Спасибо.

Мы с Ильнасом молча шли рядом с воином. До леса было около километра.

— Тебя Анри зовут? — Задал я вопрос, когда понял, что первым парень разговор не начнёт, хотя прекрасно помнил его имя — просто надо было как-то налаживать контакт.

— Да.

— Всех десятников так хмуро принимают?

— Да.

Парень, судя по краткости ответов, не был предрасположен к разговору и я решил, дабы не показалось что заискиваю, не стал дальше пытаться его разговорить.

— Вы действительно лигранд? — Неожиданно спросил он.

— Да. Знаю странно, что я пошёл в имперские войска, но так будет лучше.

Парень слегка кивнул, будто всё понимает.

— А тебя за что в этот десяток? — Попытался я не упустить ниточку разговора.

— Деньги украл.

После такого ответа в голову ничего не лезло. Что тут сказать. Спросить: зачем? Или прочитать нотацию про честный образ жизни?

— А остальные за что? — Спустя некоторое время, я попытался ещё раз начать разговор.

— То, они сами расскажут. Нехорошо за спиной судачить. Ну, или вы можете у сотника спросить.

— К десятникам обращаются на вы?

— Нет.

— Тогда и ко мне можешь на ты, да и титул не к чему, можно просто Элидар.

Анри кивнул.

— А шатёр всегда должен младший воин охранять? — К разговору подключился Ильнас.

— Нет. Обычно охраняет тот, кого десятник назначит. Тебя сегодня просто попросили, — Анри махнул рукой в сторону редких молоденьких берёзок около дороги и мы с ним начали их подрубить.

— Не порть заточку, — остановил он Ильнаса, пытавшегося кинжалом срезать ветки с будущих шестов шатра. — Сейчас нарубим и топорами очистим.

— Лигранд, извини за прямоту, но сам я тебе помогать последний раз вызвался, — на обратном пути уведомил меня Анри. — Не хочу, чтобы меня прихвостнем считали. Назначишь куда на работы, пойду, а сам....

— Спасибо Анри. Я учту. Просто не обвыкся ещё.

— Поладишь с Шрамом, поладишь и с десятком.

— Это я уже понял.

— Элидар! Еле нашёл тебя, — только мы подошли к шатру десятка, как на гарцующем жеребце подскочил Ротимур. — Идёшь? Я сейчас Ганота на меч насаживать буду.

— Верховой! Верховой! Подожди! — Из-за палаток, придерживая ножны, выбежал воин в кожаной броне.

— Вот же, — пробормотал Ротимур, — с того края лагеря за мной бежит.

— Нельзя передвигаться верхом внутри границ лагеря, — воин остановился, и теперь задрал голову, смотрел на Ротимура. — Прошу спешиться и увести лошадь в загон.

— Да я только его оттуда забрал! Почему нельзя?

— Распоряжение дракона. От лошадей навоз потом везде.

— Так из загона всех лошадей на пастбище угнали.

— Нельзя. Или я должен буду доложить твоему сотнику.

— Вот же.... Ладно сейчас уведу.

— Спешиться надо бы....

— Хорошо, — Ротимур спрыгнул с жеребца. — Ильнас, отведёшь?

— Я тоже хочу посмотреть.

— Успеешь, ты быстрый, — уверил его Ротимур.

— А где биться будете?

— Пока не знаю.

— Около шатра дракона, — прозвучал сиплый голос Шрама, с интересом слушавшего нас. — Там все бои проходят.

Шатёр дракона находился в самом центре земляного форта, на импровизированном ристалище уже кучковался народ. Ротимур пошёл узнавать у парней своего десятка, где брать оружие, дабы хоть слегка привыкнуть к имитации меча.

— Лигранд Элидар, позвольте представиться, — скороговоркой проговорил мелкий мужичок, подошедший от соседней кучки, — десятник Луинтук. Вы лигранд, говорят, поставили на вашего друга дракону?

Есть типаж людей, которые без мыла в любую щель залезут. Вид таких людей, уже кричит о том, что не надо иметь с ними никаких дел. Бегающие глаза, улыбочка с лёгким налётом ехидства, пытающийся быть елейным голосок.... Так вот этот Луинтук был как раз из такого разряда. Может не такой яркий, но точно из этой кагорты.

— Было такое. Мы с тысячником поспорили.

— Может и со мной на пять башок?

— Хорошо.

— Зря лигранд, — произнёс Шрам, как только "безмыловщельный" отошёл.

— Почему?

— Ваш друг проиграет.

— Посмотрим, — уверенно ответил я, хотя зерно сомнения шрамоносец в меня заложил — всё-таки бойцовские способности Ротимура я знал лишь со слов, причём преимущественно его. Пьяная попытка вынуть клинки против друг друга не в счёт, поэтому от двух следующих пари я отказался.

Ближе ко времени проведения дуэли народу становилось всё больше, хотя тысячи человек, если даже брать навскидку всё равно не набиралось. Насколько я понял из разговоров окружающих, несколько сотен были рассыпаны по границе с орками, а две ушли сопровождать караван сборщиков налогов в северные земли.

— Хо! — Крикнул тот же посыльный, что провожал меня до шатра десятка, выйдя в образованный толпой круг.

Гомон слегка утих.

— Сегодня мы посмотрим тренировку сотника Ганота..., — Посыльный тысячника указал на противоположенный край, откуда вышел мой прежний соперник, которого я узнал лишь по высокой фигуре — кожаная броня, шлем и простая одежда, несколько изменили его внешность, — и новика верхового десятка Ротимура!

Хитрый ход — не дуэль, а тренировка. И закон вроде как не нарушен.... Ротимур вышел в подобном ганотовскому облачении, смотревшемся на друге потешно. Внешне Ротимур уступал Ганоту, но я то знал истинное положение вещей, вернее надеялся что знаю.

С первой минуты боя стало понятно, что мой друг проиграет, и дело тут не в Ротимуре — он

был великолепен. Но Ганот.... Кто бы знал, что за столь короткий промежуток можно стать настолько быстрее. Подвох был, даже гадать не надо.

— Шрам, что происходит?

Он ухмыльнулся:

— Отойдём.

— Ты поспорил с драконом, — начал Шрам, когда мы выбрались из толпы, — а он не любит проигрывать. Думаю, ставка не мала?

— Империял.

— Жируете, богатеи, — в голосе Шрама проскользнуло презрение. — Селянину за эти деньги год работать надо.

— Ты мне объяснишь? — Вопрос был задан несколько нервно.

— Вернее всего дракон дал добро на использование одного из зелий чёрной сотни. Это те ребята....

— Я знаю кто это.

Я действительно знал со слов Зарука о них. Если кратко, то войсковой спецназ.

— Кроме того, что дракон не любит проигрывать, он не мог допустить...

— Что ему дали? — Перебил я Шрама.

— Да откуда ж я знаю. Может зелье ускорения, а может ещё что....

— Я понял, спасибо, — развернувшись, я направился обратно.

К тому времени Ротимур просто подвергнулся избиению. Была видна вмятина на шлеме, друг качался и прихрамывал передвигаясь. Ганот бил со всей силы, держа меч двумя руками, словно топор, причём, не соблюдая никаких правил — со спины, падающего.... Лишь, когда Ротимур не смог встать, Ганот успокоился.

— Дерьмо.

— Вы о схватке или о Ганоте, — услышал меня хитромордый десятник принявший мою ставку и с тех пор не выпускавший меня из вида, словно я могу сбежать с его деньгами.

То, что деньги его, уже не оставалось никаких сомнений.

— И о том, и о другом.

— Смелые слова. Может, вы лигранд, хотите попробовать?

— Рад бы был.

— Я организую?

Слова, брошенные в запале, вернуть уже было нельзя, но от боя можно было отказаться.

Однако, все окружающие затихли прислушиваясь к нам — пойти взад пятки, значит струсить, к тому же, меня разбирала злоба на бесчестность всего происходящего — с детства ненавижу такого рода обманы. Да и, я прямо ощущал, как моё тело втягивает в себя магические силы, готовясь к чему-то. Тело требовало действия, а разум туманила злость.

— Да!

Хитромордый тут же исчез.

Ротимура с ристалища почти несли. Я, стараясь выглядеть равнодушно, наблюдая, как Луинтук разговаривает с тысячником, потом как бежит к Ганоту и что-то объясняет ему, кивая в мою сторону. Ганот начал искать меня глазами. Я сделал шаг вперёд. Как растянулась его улыбка, видно было даже под шлемом. Он кивнул хитромордому.

— Лигранд, как насчёт ставки? — Проявился словно из воздуха Луинтук.

— Империял.

— Э-э-э, согласен.

Магия. Магия разливалась по телу, пока я шёл в центр этого круга. Я был не прав когда полагал что не изменился магически — ещё как изменился. Я стал сильнее, значительно сильнее, но, не смотря на это, я уже не был так уверен в себе и уже пожалел о своём безумном решении вступить на ристалище. Ровно и несколько театрально я приближался к противнику.

Удар Ганота на подходе. Нырок под его меч, и со всей силы, двумя руками.... Ганот ушёл. Ещё одна яростная атака, итогом которой был удар противника по моему предплечью. Безразлично. Магия тут же глушит боль. Ни доли секунды не давать противнику на раздумья. Атака за атакой. В какой-то момент я стал осознавать, что наши силы примерно равны и это даёт шанс Ганоту уделать меня, так же, как Ротимура. Эта мысль так разозлила.... Уход с траектории удара противника с одновременной попыткой увести его клинок в сторону. Ганот разрывает дистанцию, поняв, что сейчас будет атака. Нападаю, одновременно нелепо раскрываясь, как учил отец. Противник резко пытается сблизиться, чтобы нанести удар, но я уже готов и тут же срываюсь ему на встречу и рывком вправо, чтобы оказаться за его левым плечом. Два удара сердца требуется Ганоту, чтобы выровняться и, развернувшись встать в защиту. Два удара. А мне нужен один, чтобы со всего маха нанести рубящий по его голове.

Удар пришёлся по шее. Я стоял над телом поверженного врага, и постепенно накатывало понимание, что я убил человека. Вот так просто взял и убил. Какой-то нелепой палкой, сломал шею. То, что она сломана, даже рентгена не надо было делать — и так видно.

— Лигранд, вы..., — дракон пытался что-то сказать, но не мог найти для этого слов. — Я не знаю всей вражды между вами, но не находите, что смерть несколько неуместна?

— Вы же видели, это несчастный случай, — злоба уже схлынула, и наступило время ответа за убийство.

Я был в роли подсудимого на совете тысячи, то есть стоял в шатре, по кругу которого сидели сотники, и я очень не хотел расплаты за содеянное. На удивление в голову лезли какие-то глупости, типа просмотренных новостей, где преступник несёт явную ересь, чтобы только выгородить себя. Как я сейчас понимал этих людей.

— Это понятно. Надеюсь, вы лигранд осознаёте, что сотником, вы в ближайший год-два не

станете?

То есть? Наказание будет в том, что я не смогу занять некие должности? Да ещё и всего лишь с ограничением по времени?

— Надо бы палок..., — высказался один из сотников.

— За что? За то, что в тренировке погиб воин? И как потом будете объяснять своим воинам, что надо биться в полную силу? — Парировал Сиим.

— Но воин, убивший сотника..., — попытался трепыхаться, открывший рот сотник.

— Не воин, а десятник. И не убивший, а выстоявший против сотника, — резко ответил тысячник.

Дракон в адвокатах, это сильно. Меня, к моему облегчению, разве что не наградили. Когда сотники покинули шатёр, дракон достал бутылку и налил в две глиняных стопки настойку.

— Интересно, где ты взял зелье для ускорения? — протянув мне одну из стопок, тысячник, сузив глаза, изучал меня взглядом.

Вопрос застал меня врасплох. Я лихорадочно пытался найти правильный ответ. Сказать, что бился без зелья — он не поверит, так как наверняка со стороны было видно, что я был значительно быстрее обычного человека. Сказать же что выпил зелье — сознаться в нечистоте боя.

— Не хочешь, не говори, — по-своему истолковал моё молчание дракон. — Надеюсь, деньги у вас есть? — Неожиданно сменил он тему разговора.

— Конечно, — несколько обескуражено ответил я, не совсем понимая, речь об откупе или о ставке.

Дракон ожидающе смотрел на меня.

"Вот же! Жизнь человека стоит всего империал, — обдумывал я произошедшее, пока шёл к шатру. — То есть вот так просто. Убил, и всё"?

А шатёр уже стоял. Мой шатёр.

— А где Ильнас? — Спросил я первым делом у своего десятка, вернее у Шрама.

— Он в верховом десятке, — ответил тот.

— Где это?

— Я провожу.

Переживания о морально-этической стороне убийства сменились мыслями о состоянии друга. Отдельного шатра для больных и раненых, оказывается, не было, и Ротимур обитал, хоть и несколько в более широком в отличие от шатра моего десятка, но, тем не менее, общем шатре. Около Ротимура хлопотал алтырь. То, что это человек магического сословия, я почувствовал ещё на подходе, так как он в этот момент пытался лечить моего друга. Ну а то, что он не может быть магом, решил логическими потугами. Ротимур был плох, но в сознании. Ильнас сидел на

одном из соломенных матрасов. Вообще шатёр наполняла масса народа, наверно весь его десяток.

— Эль, — прошептал Ротимур. — Спасибо за Ганота.

— Не разговаривай. Как он? — спросил я алтыря.

— Бывало и хуже. Жить будет. Рука вот только сломана. Палки от руки отвязывать нельзя, а то неправильно срастется.

На предплечье Ротимура красовалось некое подобие шины.

— Переносить можно?

— Да.

— Поможете ко мне в шатёр перенести? — Попросил я воинов, наблюдающих со своих мест за лечением.

— Можем. Почему нет, — ответил один из них.

Ротимура пытались перенести не мудрствуя — на его матрасе. Я воспротивился — видел, как ему досталось пару раз по спине. Не смотря на то, что он был в броне, удары были ужасающи. Я заставил соорудить носилки из пары жердей и десятка клинков положенных поперёк.

— Искусны в лекарстве? — Заинтересовался алтырь, наблюдая как я требую от воинов аккуратности при перекладывании Ротимура.

— Нет. Часто в дуэлях дрался, — ответил я.

А Ротимур был реально плох. Перелома позвоночника, возможно, не было, но в паре мест линии силы прямо пылали светом, сигнализируя о повреждениях. А вот насколько серьёзных.... Я для начала после ухода местного эскулапа, достав кинжал, ткнул в палец Ротимуру. Просто больше не знал, как определить травму позвоночника. Реакция была. А вот на ногах, после того как мы с Ильнасом стянули сапоги.... Ротимур не чувствовал ног.

— Ильнас, на стражу. Чтобы никто не входил.

Парень сразу исчез.

— Давай-ка, родной, я переверну тебя, — контролируя зрением места травм, я стал переворачивать друга.

— Ты, чего, алтырь? — спустя час, как я ковырялся над его спиной, спросил Ротимур.

— Малтырь. Заткнись и лежи, — на более мудрый ответ у меня на тот момент не хватило разума, поскольку глаза уже резало от попыток рассмотреть каналы на его спине, и мозг не воспринимал иных задач. Руки тряслись — оказывается, биться с применением магии чревато болью в мышцах всего тела после боя.

До сих пор не знаю, толи я тогда настолько искусно смог соединить каналы, толи и не было никакой серьёзной травмы....

— Лигранд Элидар. Лигранд Элидар, — голос Ильнаса пробился сквозь пелену сна. — Там уже

на построение десятка вести нужно.

— Ага, сейчас, — я вновь стал проваливаться в сон — всю ночь колдовал, причём в прямом смысле, над спиной Ротимура, к тому же сказывалось участие в дуэли.

— Лигранд. Вам может ничего и не будет, но нас могут наказать, — ворвался в голову голос Шрама.

Пришлось вставать. Трясло как последнюю собаку.

— А вы, лигранд, вправду от чёрного десятка отказались? — Спросил кучерявый паренёк, по моему, Расун, пока мы шли к месту построения, собственно вчерашнему ристалищу.

— Не помню. Это когда?

— Вчерась, говорят. Говорят, вы с Зелёным бились и кровь с носа ему пустили, а потом сказали, что свой десяток вам дороже.

— А-а-а. Было такое. Это чёрная сотня была? — Не то что бы я не понимал, но было не до любопытства воина.

— Так известно ж... — недоумённо ответил собеседник.

Построение прошло, словно в тумане. Мало того, что я не выспался, так ещё и всё тело было словно из ваты — внутренние силы глушили боль от перенапряженных мышц и связок после боя с Ганотом, тем самым лишая меня обычного ощущения тела. Нервные окончания просто были заблокированы.

Дракон к внешнему виду моего десятка придирается не стал, окинув хмурым взглядом. После построения я поймал Луинтука, сменившего вдруг тактику наблюдения за мной, на диаметрально противоположенную — то есть держаться как можно дальше и незаметней, и напомнил ему о долге. Как оказалось, денег у него таких нет, но двадцать башок я с него выжал, разумеется, с отдачей оставшегося долга на более позднее время.

На похороны Ганота, прошедшие сразу после построения, я не пошёл — как-то это не хорошо было бы. Делать скорбящий вид, при этом действе не хотелось, а гордо стоять над телом поверженного врага — гнусно. Наверно, Ганот не заслужил такой участи, только вот и сожаления, после созерцания ран Ротимура, у меня никакого не было. Весь день я ловил себя на мысли, что убил человека и всем на это плевать. Ну, действительно, допустим, в предыдущей жизни, я бы послал рабочего на верхолазные работы без соблюдения техники безопасности, и он бы погиб. Да там бы и меня совесть замучила, и коллеги бы резко сменили отношение. А здесь... Я убил. Я! И всем... накласть на это. Самое интересное, что и мне тоже. Совершенно. Другой социум — другие нравы — другой я. Всё-таки насколько мнение окружающих влияет на собственное мнение. Эх... надо было на психолога поступать. Или философа.

Местный шаман, то есть алтырь, прикладывал определённые усилия в лечении друга, в виде припарок из магических зелий и эликсиров, но полной картины несчастья не осознавал. Или осознавал, но для него это было делом обычным, причём тягостным, так как видок у него, при посещении Ротимура, был ещё тот.

— Алтырь Дотон, а вас где-то обучали? — Пока лекарь растирал по спине Ротимура мерзко пахнущую субстанцию, я решил заполнить пробел в своих знаниях о низшей ступени в

магической иерархии.

— Десять зим в учениках ходил, — хмуро глянув на меня, ответил подтянутый парень моего возраста. — Хотите тоже стать алтырём?

В его голосе прозвучал сарказм.

— Хотел бы, да магический круг сил не дал. Просто интересно. Магов учат в ордене, я думал и алтырей тоже.

— Можно и в ордене. Только там не меньше обучаться надо, а потом работать там, куда пошлют. Деньги конечно хорошие платят, но..., как бы объяснить..., ты уже себе не принадлежишь. Как бы... делай, что хочешь, но... так как скажет орден. Не знаю, как объяснить.

— Словно раб.

— Во-во. Верно подметили. Только без печати. Ну, вроде всё, — алтырь накрыл Ротимура одеялом.

— А вы алтырь Дотон зелья сами делаете?

— Большую часть сам. А вот эту мазь из столицы привезли. Орденская.

— А для чёрной сотни тоже вы готовите?

— Живляющие — да. А те, что усиливают или на зрение влияют — из имперских запасов. Некоторые и я мог бы сделать, но запрещено.

— Почему?

— Для войск серьёзные зелья сначала на рабах проверяют, чтобы не отравил никто. Ладно, мне идти надо. Ещё укрепляющее и тяжелящее зелья готовить для вас.

— Зачем?

— Ваша сотня на обеспечение через руки заступает. Стрелки на охоту пойдут. А туда болты настоящие не выдают — теряют в лесу много. Вот и настрагивают каждый для себя деревянных. Потом укрепляю и вес придаю.

За руки мне вкупе с алтырём, вернее алтырями, так как в тысяче, их оказывается два, удалось поднять Ротимура на ноги. Объяснять другу свою магическую сущность я не стал, просто попросил хранить молчание. Ротимур прекрасно всё понял и лишних вопросов тоже не задавал. За это время его сотня отбыла на орочью границу, поэтому он болтался без дела по лагерю, продолжая жить у меня. Наша же сотня действительно на целую луну заступила на хозяйственные работы, то есть охота, заготовка дров, дневной выпас табуна, подъём воды из колодца для нужд штабного руководства, стража..., в общем, дежурство по части, так как обозные десятки не успевали сделать всю работу.

Глава 12

Дуэль с Ганотом, забота о друге, и, подозреваю, отказ от вступления в чёрную сотню, несколько сломали стену отчуждения между мной и десятком. Любви как бы не было, большого уважения тоже, но игнорировать перестали. Хотя... возможно это и не из-за моих

достижений, а из-за того, что я, после того как младший Лакин довольно вяло отреагировал на приказ, вместо наказания, вывел на тренировочный мечный бой и слегка пообхаживал бока деревянным клинком. Понятно, что бой был не честным, во-первых, я пользовался магией, а во-вторых, я с удивлением узнал, что воины мечом владеют на уровне палки. Но цель оправдывает средства — всю спесь, как рукой сняло. Причём почти со всех. Люди всё-таки такие создания, по-хорошему, ну никак не понимают.

Через пять месяцев пришло письмо от отца. С учётом местной специфики доставки это очень-очень быстро. Ведь ещё и надо узнать, куда отправлять. Это говорило только об одном — за моей судьбой наблюдают. Мелочь, а приятно. Текст письма был довольно деловым, скорее даже сухим. Кратко перечислялись последние новости, а именно то, что Корндар, наконец, открыл своё производство бумаги, а Симара забеременела. В конце письма указывалось, что вместе с письмом мне высылаются пять импералов. Деньги, разумеется, мне уже передали, и это было совсем даже не лишним, так как жалование, оказывается, выдают либо раз в полгода, и то не всё, а треть, либо если едешь в отпуск. То есть как отпуск — как раз вот то временное исключение из войск, про которое нам рассказывали наши стражники, когда мы с Ротимуром ехали на обучение. Хорошо вот Заруку — его тысяча стояла рядом с Якалом и он за небольшую плату дракону, числился на службе, по факту пребывая дома. В общем, так уж совпало, что прибыли мы в свою тысячу как раз после выдачи жалования, то есть до следующего, сейчас оставалось ещё две луны, с учётом четырнадцати лун в местном году, а я уже был на мели — есть то, что варят в общем котле, было, мягко говоря, не вкусно. А вот в офицерском, то есть сотником.... Но там, десятникам, только за деньги. Причём официально. Да и питание Ильнаса приходилось оплачивать. Да и... чего греха таить, вино тоже денег стоит.

— Лигранд у себя? — раздалось у шатра.

Мой титул незаметно перерос в прозвище — как-никак я единственный лигранд в тысяче, а Элидаров было ещё два. Судя по писклявому тембру, интересовался мной младший воин сотника.

— Ага, — ответил голос Ильнаса.

— К сотнику, скажи, вызывают.

— Ты посыльный, ты и говори, — Ильнас буквально за пять лун службы заматерел и научился огрызаться. Во многом этому поспособствовал статус любимца тысячи, приобретённый им буквально за первых пару рук пребывания здесь. В принципе Ильнаса можно было даже не кормить — другие накормят. Вчера вообще с пирожком пришёл. Где можно достать пирожки в поле, так и осталось загадкой.

— Тебе что, сложно?

— Он интересоваться начнёт: зачем, когда, а мне некогда это всё выпытывать у тебя. Ещё лошадей купать надо. Иди сам докладывай.

— Ну, тогда доложи что посыльный.

Я отложил письмо и вышел из шатра.

— Вот, посыльный, — Ильнас даже не встал с бревна, на котором украшал узду. На мой взгляд, правда, не украшал, а портил — он насмотрелся на бахрому по краям сбруи в верховом десятке и захотел такую же. Но, детские руки есть детские руки. Так же как у верховых, у него не

получалось и в итоге добротная сбруя без лишних выкрутасов потихоньку стала напоминать лохмотья нищего.

— Лигранд, вас к сотнику, — доложился посыльный.

— Зачем?

— Я не ведаю, — глаза посыльного забегали.

— Нинут, я ведь не первый день тебя знаю....

— Да-а, там-м, сотня Латана луну назад с границы вернулась..., — замямлил парень. — Только вы не говорите, что я рассказал.

— Конечно. Слово лигранда.

— А у них трое в селе набедокурили. Девку, вроде как, испортили. Приехал балзон, с чьей деревни девка, требует оплаты за то. Ну и теперь, тех троих наказывать будут.

— А я тут причём? — Пока разобраться в путаном рассказе посыльного я действительно не мог.

— Так..., у нас всего двое — десятник Суин, его сотня в Северные земли ушла и десятник наказ..., вашего десятка это делал.

За глаза наш десяток называли наказанным, а меня, то есть мою должность, десятником наказанных, но мы, и я в том числе, были не в восторге, так как смысловое значение это слово несло ближе к "уголовникам". Наказанными называли рабов, попавших в рабство за нарушение закона. Но в этот раз я не стал заострять внимание на оговорке посыльного.

— Что делали то?

— Палками били.

— О, как! Ну, знаешь ли....

— Да я то тут причём. Рут вас вызывает.

— Ладно, иди. Сейчас буду.

— Шрам! — Как только посыльный скрылся за углом, крикнул я в сторону шатра десятка.

Сам десяток был сейчас на заготовке дров, мы вообще часто туда попадали, а вот Шрам, точно знаю, отлынивал, как собственно и я сам. И также точно знаю, что слышал разговор с посыльным.

— Чего?

— Покажись из берлоги. Сколько можно спать.

— Ну? — Покопошившись, он, наконец, вылез из шатра и неспешно подошёл ко мне.

— Гну.

— Что надо, десятник? — Поправился он.

Я вздохнул. Спор этот практически с первого дня. Нормально разговаривать парни принципиально не хотели. На все мои замечания реагировали фразой: Так мы деревенские, грамоте и разговорам не обучены. Тут даже показательные "тренировки" не помогали.

— Бегунок правду говорил?

Неофициально посыльных и младших воинов называли "бегунками", так что Шрам понял о ком речь.

— Да. Было такое. Прежний десятник палками ведал.

— А кстати, куда он делся?

— Упал в лесу неудачно и шею сломал.

— Вы что ли его? — Усмехнулся я такой формулировке.

— Да чего ты нас за зверей держишь? Не мы. Хватало у него "друзей".

— Понятно. Расскажи, что за работу мне пытаются подкинуть.

— Да ничего хитрого. Поднимаешь палку и опускаешь.

— Не ёрничай!

— Платят неплохо. Десять палок — башок. Только вот кто-то поймёт, а кто-то..., за глаза палачом да палочником звать будут. Рубить головы не заставят, это дело сотников. А вот палками, столбом позорным, кандалами, будешь ты ведать.

— И что, это числилось за вашим десятником?

— Да. Ты ж уже спрашивал.

— Как отлить?

— Никак. Сначала спросят добровольно. Откажешься — прикажут.

— Понятно. Сходи десяток проверь.

— Да куда они денутся?

— Никуда. А вот дров не нарубят. Вместе с тобой тогда будем комаров кормить.

— Хорошо, сейчас схожу, — Воин развернулся и пошагал к шатру.

— Шрам!

— Что?

— А головы, значит, сотники рубят?

— Да. Считают почему-то, что это за честь, умереть от руки хорошего воина. Хотя по мне, так засунули бы такую честь....

— Ладно, иди... не в шатёр.

— Да я за поясом.

Пока шёл к Руту столкнулся с Илуном — сотником чёрной сотни.

— О, привет. Заходи вечером. В покер сыграем, — пожав мне руку, предложил он.

Я успел попрогресорствовать и здесь. И если подкидной разошёлся махом, то покер освоили всего несколько человек. Илун был в их числе, причём самый активный культиватор этой игры. Чему его сотня была не особо рада, так как не разделяла увлечения сотника, но и отказать ему никто из них не мог. Кроме игры у Илуна был ещё один интерес ко мне. Он неназойливо, но постоянно агитировал меня к переходу в его сотню.

— Что опять деньги кончились?

Я как-то проигрался ему в пух и прах. Потом вечеров за пять вернул своё, но ту игру мы с ним до сих пор вспоминали.

— Можем на оплеухи, — засмеялся Илун.

— Да щас. С Зелёным? Он голову отобьет.

— Ладно, забегай вечером.

— Вызывал, сотник?

— Да. Садись, — Рут указал мне на чурбан около стола. — Говорят, письмо от отца получил?

— Да, получил.

— Если дракон не даст отправлять ответ, вам десятникам не положено, подойдешь, я от себя отправлю.

— Не думаю, что он воспротивится.

— По разному бывает. Слушай, Элидар.... Мой младший рассказал, за чем зову?

— Нет.

— Нет или нет?

— Нет, — я неопределённо покачал головой.

— Шельмец. Выпорю когда-нибудь.

И я, и он, знали, что это пустая угроза. Младший воин сотника приходился ему какой-то дальней роднёй, так что ничего Рут не сделает.

— Что скажешь?

— Я не буду.

— Почему? — удивился Рут.

— Да не хорошо как-то своих же, палками.

— Это ты зря. Дел конечно пакостное, но денежное. Желающие найдутся.

— Зачем тогда тебе я?

— Это приказ дракона тебя назначить. Взъелся он на тебя. Толи за твою дружбу с Илуном, толи никак не может забыть тебе проигранный империал.

Илун и дракон были врагами номер один в тысяче. Самое интересное, что Сиим, ничего не мог сделать сотнику чёрной сотни, так как на эту должность назначал не он, а чуть ли не сам император. И должность эта была второй после дракона. То есть во время отсутствия тысячника его обязанности выполнял Илун.

— Какой империал? Он же выиграл?

— У тебя выиграл, а на твоём бое проиграл.

— Всё равно не буду палками бить. Что он сделает? Ещё на пару лун на обеспечении оставит?

— Ну... вместе с ними на скамью можешь лечь.

— Слушай, Рут, я понимаю тебя. Понимаю, что тебе приказали приказать мне, но ты то меня тоже пойми. Я лигранд всё-таки. Это ж, какая слава пойдёт? Как я потом отцу в глаза смотреть буду?

— Ну, раз понимаешь, пошли вместе к дракону, — вздохнул сотник.

— Может без меня?..

— Пошли, давай. Без него, видите ли. Я под горячую лапу дракона не имею никакого желания попадать. Ты от приказа отказываешься, ты и докладывай.

— Попадём не в настроение, может и к позорному столбу привязать, и в пещие воины перевести, — попытался по дороге переубедить меня сотник. — К тому же, дракон тебе это будет постоянно припоминать.

Я лишь кивнул в знак того, что осознаю, на что иду. Рут просто жути нагонял, в надежде что передумаю. Хотя... неисполнение приказа дракона...

В шатре тысячника кроме самого хозяина был сотник провинившихся — Латан.

— Что значит, не будешь?! — громыхал своим голосом на всю округу дракон. — Ты не лара на балу и я тебе не цветок фиалки предлагаю, я тебе приказ дал!

Так как явного вопроса не прозвучало, я предпочел, опустив взгляд от молчаться. Дракона драконить себе дороже.

— А в битве ты врага рубить откажешься?!

— Не откажусь. То врага, а то своих, — я чувствовал себя словно нашкодивший ребёнок.

— Каких своих?! Они стражу оставили!

— Я думал, изнасиловали....

— И это тоже. Откажешься — тридцать палок!

— Хорошо, — не раздумывая ответил я.

— Знаешь, — дракон опёрся о стол, который разделял нас, двумя руками, — твой отец ведь локотский грандзон, а не имперский. И если что случится, то он ничего не сможет сделать.

— Это угроза?

— Нет, — тысячник сощурил глаза. — А ты, — переключился он на моего сотника, — за то, что сам не смог разобраться со своим десятником, найдёшь нового палочника и ..., — дракон на мгновение задумался, — пойдёшь в северное сопровождение. И ты тоже, — ткнул рукой в сторону Латана тысячник.

— Я то за что? — Возмутился тот.

— За то, что сразу не доложил! И с балзоном рассчитаешься.

— Он же империял просит?!

— Вот с тех троих и вычтешь. Их, кстати, в десяток к вот этому! — В этот раз указующий перст упёрся в мою сторону.

— Зря ты так, — когда вышли, прокомментировал моё зубоскальство Рут, когда дракон, натешившись опущенными в пол взглядами, выгнал нас из своего шатра. — Сиим злопамятный.

— Я уже понял. Что за северное сопровождение?

Было интересно, чем это он так наказал сотников.

— Летом обоз с мытарями в Северные земли ходит. Считаю пока туда, пока обратно, только к зиме вернёмся, — объяснил мне Рут. — Так что проверь подковы и точи клинок.

— То есть вся сотня пойдёт? — Догадался я.

— Две.

— С мытарями же локотские ходят? — Я уже несколько разбирался в различии предназначений локотских и имперских войск.

Нашей задачей была охрана внешних границ и укрощение, вернее устрашение, строптивых локотов, ну и ряд иных задач, типа сопровождения обозов по континенту, так как воины одного локота не могли свободно путешествовать по землям другого, или охрана каменоломен. Локотские же сотни занимались внутренними границами, охраной локотских дворцов и сопровождением сборщиков налогов.

— И локотская сотня будет. Туда если одной сотней прийти, то местные только посмеются. Да и на обратном пути могут орки попытаться отбить обоз.

— Мир же.

— Мир, то мир, — включился в разговор Латан, — а вот обозы иногда оттуда пропадают.

— Три сотни отправить на всё лето. Там что, горы золотые? — Мне стало несколько тревожно — в Северные земли я, со своей магией, очень не хотел, поэтому пытался разузнать как можно больше.

— Там деревни налог платят шкурами, жиром, да различными травами и грибами. Половина из этого магам нужны. Да и стоят прилично. Потому собственно и имперские войска вместе с локотскими посылают. Орден боится, что часть этого локот себе заберёт.

— Налоги то всё равно локота.

— Оттуда нет. Вернее его наполовину, только эту половину в счёт его налогов империи забирают.

— Как всё запутано.

— Да ты не переживай, до следующего лета дракон или отойдёт, или кто-нибудь ещё в немилость впадёт. Ты лучше, — Рут хлопнул меня по плечу, — о завтрашнем дне подумай. Сегодня я всё равно найду нового палочника.

Спина зачесалась после слов сотника. Слово раны затягиваться начали.

— И поздравляю с пополнением в твоём десятке, — ухмыльнулся Латан, — те ещё воины.

— Что настолько плохие?

— Да нет. Как раз воины то ничего, но вот характер.... Мой десятник только рад будет. Ну, да ты справишься. Со своими же как-то совладал.

— Да у меня нормальные ребята.

— Да? Я до тебя троим предлагал их десятником стать, все отказались, — Рут отогнул полог своего шатра, к которому мы подошли и остановился. — Да и с прошлым десятником до сих пор непонятно как так вышло.

Я махнул рукой Латану и зашагал в сторону расположения своего десятка.

Ближайшее будущее, а точнее перспектива палок, захватила мысли. Думать собственно не о чём было — изменить то всё равно ничего нельзя — так и так на скамью, но имел я такую вредную привычку, мусолить в голове то, что ещё не произошло. Даже поговорить то не с кем. Ротимура, как назло, продали на стражу. То есть отправили его десяток в ближайший город, где они будут ждать — вдруг, кому-нибудь понадобится верховая стража или охрана обоза.

— Элидар, смотри, — Ильнас прямо светился, показывая мне своё "произведение искусства".

— А что с этой стороны узды бахромы не до конца?

— Кожи не хватило. Когда на Бойкую надену, не видно будет что неодинаково.

— Неплохо.

— Если кожи найдёшь, я тебе тоже так сделаю.

— Тебе то можно, а я всё-таки десятник. Дракон увидит неизвестно, что подумает.

— Ну и зря. У десятников верховых сбруя тоже расшита.

Я с облегчением вздохнул — обижать парня не хотелось, но и видеть такое на своём жеребце я тоже не желал.

— Сколько ещё в лагере будем сидеть? — Поинтересовался Ильнас.

— Почему сидеть? Через руки на Орочьи ворота.

Орочьи ворота, это наименование условной границы к Северным землям, проходившей по руслу реки Орушки. И с той и с другой стороны реки земли были имперские, но за Орочьими воротами необжитые, там вообще перешеек между орочьими степями и большой водой, океаном то бишь. Дабы не охранять всю границу с орками, по берегу реки установили сигнализацию из воротных амулетов. Если группа более трёх единиц живых существ проезжает мимо воротного амулета, что происходило очень редко, то сразу приходил сигнал на один из выдаваемых нам сигнальных амулетов, ну и мы из временного лагеря тут же должны были выдвигаться в ту сторону.

— А Шрам сказал, что или ты согласишься, или мы вечно будем дрова заготавливать. Ты чего, согласился? — Аккуратно, затихающим голосом, спросил Ильнас.

— Нет, — я потрепал его вихры. — Попроси Старшего, чтобы подстриг тебя, — я направился к шатру.

Пока шёл, спина чуть не задымилась от вопросительного взгляда Ильнаса. Надо проверить его — может он тоже магию видит, потому и взгляд ощущается.

— Тридцать палок, — повернулся я к мальчишке.

— Корень жеребца им....

— Ильнас!

Высказывания парня последнее время резко наклонились в сторону ненормативной лексики. Ещё бы! Ночевал то он в шатре десятка. Первые пять дней он спал в моём шатре, но потом у окружающих начало создаваться нехорошее мнение о нас. Мне было по боку — потреплются и перестанут, а вот Ильнаса задело, и он сам попросился о переносе его спального места.

Только убрал письмо отца оставленное на самом виду, как около шатра кто-то пробасил:

— Наказанные? А где десятник?

— В шатре, — покладисто ответил Ильнас.

Как-то на него не похоже. Мне даже интересно стало, кто это мог быть. Я собирался выйти, как прямо передо мной отдернулся полог. Только вот свет оттуда не падал — весь проём занимала огромная фигура воина.

— Ты что ли десятник?

— Выйди!

Эта гора мяса хмыкнула и отошла назад, отпустив "дверь". Когда я вышел, то чуть не

засмеялся. Передо мной стояли три фигуры: Трус, Балбес и Бывалый. Полного сходства не было, но определённый колорит, навевавший образ этих героев прослеживался. "Бывалый" правда, выглядел поспортивней Моргунова, а "Трус" помоложе Вицина. А вот Никулин... Если не смотреть на лицо, то один в один. Теперь я понимал Ильнаса. Здоровый внушал уважение своими габаритами.

— Кто такие? — Для порядка спросил я, хотя уже понимал, что это моя новая головная боль.

— Мы к тебе в десяток, — голос богатыря, казалось, заставлял вибрировать воздух.

— Не к тебе, а к вам, мы с тобой настойку вместе не пили! И в мой шатёр больше без разрешения ни ногой! От Латана? — Я сделал как можно более негодующий взгляд.

— Да.

— Рассказывайте!

— Что тебе рассказать?

Я пристально смотрел на здоровяка, раздумывая. За последние месяцы, имея возможность беспрепятственно тренироваться с применением магии, я значительно вырос в искусстве владения клинком. К тому же магические силы увеличивались с каждой луной, так что вполне даже с этой "горой" совладаю. Вот только как его лучше урезонить? Послать Ильнаса за деревянными мечами, или в кулачном бою нос расквасить? По-другому тут мало кто понимал.

— Что вам рассказывать? — Вдруг поправился Здоровый.

У меня прямо с плеч гора.

— За что ко мне?

— Со стражи ушли.

— Зачем ушли?

— Дела появились.

Всё-таки здоровому зубы слегка жали.

— Балзон вам расчёт за дела, так понимаю, привозил?

— Если всё знаете, зачем спрашивать?

— От вас хочу услышать?

— Не томи ты нас, десятник, — вступил в разговор "Бывалый". — Нас за последних два дня, уже, как только не спрашивали, разве что магов не приглашали. Не было там ничего. По согласию всё было. Только девка, как увидела отца, так и завопила, мол, насильничают. Другого мы всё равно не скажем. Коли так надо, отпускаяте из войск и отдавайте страже. Там маги разберутся, кто из нас правду говорит.

— Понятно. По согласию сразу с тремя.... Как звать? — Не стал я развивать тему дальше.

— Отон, — пробасил здоровяк.

— Лывый, — представился "Бывалый".

— Сук, — у третьего моего нового воина оказался довольно звонкий юношеский голосок.

— Это имя?

— Кратко, если полностью, то Свуирок.

— Садитесь на бревно, ждите Шрама. Он придёт, разберётся, места покажет.

— Да мы и сами....

— Садитесь на бревно и ждите, — чуть ли не по слогам произнёс я, перебивая здоровяка.

— Тебя то, вас то есть, как звать надо, — спросил Лывый.

— Зови Лигранд, всё равно все так зовут.

К вечеру подтянулся мой десяток (обед им доставляли на деляну), встретивший новичков не лучше чем меня когда-то. Но места Шрам им выделил. Заглянув в шатёр десятка, я понял, что с учётом Ильнаса, там теперь только по головам ходить.

— Шрам, Ильнас, перебирайтесь ко мне, — вышел я из шатра десятка к построившимся воинам. Перед ужином общий осмотр дракона будет, поэтому я решил, сначала сам осмотреть своих. Решение перевести к себе в шатёр ещё кого-нибудь витало давно, и навеяно было отнюдь не заботой об удобстве воинов. Приближалась зима, и пережить её предстояло в шатре. А прыгать ночью подкидывая дрова в очаг мне не хотелось. Взвесив все за и против, я решил потесниться, но вот удобного случая переселить кого-нибудь всё не представлялось.

— Я бы лучше у себя, Лигранд, — отказался Шрам.

Старый вояка всё сразу просчитал.

— Анри? — Спросил я ещё одного более-менее подходящего воина своего десятка.

Не то чтобы я был плохого мнения о моих парнях, но, к примеру, Расун, был наивным деревенским парнем, общаться с которым совершенно не о чём. Кроме ответов на его слегка идиотские вопросы: А, правда, что лиграндам нельзя спать с женщинами до женитьбы? А, правда, что сотников учат, как правильно кричать на воинов? А вы видели локота? А маги эликсиры делают на крови одарённых детей?

Старший храпел во сне, я точно знаю. Младший мне просто не нравился.

— Хорошо, десятник, — кивнул Анри.

— А у тебя, где броня? — Спросил Отона, стоявшего в рубахе.

— А мне ни одна не подходит — малы. А заказывать складской отказался. Говорит, с орка снимешь.

— А где ваши копыя? — заметил я отсутствие в их руках основного войскового оружия.

— Так мы из "коротышей", — ответил Лывый. — забрали. Длинные ещё не получили.

Стоит наверно упомянуть состав войск империи. Основную массу походной сотни, то есть ровно половину, составляли воины с относительно короткими копьями — "коротыши". Относительно, потому что копья не были короткими, а как раз в моём понимании обычные копья. Эти ребята были основной ударной силой войск. Кроме них, существовали "оглобли", к которым относился мой и ещё один десяток. Это смертники в случае обороны от врага или наступления. В общем, просто смертники. При обороне, мой десяток должен был упереть огромные и тяжеленные, не смотря на магическую пропитку копья тупым концом в землю, и прячась за большими щитами встречать конницу врага. При наступлении — мы также шли в первых рядах. В качестве дополнительного оружия у нас были мечи. Что и являлось причиной высокой смертности нашего десятка в реальной битве. Какой на фиг меч, учитывая комплектацию предполагаемого врага — орков? Если в самом начале боя мои бойцы были прикрыты копьями остальных воинов, выходящих несколько вперёд, то потом,.. когда начиналась свалка,.. а она начиналась, тяжёлые копья становились не самым удобным оружием и мои ребята должны были биться зубочистками, ну, то есть клинками.

Два десятка в сотне занимали арбалетчики. Эти ребята находились на вершине выживаемости в случае ближнего боя, так как и в обороне, и в наступлении, они находились в последней линии, за исключением момента пока враг далеко и можно беспрепятственно выходить вперёд для выстрела. Ну и ещё в сотню входил десяток обозников — поваров, складских, посыльных.... В нормальной тысяче соответственно таких сотен было восемь. Плюс верховая сотня — этакий отряд быстрого реагирования и чёрная сотня — очень опытные воины, используемые как удар для прорыва.

— Издеваетесь? Бегом к складскому за копьями!

— Так не даёт без вас.

— Пошли!

Дракон, объехав строй вальяжно стоявших десятков, остановился напротив меня. Пристально посмотрел мне в глаза. Я, отводить взгляд не стал — вины за собой не ощущал. Тысячник отъехав, подозвал нашего сотника. О чём-то тихо поговорил с ним. Потом подозвал своего посыльного, что-то объяснил ему. Посыльный вышел перед тысячником, встал лицом к строю, и противным гнусавым голосом прокричал:

— Завтра, перед обедом, за то, что ушли со стражи, будут наказаны тридцатью ударами палок воины сотни Рута: Отон, Лывый и Сук!

По рядам прошёл шумок — те, кто знали, за что наказывают, делились с незнающими информацией.

— А также их десятник Элидар — сорок ударов палок! — Прогнусавил посыльный, пытаюсь перекричать лёгкий гомон.

Дракон у нас ушлый. Приурочил моё наказание к провинности воинов, а не к реальному моему преступлению. А вот десяток палок сверху, это наверно за взгляд. Да и корень ему жевать! Пофиг.

— Не согласился? — Шёпотом из-за спины спросил Шрам.

— Нет.

— Сорок ударов можно и не пережить.

— Выживу, тебе пять пропишу за длинный язык.

— Да я ничё.

После ужина, на распределении, выяснился ещё один неприятный сюрприз — завтра наша сотня бьётся на соревнованиях с сотней Вьюна. Тоже наверно часть воспитательного плана дракона — сотня на вспомогательных работах, обычно неприкосновенна.

Соревнования... Тренировок, кроме как у чёрной сотни, в войсках империи почти не было — не зачем вымучивать из простого мяса для рубки что-то дельное. Раз в луну соберут, посмотрят, как мы встаём в боевую изготовку, в крайнем случае, прогонят с копьями по полю на воображаемого врага. И всё. Но, для того чтобы воины умели действовать сообща, умели держать строй, не боялись врага, не теряли уж совсем физическую форму, а также для организации тотализатора у командного, да и не только, состава, существовали состязания. То есть стенка на стенку. Десяток на десяток или сотня на сотню. Без оружия, но со щитами. А бывало и без них. Бить можно кулаком или плоскостью щита. Лежачего не бить. Ребром щита не бить. А в остальном... такая мясорубка я вам скажу. Мы с парнями числились вторыми, разумеется, с задней части. Первыми был десяток Дака — хозяйственного десятка складского тысячника. У него было, так же как и у нас, восемь человек, причём пятеро — дрищи, остальные, включая самого складского, неповоротливые увальни, сила удара которых была ужасающей, но меткость никакой. Мы их умудрились нечаянно смять разок. Как, опять же нечаянно... У них в день состязаний трое заболели... вдруг.

Лучшему десятку по итогам турнирной таблицы обещали бесплатную встречу с "утешными". Так себе если честно вознаграждение, по крайней мере, для меня. Пока ещё сам не видел, но мужики рассказывали, что изредка в тысячу привозят сотню девиц лёгкого поведения, которые именовались "утешной сотней" и путешествовали от тысячи к тысяче. Что там за дамы, я даже представить боялся, так что, на победу своих не старался настраивать. Ну и они не рвались, так как у нас был неполный десяток, то шансов всё равно не было — количество человек в десятке не имело значение. То есть почти сразу после начала битвы, мой десяток сливал победу противнику. Самое интересное, что я не мог просто "лечь" — гордость не позволяла, и в итоге в конце был последним из десятка стоявшим на ногах. Ну, куда мне против пятерых — семерых, остававшихся противников — массой давили. Ладно, хоть без переломов обходилось.

— Как бить будем, Лигранд? — Прогрохотал сзади голос Отона.

На следующий день, мы, как и остальные десятки сотни, стояли кучкой на осмотре перед учебным сражением. Напротив, шагах в тридцати, стоял неполный десяток противника. Если раньше вдвух было естественно, то в этот раз... Как минимум трое сильных бойцов — я, Младший и Отон, плюс численное превосходство. Сдавать бой было стыдно.

— Идём ровно строем, не бежим, — начал давать я распоряжения. — Я, Отон и Младший посередине. Слева Анри, Дроит и Расун, остальные справа. Шагов за пять, мы втроём, делаем рывок и отсекаем четверых слева. Шрам, задача твоей пятёрки сдерживать правое крыло хотя бы сотню ударов сердца. Вшестером глушим левую четвёрку, ну а дальше помогаем Шраму.

— Раньше проще было, — проворчал Шрам.

— Хе! — Проголосил Отон.

Я оглянулся на него. Он демонстративно разминал плечи, щит на его руке казался игрушечным.

— Ни одного удара! — Расун чуть не прыгал от радости на обратном пути.

Это была не битва, а избиение младенцев. Только Отон, используемый в качестве основного тарана пробивающего строй, уронил своего противника, трое, вместо планируемых четверых, из противостоящего десятка, оказались осаждаемыми в два раза превосходящими силами и были биты сразу. Остальных пятерых победить было делом техники. Мы больше мешались друг другу, о чём я сделал особую отметку в голове. Отон, замахиваясь, разбил локтем нос Старшему.

Радость Расуна была понятна — он каждый раз успевал получить по соплям, даже в битве с десятком складского, ему зарядили в ухо.

— Да как-то быстро, — возразил парню Отон. — Лигранд, ты действительно из-за нас на скамью ложишься?

— Нет, из-за себя.

— Ну и зря. Какая разница кто бить будет. Всё равно желающий найдётся. Деньги же платят. Я бы пошёл.

— В следующий раз тебя порекомендую.

— Тварью будут считать, — прокомментировал желание Отона Шрам.

— Ну, и что? Моей семье от этого будет хлеб горче? А я уж как-нибудь вытерплю чужие мысли.

— Прямо все знатные, за честь держаться, — злобно заступился за друга Лывый. — Лигранда понимаю, у них там свой мир, свои порядки, а остальные? После битвы мертвяков все шарят. Балзон какой взбунтуется, мужиков из деревень как скот режем, баб насильничаем, а тут палки дать.... Благородные, корень в зуб....

— Коли так мыслить, так и на своих шептать можно, — Шрам не отступал, — и кашу друга съесть, пока он на страже, а то и меч под ребро засунуть в бою, чтобы значит, башки его в карман сложить. Так и будем потом жить, словно крысы, озираясь за спину. Неправильно это. Вместе надо, а не друг друга не палками бить.

— Это другое. Смешно говоришь. У нас в деревне управляющий балзона, когда налог собирал, так же говорил. Тоже про то, что мы должны вместе содержать балзона и дружину его, ради защиты нашей. Красиво говорил, были, кто и несли последний башок. Потом в рабы его отдали — воровал, оказалось много. Да и кто ж тогда наказывать будет?

— Вот кто потерпел, тот пусть и наказывает. Дали бы той девке палку в руки и пусть вас хлещет. Коли не виноваты, так и словно гладить будет, а коли виновны, так и палку покрепче выберет и двумя руками держать будет.

— А со стражи если ушёл, кто бить будет?

— Со стражи..., — Шрам задумался.

— А со стражи уйдёшь, я бить буду, — помог я Шраму, мне нравились его рассуждения. — Ты мой десяток подвёл, я и бить должен. А лучше всем десятком, — вспомнил я наказание в царской армии. — Выстроиться двумя рядами и провести тебя сквозь строй, а каждый, в меру того, насколько сильной он считает твою вину, палкой по спине тебя.

— Больно? — Ильнас смазывал мне спину мазью алтырей.

— Терпимо. Как там?

— Ударов пять в кровь, остальные синяками.

Во время получения палок, меня, поскольку боли я почти не ощущал — умением пользоваться магией в пределах своего тела я овладел в полной мере, волновал философский вопрос: а кто бы бил меня, в соответствии с теорией Шрама?

Когда поднялся со скамьи, то пошатнулся. Шрам и Ильнас подскочили, чтобы поддержать, но я остановил их жестом. Кроме меня на ноги смог встать только Отон — новый палочник знал своё дело.

Глава 13

Зима в Халайском локотстве отличалась от зимы в балзонстве деда и не в лучшую сторону. Если в балзонстве просто слякотная дождливая погода с температурой, не опускавшейся до нуля, то тут бывали и дикие морозы, градусов так в десять. Холода разумеется. В основном же легкий минус при отсутствии снежного покрова. Только снег выпадал, как через руки таял. Мерзко, ветрено, влажно. Лучше уж постоянные холода.

За зиму я узнал все прелести воинской службы. Скучное питание даже в офицерском котле. Холод, от которого слабо спасал выложенный по моему распоряжению внутри шатра очаг. Не смотря на то, что сам шатёр тепло не пропускал — пропитан специальным составом, тепло улетучивалось вместе с дымом. Разогревать себя всю ночь магией не хватало сил, но это как раз даже хорошо — не надо было сбрасывать силу, а то, последнее время, при этом действе, от меня начали маленькие разряды молний исходить. И слышно и видно.

Бесила невозможность нормально помыться. Теперь я знал, почему в средние века редко мылись — за зиму привыкаешь. Попытка создать баню, была пресечена на корню — в пределах лагеря запрещались не пропитанные магией строения, так как враг мог поджечь их, а алтыри отказались делать столько зелья — для основы зелий нужны были травы, сок которых удерживал бы магию, а трав этих было мало.

В какой-то момент, я довольно плотно сошёлся с алтырями, и как бы невзначай, подучился их непростому ремеслу. Мне, наверно, не составило бы труда изготовить те зелья, что варили они, но им.... Это всё равно, что слепому заниматься вышивкой. Многие зелья, если в них перелить магии, просто теряли свои свойства. Так вот эти парни умудрялись без обладания магическим зрением изготовить такие сложные составы....

— Дотон, — я грелся у котла с готовящимся зельем, — а ведь вы тоже как маги, без зелий можете быстрее двигаться?

— Можем.

— А почему воинами не идёте?

— Зачем? — Усмехнулся алтырь. — Мне и здесь хорошо.

— Больше бы платили.

— Поверь, мне и сейчас неплохо платят. Чтобы воином стать, надо разрешение ордена иметь,

да и тренироваться много, а суть.... Даже империи проще напоить воина зельем, чем держать алтыря — воина. Да и не возьмёт император нас в воины.

— Почему?

— Много вопросов задаёшь.

— А вообще бывают такие? Алтыри — воины?

— У карающих. Передай сон — траву.

Я, сняв с сучка мешочек, передал Дотону порошок из явно наркотического растения, имеющего сильное обезболивающее свойство.

— Там специально готовят, — продолжил он. — А так.... Вроде как не запрещено нам воинами быть, только умирают такие быстро. По неестественным причинам. Странность такая есть. Говорят император даже разговор с орденскими на эту тему вёл. А те руками разводят — мол, не виноваты. Поэтому редкий алтырь в себе воина развивает.

Весной, к нам прибыла "утешная сотня". Как я и предполагал, ничего хорошего. Нет, были и вполне даже ничего, с "голодухи-то", экземпляры, но стоило только представить, сколько в них только что побывало.... Я не решился.

"Утешная сотня", это праздник для тысячи, этакая вакханалия. Вернее для части тысячи, так как четыре сотни в это время находились на границе. Перед этими десятью днями, у всех забирали оружие, и выдавали часть расчёта. Высший командный состав тысячи, включая сотников, переносил свои шатры за пределы вала — они в этом не участвовали, поэтому весь надзор ложился на плечи десятников. Вместо сотников в лагерь заехали купцы с телегами наполненными спиртным и яствами. Лагерь окружила сотня охраны этого передвижного балагана. Мне было даже как-то дико осознавать, что руководство имперских войск, самостоятельно на руки выводило из боеспособного состояния почти тысячу. Но это в начале. Вскоре, до меня дошла истинная подоплёка этой заботы о "голодных" воинах. "Утешная сотня" состояла из рабынь, цены за использование которых, были баснословными. Вино и настойка, минимум в два раза дороже. "Купцы", были наёмными рабочими империи. За десять дней воины оставили на этом празднике, значительную часть заработанных за год денег. Такой вот маркетинговый ход. Вроде, как и воинов порадовали, и деньги выдали, но часть этих денег тут же, возвращалась в казну империи.

— Ещё возьмём? — Отон был уже довольно пьян.

Первых дней пять, надо отдать должное мужику, он держался, так как экономил деньги для семьи, он даже расчёт не взял... сразу. Но происходящее вокруг, даже самых стойких втягивало в безумство. Чего только стоили полуголые девицы, перебегающие изредка из палатки в палатку, в зоне эротического расслабления и торговли, охраняемой хмурыми гориллами с палками в руках. И не проходило дня, чтобы эти палки по кому-либо не прохаживались — воины, оставшиеся на мели, сбивались в кучки и пытались штурмом взять укрепленный "утешной сотни".

— Не стоит, поспи лучше, — предложил я ему.

Из моего десятка на ногах остались лишь мы двое, Шрам, предпочитавший спустать деньги в борделе, ну и Ильнас разумеется, хотя по его блестящим глазам, было件ятно, что он тоже

успел пригубить вина — в отличие от меня, для остальных воинов тысячи его возраст ничего не значил и они считали должным налить любимцу тысячи, если он оказывался рядом.

— Я могу сбежать? — с надеждой предложил Ильнас.

— Сейчас...— Отон полез за пазуху.

Я только вздохнул. Завтра жалеть будет. Одно хорошо — Ильнас бегал за настойкой очень долго и за это время здоровяк может вырубиться. Причину длительности похода к "купцам", как и рвения мальчишки, я знал. Бегал он туда, чтобы хоть одним глазком увидеть женские прелести — вдруг проведут мимо. Мужики даже скинулись ему вчера на "попробовать". Только я не разрешил, обосновав тем, что для первого раза можно и лучше найти. Ильнас теперь со мной почти не разговаривал.

— Пойдём к девчонкам? — В шатёр залетел Ротимур.

— Знаешь же, что не пойду.

— Да ладно тебе, они моются.

— Ага. Я так и понял. Туда реку повернуть надо, чтобы они отмылись.

— Ну, вытираются. Пошли хоть за компанию, там посидишь. Тебе как десятнику можно.

Нам действительно разрешалось в целях контроля поведения своих подчинённых беспричинно находиться на территории "утешной сотни".

— Ну ладно, пошли, — поднялся я с лежанки.

Как бы объяснить сие непотребное действие.... На окраине лагеря стоял десяток огромных шатров, вход в которые, был, разумеется, платным. Я внутрь не заходил, но со слов мужиков, шатры были разделены внутри занавесками. К желающему, вошедшему внутрь, выходили обнажённые девицы, хвастающиеся своими прелестями, и он выбирал. Если же никто из них не нравился, то приглашали из другого шатра. В этот момент и происходили эти самые перебежки полуобнажённых девиц. Ротимур с ходу нырнул в шатёр, на который указал воин охраны. "Зачем звал, спрашивается?" — я присел на бревно, кивнув вместо приветствия охране. Минут через пять из шатра вышла сморщенная старушенция и бодро поскакала к соседнему шатру.

— Сейчас чёрненькую приведут, — раздался за спиной голос Ильнаса.

Я, оглянувшись, хлопнул рукой рядом с собой.

— Ты откуда знаешь?

— А они, если кому не нравится, то одних и тех же переводят. Обе рыженькие заняты. Беленькая в дальних шатрах. Так что чёрненькую приведут.

— Тебе в разведку или соглядатаем надо.

— Я в чёрную сотню хочу. Вот тебя тысячником сделают и уйду к Илуну.

— Пряткий какой, — криво усмехнулся я.

Мне сегодня не здоровилось. Внутри неловко мутило. Выпил я за эти дни конечно много, но только чисто ради эксперимента, так как тут же магически отрезвлял себя. Пусть и не очень хорошо, но это у меня получалось. Однако побочный эффект, в виде похмелья, сегодня почему-то чувствовался с самого утра.

— Вон ведут. Везёт Ротимуру.

Из дальнего шатра действительно вели какую-то неопределённого возраста куклу в накидке. Ильнас помахал рукой, она ему в ответ тоже и слегка приоткрыла свой импровизированный "плащ" оголив на мгновение, довольно милую ножку.

— И ради этого ты тут отираешься? — спросил я пацана.

— Ты же не разрешаешь....

— А воины не угостят девушку вином? — Перебил Ильнаса сиплый голос.

— А у нас только настойка, — растерянно ответил он, глядя снизу вверх, на противно улыбающуюся худую девушку лет тридцати.

На девице было надето не то платье, не то халат чуть ниже колена. Ноги были босыми, и от этого самому становилось холодно — земля ещё была холодной. Её натянутая улыбка, вкупе с напускным залихвацким видом, выражала, как её профессию, так весь внутренний мир, заключающийся в желании выпить. Впрочем..., она этого и не скрывала.

— Рамай! Иди в свой шатёр, — рыкнул воин охраны.

— Да пусть с нами посидит. Воину ухо приласкает, — попросил я стража, кивнув на Ильнаса.

— Не положено.

Я, сунув руку за пояс, достал монету и протянул в его сторону. Тот подошёл, взял и кивнул девице.

— Сбегай, купи ларе вина, — протянул я монету и Ильнасу.

Можно было и не тратиться, но почему-то я решил, что общение с этой жрицей любви, отрезвит разум парня. Как же я ошибался. Она прямо сыпала комплементами Ильнасу, а когда страж отворачивался, то, взяв пацана за руку, тянула её к своей груди. Понятно, тот не сопротивлялся. Надо было прекращать это растление малолетних.

— Рамай, а ты почему не в шатрах?

— Мне сегодня нельзя утешать.

— Понятно. Сколько тебе зим?

— Семнадцать.

— Сколько?!

— Семнадцать, — повторилась она.

— А в рабыни как попала? — После некоторой паузы, за время которой девица приложилась к

бутылке прямо из горла, спросил я.

— Отец продал.

Блин. Ну что за невезенье. Так ведь ещё и жалко её станет.

— А в эту сотню?

— Сама пошла. Я раньше в швейном торбе была — одежду воинам шили, а когда четырнадцать исполнилось, то старшая предложила сюда пойти.

— И что, нравится здесь?

— Думаешь в швейном торбе хорошо? Здесь я хоть вам ласку дарю. Да и люди попадаются хорошие, не все конечно, — девчонка, запрокинув голову, отхлебнула ещё раз. — В швейном бы сейчас уже полуслепой была. А ты что жалеешь? Так выкупи и женись. Я верной буду....

В глазах зарябило. Приступом подкатила тошнота....

— Чего это с ним..., — голос малолетней рабыни раздавался словно издалека.

В голове путались какие-то несвязные мысли, а следом и видения. Альяна, одетая в халат жрицы любви.... Ганот с разбитым лицом.... Ротимур с испугом глядящий на меня.... Шрам.... Понимаю, что надо как-то остановить это, но ничего сделать не могу. Руки и ноги не слушаются. Тошнота.... Вот позорище-то будет, если десятника при всех рвать начнёт. Зачем пил, спрашивается?

Очнулся я в своём шатре. Тело не ощущал совсем, в отличие от магии, впивавшейся сотнями иголок в спину. Лежал я на земле, но холода не ощущал. Наоборот, было жарко. Где-то за пределами взгляда, справа, мелькали голубоватые отблески, резко разнившиеся с линиями магических сил вокруг. Зрение вышло из-под контроля, и попытки скрыть его, не увенчались успехом. С трудом повернув голову в ту сторону, я лихорадочно стал пытаться концентрироваться как учил Дайнот. Из пальцев моей правой руки во все стороны беззвучно растекались тонюсенькие нити электрических разрядов. Пошевелить или хотя бы почувствовать руку я не мог. Вдруг на противоположенной стороне шатра кто-то шевельнулся. Ильнас. Парень молча смотрел на меня. И так... Я рассекречен. Вернее всего, проснулись силы. Мысли лениво стали вертеться вокруг данного факта. Если бы об этом знало командование, то вряд ли бы Ильнас был рядом. Значит, он никому не рассказал. Надо узнать, кто ещё в курсе. Ну, и узнаю? И что? Попросить их не рассказывать? Так наверно они и сами понимают. Убить их? Какие странные мысли. Их? Они? А почему я решил, что их много? Может только Ильнас? Нет, мало информации. Я попытался раскрыть губы, чтобы спросить Ильнаса, но не ощущал их. Странно. Голова не болит. Тело тоже. Но я его и не чувствую. А может, я парализован? Сгорел? Выгорела вся нервная система? Нет. Стоп. Так не пойдёт. Магию, бьющую в спину, я ощущаю? Ощущаю. Значит не всё потеряно. Я закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на спине. Но только я закрыл глаза, как Ильнас соскочил и бросился к пологу. Пришлось вновь поднять веки, чтобы проследить за ним.

— Шрам, — прошептал Ильнас, отогнув полог, — он очнулся.

Тут же в шатёр вошёл Шрам. Подойдя на расстояние шага ко мне, он присел на корточки и уставился мне в глаза.

— Ближе не могу подойти, от тебя молниями бьёт. Говорить можешь?

Я безрезультатно попытался ещё раз разомкнуть губы. Поняв бессмысленность данного действия, дважды моргнул. Шрам всё понял.

— Ты знаешь, что с тобой?

Я моргнул один раз.

— Чем-то помочь надо?

Я моргнул два раза.

— Ротимур сейчас к алтырям пошёл, попытается у них узнать, что делать.

Я моргнул два раза.

— Не надо? — Догадался Шрам.

Я моргнул раз.

— Надо? Давай если надо, то один раз, не надо — два.

Я моргнул два раза.

— Мелкий, быстро за Ротимуром. Если ничем помочь не могу, то я на стражу встану. А то Отон уже дважды хотел зайти.

Я моргнул один раз. Минут за пятнадцать покоя, мне удалось... по крайней мере показалось что удалось, слегка унять поток магии в меня со спины и почувствовать пальцы.

— Что случилось? — Раздался голос сотника чёрных снаружи.

— Да перепил немного.

— Это, ты мне легенды не рассказывай. Перепил. В лагере столько настойки нет. Да и Ротимур только что чуть не штурмом к алтырям выйти пытался. Я ему чуть глаз не выдавил — молчит.

— Илун. Нельзя туда.

— Уйди с дороги.

— Илун. У меня приказ никого в шатёр не пускать.

— Чей приказ?

— Лигранда.

— Он десятник, я сотник. Отменяю приказ. Руку убери! Шрам, я тебе кадык сломаю...

— Не надо Илу....

Дальнейший звук снаружи напомнил падение мешка с кроткой. Полог тут же отдернулся и в шатёр вошёл Илун. Сделав пару шагов, он остановился, внимательно рассматривая мою руку. Тут вновь отдернулся полог и Ильнас влетел в спину чёрному сотнику. За ним, держась за

плечо, вошёл Шрам.

— Давно он так? — Спросил Илун.

— Лежит со вчера, а молнии с утра начались, — тихо ответил Шрам.

— Кто ещё знает?

— Ротимур.

— И всё?

— Да.

— Ильнас дуй к моим, скажи Зелёному, чтобы через сто ударов сердца был здесь. Ничего ему не рассказывай.

— Не пойду, — насупился парень.

Илун устало посмотрел на мальчишку.

— Бегом, — голос сотника звучал абсолютно безэмоционально и ровно. — Не держи меня за мускуна. Нашёптывать дракону не собираюсь.

— Зелёный в уютных шатрах.

— Выдерни его оттуда.

Илун засунул руку за пояс и достал монету, которую протянул Шраму.

— Возьмёшь настойки на все. Ваши чтобы не просыпались.

— Так... у шатра на страже надо....

— Я постою. Стражи... корень вас. Ты вообще не тренируешься, как от меня ушёл?

Шрам опустил голову. Тут из-за полога послышались шаги. Не успел входящий отёрнуть полог, как сотник резко развернувшись, схватил руку, взявшуюся за край полога и вывернул кисть в болевую. Оттолкнув входящего, Илун вынырнул наружу. Сквозь щель на мгновение распахнувшегося полога, мелькнуло перекошенное лицо Ротимура.

Я не знаю где Илун смог раздобыть этот амулет, но приблизительно минут через двадцать, в течение которых шатёр охранял Зелёный, на мою грудь опустился медный медальон с красным камешком посередине. Магия, покалывавшая спину, буквально сразу стала стихать, а грудь зажгло.

— Мне надо идти, — чёрносотенник сидел на корточках в шаге от меня. — Ротимур своим визитом кучу вопросов у сотников породил. Надо успокоить пока ещё кто не заинтересовался. Сможешь говорить, пришлешь бегунка. Обязательно.

— Я не... — начал было Ильнас, но споткнулся о взгляд сотника.

— Ты чего как на страже? — Раздался голос Илуна как только он вышел из шатра.

— Так сам приказал... — ответил Зелёный.

— Я тебя присмотреть попросил. Чтобы никто не вошёл. Вон на бревно сядь, не привлекай взгляды.

— Что случилось то?

— Если никто не знает... — голос сотника резко оборвался.

— ... значит, никто не спросит, — хмуро продолжил аналог поговорки "Меньше знаешь — спокойней спишь" Зелёный.

Уже через час я стал вновь ощущать своё тело. Молнии больше не струились и спину не кололо.

— Пить, — скорее просипел, чем прошептал я.

Ильнас подскочил и налил в кружку воды из кувшина. Подойдя ко мне, он замер. Поставил кружку на землю. Вынув кинжал, осторожно, прикоснулся его кончиком к моей руке. И только после этого вернув оружие в ножны, напоил меня. Возникла мысль объяснить парню, что металл лучше проводит молнии. Но как возникла, так и ушла.

— Илуна звать? — Спросил парень.

— Зови.

— Легче?

— Да, — беззвучно произнёс я.

— Орден о тебе не знает?

— Нет.

— Утешная сотня простоит ещё два дня. За это время ты должен подняться на ноги. Медальон спрячь, — Илун взяв верёвочку с груди, одел мне её на шею и засунул кругляш под рубаху. — Алтырей не зови. Сейчас по тебе не видно, что ты,.. так что Зелёного я снимаю. Очень он внимание привлекает. Когда засыпать будешь, ставь стражу. От тебя во сне ещё молнии могут быть.

Сотник на время замолчал.

— А я то, думаю, чего ты так легко бьешься. Встанешь на ноги, переговорю с драконом, чтобы перевёл тебя ко мне. Ваши скоро на север. Тебе туда нельзя.

— Откуда? — Скопил я взгляд на грудь.

Илун ответил не сразу.

— Есть у меня друг. У его сына магия когда-то проснулась. А он не захотел об этом ордену рассказывать. Мальчишка не выжил. Сгорел. Ну и друг тогда помешался слегка на этом. Специально в нашу тысячу служить пошёл и в северные земли напрашивался, чтобы спасти одарённого ребёнка. Вроде как искупить вину. А медальоны, которые выдают орденские — наперечёт. Уж не знаю, где он взял...

Я закашлялся.

— Ладно, отдыхай, — сотник встал с чурбана на котором сидел.

Когда Илун ушёл, до того как я провалился в сон, в голове роились мысли порождённые рассказом сотника. Что за медальоны выдаёт орден? Откуда Илун знает, что во сне из меня могут бить молнии? Темнил Илун, ой темнил. Медальон этот...

На следующий день я проснулся от озноба. Но если сравнивать с предыдущим состоянием, то есть полной обездвиженностью, то определённый прогресс был. Даже сесть смог сам. Судя по полумраку и редким голосам снаружи, было ранее утро. Напротив спал Ильнас. Жутко хотелось есть.

— Ильнас. Ильнас!

Полог шатра тут же распахнулся и в щели появилось миловидная рожа Шрама.

— Не буди. Он всю ночь около тебя сидел, — полог закрылся, чтобы через секунду отдёрнуться вновь, впуская воина. — Как себя чувствуешь?

— Нормально. Пожрать бы...

Внутренности тряслись, словно с какого-то жуткого похмелья, но есть хотелось ужасно.

— Сейчас, — воин, пройдя вглубь шатра, стал рыться в подвешенной сумке.

Поесть оказалось не так просто. Толком твёрдую пищу я разжевать не мог. Даже маленький кусочек сыра, положенный Шрамом мне в рот я лишь пожамкал зубами. А при попытке проглотить сыр встал в горле. Шраму пришлось бить по моей спине, чтобы вернуть строптивую пищу обратно. Пока происходила операция по моему спасению от коварного молочного продукта пытавшегося задушить меня, проснулся Ильнас.

— Сейчас суп принесу, — парень встал и, протирая одной рукой глаза, взяв второй деревянную плошку, вышел из шатра.

Вернулся он минут через десять с холодным рыбным супом. Я к этому времени вновь перешёл в горизонтальное положение.

— Где взял? — Поинтересовался Шрам пока давил ложкой куски кротоки.

— В десятке Седого.

— Расскажи что было, — прервал я бессмысленный с моей точки зрения разговор.

— Тебе плохо стало, а я мимо проходил, — начал Шрам, понимая, о чём вопрос. — Сначала к алтырям хотели, но ты запретил...

— Не помню.

Шрам пожал плечами и продолжил.

— Ну, мы с Ротимуром тебя в шатёр и унесли. А тут уж из тебя как пошло... Ротимур попросил никому не говорить что ты... Ну... Вот тот. Дальше ты знаешь.

— Ты был черносотенником? — Спросил я, вспомнив разговор Илуна и Шрама.

— Был, — нехотя ответил он.

— За что?

— Десятника избил.

— За что?

— Не важно. Это моё.

Суровая воинская забота. Терпеливо, без лишних слов и телодвижений, Шрам, Ильнас и Ротимур нянчились по очереди со мной до вечера. Кормили с ложечки, так как руки у меня тряслись, вытирали пролитый суп и даже водили в туалет, когда желудок заработал. Разве что не подтирали. Остальной десяток насчёт такой заботы не юморил, даже наоборот. Отон пообещал забить деревянный клинок в одно место, молодому из соседнего десятка, отпустившему сальную шутку относительно моего состояния и что со мной делали остальные, что так нежно водят теперь меня.

К концу второго дня я уже мог передвигаться самостоятельно.

Глава 14

Монотонный стук сотен копыт нервировало до жути. Вообще всё нервировало. Мы уже месяц плелись по просторам Халайского локотства. Перевести меня в чёрную сотню не удалось, так как обязательным условием для этого были испытания, а в том состоянии, что я находился тогда, я бы разве что Ильнаса смог бы побить, и то, если бы он поддался. Про обещание отправить нашу сотню в северное сопровождение дракон не забыл. Более того, он сделал это сразу, после того как закончилась десятина с "утешной сотней". Откосить от такого путешествия мне тоже не удалось. Беспричинный отказ мог закончиться уже не палками, а судом — мои прежние "заслуги" никто не отменял. А от причинного, я сам отказался — Илун предложил сломать мне руку. Все стальные болезни лечились алтырями на раз. Шрам, узнав, что я еду на север, полшутя предложил тогда сломать ему руку, так как более опасного, чем я, попутчика в те земли, сложно представить. Илун ответил, что лучше голову Шраму сломает. А вот Ротимуру было всё по барабану. Он сам напросился, когда узнал, что вместе с нашими двумя сотнями отправляют десяток верховых. Ему, видите ли, интересно...

— Шрам, а почему ты не сдал меня тогда? — Не то что бы раньше не было возможности поговорить с ним, но особо удобного случая не представлялось — воинский поход по враждебной территории, знаете ли, не располагает к уединению для таких разговоров. Сейчас же мы с ним ехали в боковом охранении, то есть метрах в десяти от колонны. Я специально поехал в пару с воином. Благодарить, как бы, особо в мужском кругу воинов, не принято было. Но показать, что я не просто проигнорировал помощь парней тогда, наверно стоило.

— У вас богатых не принято отвечать вопросом на вопрос. Я знаю. Но, почему я должен был сдать тебя?

Ответ был несколько неожиданным.

— Чтобы самому не подставляться, — продолжил я. — Орден всё-таки...

— Хм, — Шрам ухмыльнулся. — Орден... Что орден? Кучка наложивших в штаны идиотов решивших, что они выше всех. Я воин империи, не мне их бояться. Может император и напыщенный мускун, но воинов не продаёт. Даже если про это кто и узнает, то тебя железом калёным потыкают, да на костре сожгут, но ордену не отдадут. А раз к магам ты не попадёшь, то и обо мне им не расскажешь. Так что нечего мне бояться.

— Откуда ты знаешь, что не выдают?

— Вон тот куст объеда.

Я покорно потянул за узду в сторону. Встречались в этой местности кусты с ядовитыми иголками. Ноги у лошадей потом воспалялись.

— Да зим пять назад был такой как ты, у нас в сотне, — когда мы вновь съехали на расстояние тихого разговора, ответил Шрам. — Только он сам не знал. Также на север поехали. Ох, и намаялись мы тогда. Зверье тамшнее вашего брата сильно не любит. Не всё конечно. Только и успевали отбиваться, пока не поняли, откуда такой почёт нам. Даже с деревьев иглы летели. Есть там такие, с красными ягодами...

— Так что с ним стало? — Вернул я Шрама в прежнее русло разговора, так как о зверье и деревьях уже успел порасспрашивать тех, кто был на севере.

— Как вернулись, его увезли в Дуварак. А там, дракон рассказывал, он тоже ездил, сожгли на площади. Попытали и сожгли.

— Почему тогда ты решил, что его в орден не отдавали?

— Если бы маги взяли, то зачем пытаться? Те так всё узнают. А там, по рассказу, кусок жареного мяса уже на костёр привели. Он даже кричать не мог.

Не радужная такая перспективка нарисовывалась. Конечно, в случае если обо мне узнают.

— Из него тоже молнии шли?

— Нет. Его помогать орденскому поставили, а тот как проверку начал, так амулет и вспыхнул.

Орденские. Я покосился на двоих типов в неброской кожаной броне. Это была моя головная боль номер один. Нет, это были не маги. Это были обычные люди, но работавшие на орден. Ехали они сразу с двумя целями. Во-первых, проследить, чтобы нужные ордену товары не ушли налево, а во-вторых, проверить детей местного населения на принадлежность к одарённым. И вот именно про последнее, и рассказывал сейчас Шрам. У этих ребят были амулеты для проверки магов и сдерживающие силу медальоны. Пока мы едем до севера, эти ребята мне не страшны, так как амулеты для проверки у них должны быть в специальных футлярах, но... Да кто знает что у них на уме? Вдруг они захотят воинов втихую проверять? Из-за этих двух ушлёпков я до сих пор не знал, как мне поступить по прибытии каравана в северные земли. Дело в том, что там не было городов и единой власти. Были небольшие селения, разбросанные по немалой территории. И вот, чтобы охватить все деревни, мы должны были встать в определённом месте, представлявшем собой заброшенный форт, и разослать небольшие отряды в разные стороны. И если уж какое-то селение заартачится, только тогда выдвигались основные силы для укрощения строптивых. А орденские оставались в форте и выдавали каждому отряду проверяющие и сдерживающие амулеты. И вот тут надо было выбирать из двух зол: либо оставаться в форте с орденскими и рисковать быть рассекреченным, либо ехать с отрядом в селения и рисковать быть съеденным хищниками. Та ещё задачка.

— Лигранд! Возьмёшь двоих верховых и осмотришь вон с того холма! — Махнул рукой Рут от головы колонны. — Охрон, смени головной дозор.

Сотник своей волей, частично причислил меня к верховому десятку. Частично, потому что обязанностей десятника с меня никто не снимал. Верховых воинов, в связи с манерой Рута постоянно вести разведку вокруг обоза, не хватало. Хотя нет, не так. Верховыми были все. По каким-то, даже мне не известным причинам, я предполагал, что обоз на север это вереница телег охраняемая нами. Вернее всего моё заблуждение вытекало из более широкого определения значения слова "обоз" на местном. В общем, в наличии телег, я очень ошибался.

Северный обоз, точнее будет сказать караван, это куча вьючных лошадей предоставленных локотом. Но большая часть из них, вьючными станут потом, а сейчас мы все перешли в разряд верховых воинов. И это было единственное утешение, так как пешком, мы бы одному только магическому кругу известно, когда бы добрались. В общем, учитывая локотскую сотню и наших две, а также мытарей и обозных, сейчас в сторону севера двигалась маленькая армия, передвигающаяся на почти четырёх сотнях копытных. Но... маги несколько поизголялись над предками лошадей, предназначенных для перевозки тяжестей. Это были приземистые и очень широкие животные не способные развить хоть какую-то мало-мальски значащую скорость. От лошадей у них осталась, наверное, только форма головы и огромные добрые глаза. А! Ещё хвост и грива. Этакие несколько уродливые мини слоны с толстенными ногами и кажущейся маленькой головой. Но зато грузоподъёмность у них была потрясающей. Поскольку лошадей на всех всё равно не хватало, то кому-то приходилось ехать по двое на одной вьючной. Некоторые воины первую неделю садились вдвоём на такого скакуна лицом к друг другу и, затерявшись в центре строя, играли на его спине в карты. Добродушное животное казалось, не ощущало ни их веса, ни веса тюков с припасами, висевшими на крупе. Потом чья-то зависть сгубила их затею — про казино нашептали Руту. В итоге ещё и мне пришлось терпеть нравоучения сотника, так как одним из попавшихся в тот день был Сук.

Короче лошадей было море, но пригодных для разъездов вокруг каравана всего десятков восемь из которых половина была под локотскими воинами, а четверть под мытарями, то есть сугубо штатскими людьми. Локотские воины замыкали обоз и не рвались выделять верховых воинов для разведки. При таком раскладе все наши нормальные лошади практически непрерывно курсировали вокруг каравана. Я иногда даже шёл пешком или подсаживался к кому-нибудь на тяжеловоза, чтобы дать своему жеребцу отдохнуть.

Махнув рукой Охрону — десятнику верховых, я направил коня в сторону холма. Десятник тоже слышал распоряжение Рута и с его стороны тут же отделились два воина. От моего десятка уже ехал Анри, чтобы сменить меня в боковом дозоре.

Лошади с лёгкостью внесли нас на холм. Ветер резким порывом принёс запах степей — двигались мы параллельно орочьей границе. Рут сказал что, во-первых, тут местность менее лесистая, а во-вторых, более ровная, поэтому ехать будет легче. Пока осматривались, я поправил щиток на предплечье — ехать Рут требовал в полном боевом облачении.

— Лигранд, обратно, — тихо произнёс один из верховых.

Я недоумённо посмотрел на него — так называть меня в глаза я позволял не многим и именно этот воин в их число не входил. Воин повернулся ко мне:

— Медленно разворачивай лошадь. В тебя уже целятся.

— Орки, — ровно и тихо произнёс второй верховой.

Я, скользнув по кустам взглядом, потянул повод вправо и слегка пришпорил. Воины повторили мой манёвр. Только мы ушли, по мнению воинов, с линии поражения, как они взяли в карьер, обогнав меня.

Колонна начала разворачиваться в боевое построение ещё до того, как мы подъехали к ней. Не скажу, что это было очень уж слаженно, и каждый знал своё дело, но... вот полными неучами наши сотни не были. Даже мытари и обозные без паники сгоняли освободившихся от воинов тяжеловозов в центр кругового построения. Пока копейщики занимали оборону арбалетчики уже натянули тетиву и сидя на тяжеловозах шерстили округу взглядами.

Я стоял во втором ряду копейщиков. Ряды, надо сказать, были довольно жидкие — круговая оборона рассредоточила сотни вокруг табуна. По статусу, конечно, я тоже должен был держать "оглоблю" вместе со своим десятком спрятавшись за щитом, но я же не простой десятник, а лигранд. Поэтому приготовился к бою с обычным копьём взятым "напрокат" у складского.

— Собирайся, — хлопнул меня сзади по плечу Ротимур.

Я вздрогнул от неожиданности.

— Куда?

— Сотники верховых на "худобе" собирают, поедем, посмотрим. Вы же только троих видели?

"Худоба", это те лошади, что не "бочки", то есть "слоны" по-моему. К "худобе" относился и мой великолепный широкогрудый Резвый.

— Да я вообще ни одного не видел.

— Парни говорят всего трое орков. Пошли.

— А ты куда? — Я обратил внимание что Ильнас, которому я велел уйти к обозным, (но, разумеется, он этого не сделал) потянулся за нами.

— Я тоже верховой.

— Анри! Возьмёшь кобылу Малого, поедешь с нами. А ты, — я снова обратился к мальчишке, — если не выполнишь приказ, получишь палок.

— Какой приказ?

— К обозным я сказал!

Верховой разведкой командовал сотник локотских. Довольно смелый мужик, как оказалось. Не каждый на его месте ринется во главе отряда навстречу неизвестности. На холм три десятка верховых въехали растянувшимся полумесяцем. В тех кустах, где воины заметили орков, уже никого не было. Однако трава была примята огромными следами. С одной стороны хорошо, с другой теперь о нас знают. Я поймал себя на мысли, что гложет глупая детская обида, так как впервые мог увидеть эту расу, но проморгал такой шанс.

— Один на хрумзе был! — Крикнул из леса следопыт локотских. — В сторону степи ушли!

Вот же! Ещё и хрумз был.

— Сотня! В сёдла! — Зычно скомандовал локотский. Минут через пятнадцать усиленный

головной дозор выехал вперёд. Ещё через пять, не дожидаясь пока все рассядутся по "бочкам" вперёд шагнула первая шеренга. Латан — сотник, бывший со мной и Рутон на головомойке дракона по поводу палочника, через мат объяснял локотскому сотнику необходимость усиления боковых дозоров его воинами.

На ночёвки после обнаружения орков, теперь вставали заранее, чтобы до темноты успеть приготовить ужин, так как ночью костры гасились, а вокруг стоянки раскладывались "фонари" — амулеты, реагирующие на любое живое существо, проходящее рядом, вспышкой света. Для арбалетчиков начались полусонные ночи, принёсшие нам нескольких косуль, которые слепли от вспышки. Лошадей теперь не пасли, а кормили фуражом.

Ещё дважды за последующую десятину дозоры обнаруживали орков — нас "вели", но я ни разу так и не смог рассмотреть даже тени этих созданий. А вот ближе к северным землям зеленомордые исчезли. Объяснялось это очень просто, теперь между орочьими степями и перешейком северных земель появились скалы. Подспудно для себя, я понимал, что рассмотреть орков не просто бзик. Я до сих пор не до конца осознавал их существование в этом мире. Да здесь есть магия, но орки и эльфы... Это только кажется что легко их принять как данность. Да вот ни хрена! Пока не увижу, не поверю!

— На обратном пути встретят, — Отон присел рядом со мной на поваленное дерево.

Мы стояли на дневной стоянке около реки. Вообще любой водоём, встреченный нами по пути, сулил стоянку, так как лошадей надо было поить.

— Возможно, и нет? — равнодушно ответил я ему, наблюдая, как Резвый пьёт из реки — лошади это такие водохлёбы.

— Встретят, — уверенно возразил воин. — Сейчас кланы соберут и дождутся нас. Считали сколько копий.

Это были мысли не Отона. Не знаю, кто запустил по сотням данный слух, но я слышал его уже раз десять. Вопрос наличия вокруг каравана орков, волновал не только меня. Отпустив магическое зрение, я осмотрел округу. Особых преимуществ перед обычным человеком мне особенность зрения не давала, так как сквозь деревья я всё равно не видел, но большое скопление людей, ну и наверно орков, я мог определить по характерным изменениям силы, даже за преградой.

Я не знаю, как определил следующий момент. Просто не знаю. Вероятно, когда смотришь магическим взглядом, кроме него активируются и все остальные чувства. Почему бы и нет? Меня гложет сомнение, что в этом мире в достаточной мере изучали данное направление. А может быть поп... шестым чувством понял. Не суть... В общем не знаю, но... какая-то внутренняя сила толкнула меня резко прыгнуть вперёд и развернуться. Отон тут же упал в другую сторону и стал, скребя ногами отползать от места, где мы только что сидели. Извиваясь сквозь пучковатые заросли лесной травы в мою сторону ползло что-то длинное. Вот это замерло на доли удара сердца, и прыгнуло на меня. Я успел отбить рукой эту тварь. Клянусь, по щитку предплечья чиркнуло что-то твёрдое. Змея упав, стала снова разворачиваться на меня. Мироощущение слегка замедлилось. Но тут же по ней хлопнуло древко копья. Ильнас ожесточённо долбил гадину, пока она не затихла.

— Алтырница! — Сук подошёл и поднял метровое тело, или что у неё там, пусть хвост.

Причём сделал это рукой. Понятно что вроде как ничего необычного... Но, я бы не решился. По крайней мере, в тот момент.

— На всех приготовим? — Вопросительно посмотрел Сук на меня.

Я кивнул. Адреналин ещё гулял в крови, и мне было всё равно, куда денется тело змеи.

— Зря ты так сильно, — оглядывая верёвку змеи, Сук обращался уже к Ильнасу. — переломал всю. Безобидная тварь. От её укуса разве что волдырь соскочит. Если конечно зелья, какого магического не пил. Тогда так крючить будет! У-у-у! Её поэтому алтырницей и зовут. Боятся они её. Им и смерть может от её укуса... Что на неё нашло? Меня кинуло в жар после его слов. И это мы ещё только в преддверии Северных земель.

— Сроду не слышал, чтобы нападала. Мы их в детстве руками ловили, так они и то не кусались — ворчал воин, идя к реке и приподнимая змею повыше, чтобы хвост не тащился по земле.

От дегустации деликатеса, по крайней мере, каким-то подобным определением пытался охарактеризовать его Сук, я отказался. Кто 2734нспгего знает, как мой организм отреагирует на это экзотическое блюдо.

— Сук, а я раньше не слышал о таких змеях. Ты где их ловил? В детстве? — Поинтересовался я у парня.

— Ну, да. Они только здесь водятся. Я же северный. Мою деревню лафоты в рабство угнали ещё в детстве. А мы с отцом и братом на покосе в это время были. Отец тогда решил, что хватит с него такой свободной жизни и в империю подался. Ну а там нас тоже не особо то кто ждал. Вот всей семьёй как брату шестнадцать зим исполнилось и пошли в войска.

— В нашей тысяче служат? — Мне не то что бы сильно интересно было, просто больше говорить не о чём было.

— Отец, да. В сотне Попрыгунчика. А брат младшим воином одного сотника стал, а того потом в Жиконское локотство перевели.

Следующее нападение сволочной живности, крайне нетерпимо относящейся к моему брату, случилось через два дня и прошло не столь безобидно, правда, не для меня. К этому времени местность по которой мы ехали разительно сменилась. Холмы стали значительно круче, а полей, по которым можно свободно ехать, на порядок меньше. Поэтому нет, нет, да мы проезжали сквозь леса. Вот и в этот раз, мы почти выехали из небольшого лиственного лесочка, когда с одного из деревьев на нас прыгнуло нечто покрытое серой шерстью. Тварь целилась явно в меня, но с той стороны, слегка впереди, ехал один из верховых. Траектория полёта зверя была строго просчитана и должна была пройти за его спиной. Только вот парень вовремя заметил опасность и, испугавшись, самопроизвольно натянул повод, из-за чего его лошадь дёрнулась, подставив седока под мохнатую пулю.

Вроде смотреть не на что — просто очень крупная кошка, но этот клубок шерсти с такой яростью вцепился в плечо воина, содрав металлический наплечник доспехов.... В первую секунду я растерялся, но почти сразу пришёл в себя, попытавшись клинком сбить животное. Не тут то было. Небольшой вес кошки и неистовые движения её жертвы не позволили точно нанести удар — меч прошёл по касательной. Пока я нелепо пытался нанести второй, подгадывая чтобы не зацепить воина, Охрон подлетев к парню, всадил остриё клинка с нижнего положения. Потом уже, когда перевязывали, рассмотрели, что десятник, не мудрствуя бил, куда сможет попасть, и частично прошёлся по плечу, но на тот момент удар казался выверенным и точным. Ну, или почти точным. Кот, сбитый с воина, но живой, крутанулся на месте и, поймав меня взглядом, ринулся снова в бой, подкинутый словно

пружиной. Но, эффекта неожиданности уже не было. Я ударом левой руки сбил полёт животного, а сидевший на "бочке" копейщик точным ударом пригвоздил того к земле.

— Вот же! — Охрон помогал спуститься раненому воину с лошади.

Кровь заливала доспехи верхового. Алтырей с нами не было. Понимая, что цель мохнатого киллера был совсем не этот воин и в связи с этим чувствуя отголосок вины, я, спешившись, помогал снять с него доспех. Вернее делал вид что помогаю, так как пытался левой рукой подать в плечо пострадавшего как можно больше силы. Разумеется, лучше бы было давать её понемногу и точно в каналы, но... во-первых, рассмотреть сколь либо их я не мог ввиду сплошного месива и дёрганья пациента, а во-вторых, рассекретить себя я тоже не мог. Отвлекло меня от этого увлекательного занятия непонятное ощущение — словно кто-то мозжечок сверлил. Я прекратив лекарские потуги, резко повернул голову назад. Серый, ничего не выражающий взгляд встретился с моим — орденский. Через доли секунды, не выдержав, я отвернулся. "А ведь он может быть видящим силу!" — мысль ледяной сталью охладила мой разум. Возобновить лечение воина я не решался — уж больно явственно ощущалось присутствие за спиной именно этого человека. Мысли лихорадочно пытались найти выход из ситуации. "Стоп, Элидар! Не паникуй. Ну и допустим, он видел магию. Сейчас ты ничего не изменишь. Видел, не видел... А вот раненому помочь можно", — и я, наплевав на орденского, тайно, а возможно, теперь уже и явно, продолжил вливать силу в парня.

По дороге до форта, я пытался следить за орденским, стараясь определить, догадался он или нет. Но тот не выказывал никакого особого, да и не особого, внимания к моей персоне. Это меня совсем не успокаивало, скорее наоборот. Всё-таки, какая зловредная сущность психологии человека. Под конец наблюдений, я уже был бы рад тому, что он знает, но с условием, что я знаю, что он знает. Способ проверить был. Меня же Дайнот раскусил. Но пока я не решался на это по одной простой причине: я не представлял, что буду делать. В смысле, если он вдруг видит силу. Убить? Других выходов я не знал, а этот меня не особо вдохновлял. Вот если бы уметь стирать память... Причём избирательно.

Зверьё северных земель продолжало кружить вокруг каравана, не проходила дня, как одно, а то и два животных делали попытку отведать моего сочного мяса, но я вынес урок из предыдущего нападения и старался держаться как можно дальше от флангов колонны, при этом, не снимая с предплечья щита, несколько маскирующего меня. Вернее, я надеялся на то, что маскирует, так как не знал, как эти монстры определяют магов. Ради того чтобы находиться в центре построения, пришлось временно пожертвовать своим жеребцом, посадив на него Расуна — объяснять причину отказов от дозоров и нарываться на неприятности с сотником не хотелось. А так вроде всё нормально, я на правах старшего по должности, разумеется, над простыми воинами, ехал спокойно, а Расун выписывал кренделя на Резвом вокруг каравана.

Ситуация с магом в караване, для окружающих приносила не только отрицательные стороны. Оказывается, многие воины воспринимали сопровождение в Северные земли не только как службу, а ещё и как возможность поохотиться и нехило так подзаработать — шкуры местных зверей, а иногда и иные части, стоили в империи приличных денег. А поскольку то, что убивали воины, не могло рассматриваться мытарями как собственность локотства или империи, то энтузиазм воинов можно было понять. Большинство из тех, кто ехал не первый раз, даже имели необходимые зелья, чтобы сохранить шкуры до возвращения. Одна беда, на обратном пути из северных земель, свою добычу надо было нести либо самому, либо договариваться с мытарями о транспортировке. И если шкурка вот того зверька что прыгнул на меня с дерева, не тяжела, то шкура медведеобразного монстра, напавшего уже перед фортом, весила очень даже прилично.

Зверь вышел, вернее, неуклюже выпрыгнул на нас из небольшого оврага. На миг оторопев от количества добычи перед ним, он с сопением ринулся в самую гущу, со скрежетом когтей пощипывая тех, кто не успел отбежать с его пути. Но войны есть войны, в течение нескольких секунд они оправились от неожиданности, и рыжеватый мохнатый верзила оказался окружённым частоколом копий. Сходство с медведем было однозначное, но... зверь был значительно крупнее. Нос более приплюснут. Не знаю, скалятся ли медведи, почему-то мне кажется, нет, но этот ещё как скалился. Жёлтые клыки в огромной пасти вселяли некий трепет, хотя длиной не поражали. Несколько обвисшая шкура и свисающие клочки шерсти по бокам — явная линька, отнюдь не придавали ему жалкий вид, скорее наоборот, вселяли веру, что зверь голоден и зол. Но самое главное его движения — он отнюдь не был валовым или медлительным. Для его размера он довольно шустро бил лапой по наконечникам копий.

— Поднимайте его на задние лапы! Злите! Злите! — Самым страстным охотником оказался Отон. — Куда!? Куда остриём тычешь?! Шкуру испортишь, мускун недоделанный! Надо на задние поднять!

Копейщики делились на тех, кто держал копьё остриём вперёд, в целях безопасности и тех, кто из-за их спин дразнил жертву ударами тупых концов "оглобель" по морде. Зверь словно чувствовал, что нельзя подниматься, и, сопя, старался, сбив лапой копьё, ринуться вперёд. Но после каждой такой попытки, зверь получал удары по морде, заставлявшие его с утробным рыком отходить назад.

Я не то чтобы трус..., но смотрел на эту картину, несколько отдалившись и запрыгнув, на чью-то оставленную лошадь. Главное, чтобы этот зверь не прорвался в мою сторону. Нет, уйти от него я, конечно, успею. Только вот по сотням и так шептались о некоторой несмелости десятника наказанных, в связи с моей манерой держаться в центре построения, и давать ещё один повод для слухов не хотелось.

— Давай, давай! Рыжий! Ткни ему в нос! — Не утихал голосище Отона.

И вот зверь разъярился и, наконец, поднялся. Огромная туша нависла над копейщиками. Тут же десяток болтов впились ему в грудь. "Медведь" стал опускаться, но самые проворные тут же стали вбивать ему в грудь копьё, не давая опуститься на передние лапы. Попытка конечно, учитывая вес зверя, была жалкой, но позволила арбалетчикам произвести ещё несколько выстрелов.

Дико и безумно. У меня бы даже мысли не возникло беречь шкуру при нападении этого монстра, но войны ребята довольно храбрые и безбашенные. Им всё-таки удалось вымотать "медведя" до того момента, как он захрипел и, подгибая задние лапы, стал падать на землю, правда... до этого момента один из них был в буквальном смысле переломан зверем. Воин зазевался и вовремя не выпустил копьё из рук, когда зверь поймав остриё пастью мотнул головой, в результате чего парень оказался в паре метров от опасности, чем зверь и не пренебрёг. Тело воина, с неестественно вывернутыми конечностями, похоронили утром.

— Теперь объясняй дракону,.. — Рут смотрел на процесс похорон со стороны.

Я предпочёл оказаться в данный момент поближе к верхушке нашего каравана, как к наиболее охраняемой от опасностей части.

— Утихомирите пыл охотников, — сотник, восседая на жеребце, смотрел, как разравнивали землю над могилой — не принято было в этом мире оставлять память об умерших. В идеале вообще сжигали, но у нас не было времени. Вот если бы сотник погиб....

Наверное, я бы на месте парней, вернее Шрама, поступил также. Да и действительно это было самым безопасным порядком передвижения — я ехал на некотором отдалении впереди, в качестве головного дозора двух десятков воинов. Идея эта пришла на ум Шраму после разрыва сразу десятка плодов ежиного кустарника, когда я проезжал мимо. Ежиный кустарник, это отвратительное растение, имеющее ярко оранжевые плоды, усыпанные мелкими иглами. И всё бы ничего, но плоды эти имели свойство с тихим хлопком взрываться, разбрасывая иглы несущие на себе маленькое семечко. Ну и... не все, но некоторые из кустов реагировали на меня. Причём если иглы обычных кустов, впившись в оголённый участок тела, вызывали лишь покраснение, то вот те которые пытались выпустить свои иголки в меня, несли гораздо более сильный яд. В тот раз попало сразу троим, в коих числах были я и Шрам. Реакция напоминала укусы шмеля. Огромного шмеля. А поскольку оголёнными участками тела у нас были только лица, то мы дней десять ходили с заплывшим левым глазом — среди имеющихся у воинов зелий не нашлось ни одного от опухоли. Хуже всего пришлось третьему пострадавшему — одному из мытарей, в него попало сразу четыре иглы и он, отчасти моими стараниями, чуть к духам не отбыл. Я, вновь проявив заботу о ближнем, хотел несколько облегчить страдания парня, когда он стал задыхаться от удушья — одна из иголок попала прямо в шею, направил в него толику силы. Что там было! Его голова на глазах превратилась в желтушную тыкву. Яд этих растений, оказался очень чувствителен к магии и только набирал свою силу при воздействии на него. По крайней мере, я сделал такой вывод, поскольку, когда я начал тянуть из него магию обратно, процесс распухания остановился.

Сейчас шёл четвёртый, последний наш рейд с мытарями, перед возвращением домой. И теперь я авторитетно могу заявить, что маг может выжить в Северных землях, но... если ему будут помогать другие и если он вовремя мобилизует свои силы, особенно шестое чувство. В моём случае, это было не эфемерное выражение и касалось далеко не пятой точки. Ещё до прибытия в форт, я задумался над ощущением моего взгляда окружающими. Если они могут его почувствовать, то почему, я, маг, не могу ощущать взгляд охотящихся на меня существ? Ведь они тоже порождения магии, ну или имеют к этому отношение. То есть.... Если кратко, то, как говорится, захочешь жить, не так раскорячишься. Мне удавалось в большинстве нападений почувствовать пристальный взгляд хищника. Да и собственно не так уж их много тут было. Нападали на нас всего лишь десяток раз... за один рейд. А вот после случая с кустом, со мной рядом старался ехать Сук, указывавший на особенности местной флоры. Для этого пришлось пересадить Ильнаса на "бочку".

— Лигранд, а ты за собой странностей никаких не замечал? — Сук ехал рядом, вертя в руках выкопанный на последней стоянке корешок.

— Нет, — ответил я на автомате, не обдумав вопрос воина, так как был занят сканированием местности, а мой собеседник имел обыкновение задавать странные вопросы.

В прошлой поездке он спросил, не хотел ли я когда-нибудь стать лекарем.

— Смотри, какие диковинки у нас на Севере растут, — Сук, вздохнув почему-то, достал из-под доспеха древесный гриб, используемый алтырями для приготовления основ зелий, и приблизил его к корешку.

Корешок сменил цвет на голубоватый. Я присмотрелся. Да он светится! То, что я принял за смену цвета, было свечение.

— Держи, — протянул он мне корешок, который сразу как отдалили от гриба, затух.

Я, не понимая подвоха, протянул руку. Корешок сразу, как только коснулся моей перчатки вспыхнул ярко голубым. От неожиданности я выронил его. Сук никак не отреагировал на это. Некоторое время мы ехали молча. Я переваривал произошедшее.

— Почему он засветился? — Наконец решил я прояснить ситуацию, хотя ответ уже знал, но первым это произносить не хотелось. А вдруг я ошибаюсь?

— Светится, когда к магии приближается, — прищурился, ответил Сук и тут же продолжил.
— Орденские тоже догадываются.

— Откуда знаешь?

Орденские, похоже, действительно раскусили меня. Да и глупо было бы не понять. Нет, кто не имел подозрений, связать меня и нападение зверья не мог бы. Наверно. А вот если иметь догадки... Мне кажется, из моего десятка только Расун на меня не косился.

— Я слышал, как они мытаря расспрашивали. Ну, того... красноголового....

Цвет лица мытаря, после расстрела иголками, под который мы попали, был действительно пунцовым.

— Я понял. Что они спрашивали?

— Какой куст был?.. Что именно ты делал потом...

— А тот?

— Он не помнит толком ничего.

Мы ещё помолчали некоторое время.

— Кто ещё такой догадливый? — Решил я прояснить ситуацию.

— Не знаю. Наши, думаю, все понимают, что что-то не так. Только молчат.

— А ты, значит, решил узнать наверняка? — Съехидничал я.

— Нет. Мне тоже всё равно. Твои проблемы. Просто у нас в деревне, тоже алтырь был...

Сук явно не просто так рассказывал мне это.

— Здесь в Северных землях?

— Да.хлопотно, но кто живёт за счёт охоты, могут принять.

— Причём тут охота? Вместо приманки что ли?

— Нет. Им лекари нужны. Да и они не так зверья боятся. Выкопают тебе землянку, и будешь жить себе спокойно. Из деревни только не выйти.... Да бабы не будут с тобой...

— Почему?

— Так кому же охота детей чтобы орден забрал.

— Я про невыйти.

— Ааа! Не выпустят. А то потом зверьё по твоему следу в деревню идти будет.

Я оглянулся назад. Точно! Зверьё по следу идёт за мной!

— Не, сейчас ты верхом, они не чувят, — словно прочитав мои мысли, произнёс Сук. — Подумай...

Я резко взмахнул рукой, обрывая собеседника и одновременно натягивая повод Резвого.

— Справа, — я, осматривая округу, краем глаза видел, что копейщики спешившись, уже бежали к нам.

В большинстве случаев, завидев такое количество воинов, звери убегали — либо магическими не были, либо у магических, есть чувство самосохранения. Но в этот раз ощущение взгляда не пропало.

— Земляной дракон, — прошептал снизу Отон когда кусты с шелестом начали расходиться в стороны.

— К мытарям! — Спешиваясь, рыкнул я на прибежавшего вместе с моим десятком Ильнаса. — Лошадей уведи.

Резвый уже начал нервничать, испуганно косясь на опасность. Если честно, то после лопотуна — того самого медведя с приплюснутым носом, этот не казался таким уж страшным. Но поскольку этот зверь легенда — в честь него и называли тысячников, то я был наслышан, что его просто так не убить — зверь должен был быть покрыт чешуйчатой бронёй. Хотя сейчас я не наблюдал оной. Просто ещё один медведеобразный зверь, причём гораздо меньшего размера, чем тот которого мы убили перед фортом.

— Очень медленно отходи, — отдавая повод кобылы моему младшему воину, тихо произнёс Сук. — Остальные не двигайтесь, может ещё уйдёт.

— Сомневаюсь, — понимая, что это очередная зверюга привлечённая мной, пробурчал я себе под нос.

— Не-е-ет, этот на всех....

Договорить Сук не успел — дракон сначала медленно, а потом, перейдя на медвежий галоп, ринулся на нас. Единой тактики противодействия мы не успели выработать, уж больно быстро опасность оказалась около нас. У кого были копыта — выставили их вразнобой в сторону дракона. У кого не было — то есть я и Сук, оголили клинки. Возможно, если бы парни были со щитами, вышло бы по-другому, но... за время рейдов все привыкли к охоте, а не к защите. А тут....

Дракон перед строем опустил голову вниз, почти к самой земле и тараном, словно бронетранспортёр, врезался в наш строй. Острия копий скользнули со скрипом по чешуе под скудным мехом, не причинив вреда. Наверное, со стороны, это очень напомнило удар шара по кеглям. Только вот мохнатый "шар", схватив за ногу одного из воинов, потащил его за собой. Сук не кричал. Он, скребя руками по земле, пытался вырваться от зверя. Отон было побежал с копьём за ними, но дракон резко остановился, и, прижав жертву лапой к земле, мотнул головой. Хруст костей заглушил пронзительный вопль воина. Зверь развернулся на нас снова. Отон уже пятился обратно.

— Его спереди не взять. Надо сзади бить, под чешую, — понимая, что атака сейчас повторится, почему-то прошептал Шрам.

Охота в этот раз была точно не на меня, так как дракон, по только одному ему известной логике, выбрал объектом следующего нападения не кучку воинов оцетинившихся копьями, а разворачивающийся караван. Попыхтев, он уверенно двинулся в его сторону. Разум человека забавная штука. Дунканом Маклаудом я себя никогда не считал, а тут вдруг проснулось бесстрашие, подгоняемое откуда-то взявшейся злобой и мыслью о Ильнасе, гарцевавшем на Резвом, помогая мытарям заворачивать туповатых тяжеловозов. Бежать в полном доспехе, пусть и магически облегчённом, дело не самое лёгкое. Кажущийся неуклюжим земляной дракон, был быстрее меня и успел бы натворить дел в караване, если бы не Ильнас. Парень направил жеребца прямо на дракона, чем сбил с толку зверя, заставив изменить направление атаки на мелкого и наглого всадника. Практически перед самым носом мохнатой горы, именно в тот момент, когда дракон опустил голову, Ильнас резко повернул в противоположенную от меня сторону. Зверь, остановившись, недовольно рыкнул, провожая взглядом уходящую добычу. Обескуражен был не только зверь. Я тоже замер. Нас разделяло всего метров пять. Дракон не видел меня, но и мой запал как-то пропал. Мохнатая туша, словно в замедленном кино стала разворачиваться. Зелёная чешуя, прикрытая редкими волосками шерсти, скрежетала при движении, создавая лёгкий шелест. Мысли вертелись с бешеной скоростью. Бежать поздно. Втыкать казавшийся игрушечным клинок в заднюю часть зверя — бессмысленно — сомневаюсь, что сердце у него там. А приблизиться сбоку я не успевал. Пульс бешено учащался, под действием адреналина. Разум осознавая безысходность ситуации отключился. По-другому объяснить свой поступок я не могу. Со всей возможной скоростью я ринулся на зверя, стараясь зайти со стороны, обратной от той, куда поворачивался дракон. Мысли если и были, то не успевали за развитием событий. Только до дракона дошло, что опасность с другой стороны, и он изменил направление разворота, как я, держа меч двумя руками, воткнул его под углом, чтобы вогнать под чешую...

Не знаю, магически ли выведен этот зверь или над ним так потрудились местная эволюция, только защита получилась потрясающей. Клинок мягко прошёл между огромных чешуек и тут же уткнулся в рёбра. Ошалевший от боли дракон отпрыгнул от меня. Выпустить клинок я не успел и, потеряв равновесие от рывка, растянулся прямо перед опасностью. Холодный ветер приближающейся смерти окатил всё тело, заставив вздрогнуть.

— А-а-а! — Шрам с разбега нанёс копьём удар, отвлекший от меня дракона.

Зверь резко дёрнулся к уже убежавшему Шраму, повернувшись ко мне задней частью. Шрам не успевал уйти под прикрытия копий оцетинившихся десятков. Я словно пружина прыгнул вслед дракону и нанёс ему колющий удар, готовясь бежать в другую сторону. Мой удар большого вреда принести не мог, но отвлек от Шрама.

А никогда не понимал адреналиновых наркоманов. В спорте да. Вот противник. Вот ринг. Цель — победить. А в пустом хождении по парапетам... Не понимаю. Но тут... Меня словно подменили. Возможно, на мою психику подействовала проснувшаяся магическая составляющая... Я, нечеловечески хохоча, злил дракона ходя практически по лезвию смерти. Уворачиваясь от когтистых лап на грани возможностей организма, я рубящими ударами старался раскромсать слабо прикрытые чешуёй конечности монстра. И зверь отступил. Нет, не убежал, но в какой то момент перестал нападать, и просто пыхтя замер на месте.

— Может не стоит, на него только маги охотятся, — Лывый стоял слева от меня, направив на зверя копьё.

Пока мы тут танцевали ламбаду с драконом, парни успели добежать до нас и взять зверя в полукольцо. "Маги!" — Злоба на себя, ударила словно кувалдой. По сути, я только что размахивал автоматом как дубиной, не догадавшись нажать на спусковой крючок. Нет, ну вот чего стоило, в момент удара, пустить молнию по клинку? Уверен, никто бы не заметил. Я уже проверял — разряд видно, только если он проходит через воздух.

Уходить, обескураженный моей наглостью зверь, не спешил. Но и нас не отпускал. Только стоило нам начать пятиться, как он сделал шаг в нашем направлении.

— Дайте мне сбоку зайти, — я, уйдя за спины воинов, медленно стал обходить дракона.

Медленно и плавно, стараясь не привлекать к себе внимания, я уходил из поля зрения дракона.

— Ха! Ха! Ха! — Анри криком пытался отвлечь от меня зверя.

Шаг... Ещё один... Ещё... Дракон словно понял, что его пытаются обмануть, начал поворот на меня одновременно с моим рывком. Но куда ему тягаться со скоростью мага! Укол и выброс магии. Даже предположить не мог, что эта туша может так визжать. Отпрыгнув от меня, он, словно щенок, крутанулся на месте, заставив нас слегка отступить, и, замерев на мгновение, поймал взглядом ближайшие деревья. Судя по телосложению, зверь не должен быть ловким или очень уж быстрым. Но по факту, скорость, с которой он убежал от нас, поражала.

Сук был в плачевном состоянии, но ещё дышал. Разорванная лапой грудь. Искорёженная нога. Я пытался его спасти. Честно. Шрам отогнал всех в сторону и совместно с Ильнасом перевязывал раны пострадавшему. Я же влил в тело воина приличный объём магии, пытался зашить самые серьёзные повреждения. Про соединения каналов при таких повреждениях нечего было даже думать. Оголённые рёбра бы прикрыть.

— Иль, плесни.

Кровь из ран, попадая на пальцы, настолько смазывала иглу, что она просто выскользывала. Поэтому приходилось регулярно ополаскивать руки. Парень, схватив котелок, полил мне. Понятно, вода не кипяченая, но я надеялся на дезинфекцию магией.

— Всё хватит. Бледный ты очень. Если мутит, мы сами справимся.

Ильнас помотал головой.

— Как хочешь.

Разговаривал я скорее для себя — нужно было отвлечься. Не смотря на все наши старания, уже было понятно, что нам не спасти воина. Практически через пять-шесть минут, после того как я вливал в него магию, он начинал часто и прерывисто дышать. Я снова прикладывал руки, вливая в тело силу. Но каждый следующий раз наступал быстрее предыдущего. Да и мои силы не безграничны. Руки уже потрясывало, когда я лил магию. В какой то момент, я понял, что Сук в сознании. Карие глаза, смотревшие на меня, резко контрастировали с матово-белым цветом лица. Но замереть заставила не цветовая палитра смерти, а взгляд. Сложно описать взгляд умирающего человека. Даже не так. Взгляд человека, который понимает, что он умирает. Тоска, переполненная недоумением: Почему я? Как так? Зачем?

Сук что-то прошептал.

— Что? — Я наклонился к лицу воина.

— Упе... Упей...

— Не, не Сук. Держись. Всё будет хорошо.

— Нет, я зна... Прошу, — голос воина прозвучал чуть громче, — убей.

Я оглянулся на Шрама. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Затем Шрам встал и, взяв за плечо Ильнаса, потянул его за собой. Парень вроде дёрнулся, но Шрам сжал руку. Я смотрел вслед уходящим, не решаясь посмотреть в глаза умирающему. Когда я пересилил себя, Сук уже был без сознания, и вновь прерывисто дышал....

Смерть среди воинов дело обыденное и привычное, так что уже через полчаса, после того как Отон и Лывый разровняли землю на могиле, все были заняты вечерними хлопотами по обустройству лагеря — вечеряло, и я принял решение разбить лагерь рядом с местом нападения земляного дракона. Нет, изначально я пытался увести караван подальше, но мужики, те, что поопытней, сказали, что лучше здесь. Дракон вернётся вряд ли, а вот остальное зверьё вернее всего будет обходить место где пахнет столь могучим зверем. Послушав совета, я дал команду на разбивку лагеря.

— Ты зачем сунулся? — Перехватил я Ильнаса тащившего к месту сна войлочные попоны с лошадей.

— Так он разогнал бы лошадей, где бы потом искали?

— Чего ты, Лигранд? — Вступился Шрам. — Правильно он всё сделал. Отвлёк на себя внимание.

— Ну, да. А если бы лошадь споткнулась? Сейчас бы двоих хоронили?

— Если бы... Если бы корень как у коня — холодца бы наделал тогда. А так правильно всё сделал и на рожон не лез. Можно было бы и пораньше завернуть, конечно....

— Да куда уж раньше? — Раздухарился окрылённый поддержкой Шрама Ильнас. — Вы, дядь Шрам вообще кинулись с копьём, чтобы Элид... дядь Элидара спасти.

— Ты меня с собой не ровняй! Я жизнь отжил и могу ей поиграть! А ты ещё бабу не трогал! Резвый он какой. Сказано раньше надо было! Значит раньше! Я не посмотрю что воин! Ша узду возьму, да отхожу как надо!

Шрам ворчал ещё минут десять, перебиваемый слабыми попытками Ильнаса оправдаться. После напряжения боя и попытки спасти Сука, нервы требовали разрядки. У меня невольно поползла улыбка, когда сам же заступник, чуть не высек пацана за то, что тот перечит старшим.

— Шрам! — Решил я спасти Ильнаса. — Правда, а сам то чего сунулся к земляному?

— Не знаю. Привычка наверное. Ты недавно в войсках, а тут ведь как.... Если друг другу не помогать в бою, то всех перережут. Стоять!

Последний выкрик относился к Ильнасу, вырвавшемуся из рук воина. Шрам побежал за ним. Я же прихлёбывая из кружки отвар, принесённый Анри, размышлял над последним разговором с Суком. Может действительно остаться здесь? Переговорить со старейшиной, старост в местных

деревнях не было.... Оять же раскрывать мага в себе перед незнакомым человеком не хотелось. Нашептать, конечно, вряд ли нашепчут — попросту некому рассказывать, но привычка скрывать магию въелась уже в подсознание. Хотя последнее время,... в особенности, после того как понял что раскрыт орденоскими, я расслабился. Взять хоть попытку спасти Сука. Те, кто видел как лечат алтыри, могли даже издали понять всё. Попереливав мысли из пустого в порожнее, я решил, что в деревне видно будет. Но... моим ожиданиям не судьба была сбыться.

После относительно спокойной ночи — сигнальный "фонарь" вспыхнул лишь раз, и то на какую то мелкую живность, мы за полдня добрались до искомой деревни. Только вот встретили нас не совсем гостеприимно — метров за двадцать до закрытых ворот перед копытами Резвого воткнулась стрела.

— Это что значит?! — Крикнул я в сторону частокола, разгоняя магию по телу — получить такой подарок в голову не хотелось.

— То и значит! Давай назад поворачивай! Здесь вам, падальщики, не рады! — Раздался зычный голос.

Я как-то опешил. Ни в одной деревне проблем со сбором дани мы не испытывали. И тут на тебе!

— Пусть старший выйдет! — Видя моё замешательство крикнул Лывый.

— Зачем?!

— Поговорим! — Крикнул уже я.

— Елий! Вон тому на жеребце! — Раздался всё тот же голос.

Из частокола тут же вылетела стрела. Стрела не пуля, скорость конечно ниже, но увернуться полностью я не успел, и она вскользь ударила по доспеху, отлетев в сторону.

— Следующая с наконечником будет! Давай отсель!

Шрам, подняв стрелу, показал её мне. Вместо наконечника был примотан камень.

— Назад! — Скомандовал я.

Ещё дважды я и один из мытарей, которого одели в доспех, пытались подъехать к воротам. В последний раз стрела прошла сантиметрах в двадцати над головой мытаря, после чего мы решили больше не рисковать. Двумя десятками воинов взять деревню в два, два с половиной десятка домов, то есть, учитывая местную специфику больших семей, там могло быть более полусотни мужиков, я даже пытаться не стал. Шрам говорил, что если в поле, то мы бы их раскатали как земляной дракон мускуна, но брать деревню приступом....

Если честно... взяли бы. Подождли и взяли. Кто-то из воинов так и предлагал. Причём довольно настойчиво. Но... я не был готов воевать с селянами. А мужики только с облегчением приняли мой приказ разворачиваться, свалив ответственность на десятника. Им это было тоже не в удовольствие — почти все выросли в таких, либо подобных, деревнях. Я понимал, что Рут по голове не погладит, но вроде как силы не равны и не видел в возвращении ничего особенного, а зря...

Сотник имел на это событие несколько иной взгляд:

— То есть, как не стал брать приступом?! Ты вёл туда два десятка людей! Три четверти твоих воинов не первый раз идут в северное сопровождение! Я дал тебе шанс выбиться из десятников наказанных вверх, а ты всё..!

— Ты что... знал, что они не отдадут налог?

— Сотник! С этого момента добавляй сотник, воин! Конечно, знал! Почему, как ты думаешь, твой десяток был усилен? Почему с тобой не было локотских? Идиот! Мясо мускуна! Тебе.... Тебе навоз убирать надо, а не десятком командовать. Лигранд, ссс.... Чистюли благородные! Ты понимаешь, что ты наделал? Сейчас туда уйдёт новый отряд, но вернее всего там уже никого не будет, и мытари об этом обязательно расскажут по возвращению. А локотский сотник, не забудет упомянуть, о том, что я не поставил в этот рейд его воинов!

— Откуда ты знал?

— Сотник!

— Сотник.

— Какая теперь разница?! Не точно знал, но предполагал.

— Сказал бы сразу.

— Зачем? Ты десятник или..! Тебе Нарит говорил, что надо поджечь деревню?

— Говорил.

— Почему.?! Почему не послушал? Кусок дерева! Я думал ты разумный человек? Ты ведь не себя, ты меня подставил! Мало того что ещё три недели здесь торчать будем из-за тебя, так ещё и когда вернёмся, не факт что с меня перевязь сотника не снимут! А знаешь... — сотник откинул полог шатра. — Воины, ко мне!

— Сдай оружие, — когда стража шатра вошла внутрь, скомандовал мне сотник.

— Руг...

— Сдай, я сказал! — Лицо сотника перекосило от ярости.

Через час на моих руках красовались усиленные магией деревянные кандалы, а к ноге была прикована цепь, второй конец которой был прикреплен к штырю, вбитому в дерево.

Глава 16

В такой навоз в этом мире я ещё не попадал. Мало того, что дракон не преминёт воспользоваться таким шансом, так ещё и орденские откровенно улыбались, глядя на меня.

Две десятины, я как цепной пёс прожил у дерева. Но, нет худа без добра. За это время успел оценить ситуацию и принять единственно верное решение — бежать. Не знаю, что мне светит в тысяче за то, что не сжёг деревню, может палки, может разжалование, но уж точно не смерть. А вот от ордена.... Сук правильно говорил, надо стать селянином, только не в Северных землях, хлопотно слишком, а в империи. Сделать документы, если попросить отца, полагаю, труда не составит. А там, притулюсь где-нибудь в деревеньке или городке, где о магах только слышали,

и буду жить поживать, да магических сил наживать. Ну, а что? Всё лучше, чем пятки в пламени греть. Собственно я даже готовиться к побегу стал, пробуя магией на прочность кандалы.

Именно сейчас я бежать не собирался — одному из Северных земель будет сложно вырваться. Орки опять же.... Поэтому побег я отложил на время, когда будем поближе к обжитым землям империи. Заодно и внимание стражи притупится. Хотя они и так не очень за мной бдели.

Деревню всё-таки сожгли. Как и предполагал Рут, там уже никого не было. Это оказывается частое тут явление, когда деревне рассчитываться нечем, они срываются с обжитого места и уходят в леса, чтобы расчёт живой силой, то есть ими же самими, не взяли. На следующий год, их, конечно, снова найдут, так как земля слухами полнится, но они скажут, что слыхом не слыхивали о той деревне, и заплатят налог только за текущий год. А то и снова уйдут. Говорят, тут полно таких кочевых деревень.

Как только вернулся карательный отряд, сотни стали готовиться к выступлению в обратный путь.

— Держи, — Шрам присел рядом, протягивая деревянную плошку с кашей.

— Спасибо, — принял я у него посуду.

Есть было жутко неудобно — кандалы мешали. Но я за две десятины приноровился. Приходилось подводить кандалы под подбородок, ставить на них посудину придерживая рукой, а второй, движением кисти, брать кашу лопаткой и отправлять в рот.

— Гривый, там, у Хлипкого, вино пьют, — намекнул Шрам стражнику.

— Он мне не нальёт.

— А вдруг?

Гривый, молодой парнишка с торчащим вихром, за что и получил своё прозвище, покосился на Шрама. Затем встал с полена, на котором сидел и отошёл к соседнему дереву, как бы проверить будущих рабов, закованных, как и я, в кандалы — четверых селян и селянку — женщину лет сорока. Их забрали из одной деревни за неуплату налогов. У них, пожалуй, положение было похуже моего — меня хоть кормили более-менее нормально, в отличие от них. Хотя опять как хуже... они однозначно уже знали свою судьбу, а вот я...

— Чего думаешь? — Шрам, глядя на суматоху в лагере, вертел в руках ветку.

— Да тут, куда не кинь, всюду клин.

— Интересные слова, — усмехнулся воин. — И всё же?

— Тебе думаю знать не надо. Чувствую себя рабом, — кивнул я на своих соседей, чтобы перевести разговор со щекотливой темы.

Рассказывать Шраму о своих планах я не хотел — меньше знает — спокойней спит. Да и потом чуть что, ему будет проще сказать, что ничего не знал.

— Да мы все здесь рабы, — философски заметил Шрам. — Да и не только здесь. Северяне вон молодцы — свободный народ.

— Я вижу, — покосился я на соседнее дерево.

— Ну, так за всё своя плата. У них был выбор — могли всем селом уйти.

— Мне то не рассказывай про выбор.

Мы помолчали некоторое время. Вернее Шрам просто помолчал, а я был занят поеданием непритязательной пищи, в виде пустой каши.

— Как погрузимся, — нарушил тишину Шрам, — я скажу, где узел с твоими доспехами. Туда же мешок круп положу, лук, да ещё кой чего по мелочи. Жеребца твоего Рут сегодня забрал, сказал, на время перехода лошади нужны. Отстоять не удалось. Уж извиняй. Ротимур сказал, у него тоже хороший конь.

— За доспех и крупы спасибо. А вот лук не надо — я не умею, — ответил я на совсем даже непрозрачный намёк воина.

— Всё забываю, что ты из знати. Знаешь, Лигранд, не похож ты на сына грандзона. Те как звери... а ты другой. И деревню палить не стал, и девку ту, взять не дал.

— Всё ещё злитесь?

Был у нас в одном из рейдов случай, когда в селе отдавали налог не скопом за всё поселение, а каждый двор за себя. Ну и у одного из мужиков не хватило шкур рассчитаться. Вернее мытари посчитали стоимость того что он отдал так, чтобы не хватило — очень уж у того дочь была симпатичная. Соответственно ему было предложено два варианта — либо дочь отдать под весь десяток, либо дочь в рабство, что собственно кончилось бы тем же. Взятие налоговой недоимки производили в сарае. Меня уведомили уже по факту договорённости — Ильнаса прислали. Вовремя я не успел, но своим не дал насиловать. Мытаря прямо без штанов выкинул на улицу. Десяток тогда дней десять со мной сквозь зубы разговаривал. Мытарь вообще доложить грозился. Хотя куда докладывать — самому бы палок дали.

— Нет, парни бурчат, конечно, до сих пор — красива была зараза, но зла не держат. Только и ты словно девица непочатая мнёшься — и хочется замуж, и дать не могу. И десятник вроде, и клинок не выну.

Воин замолчал на пару минут. Была в нём какая-то усталость в тот момент.

— Ладно, пойду я. Гривый вон мнётся, — Шрам взял из моих рук пустую плошку.

— Давай. Нашим привет.

— Ладно.

Когда Шрам ушёл, вспомнилась та девчушка. Правда, очень красивая. Пока тогда своих разгонял, крамольная мысль воспользоваться проскочила. Эх... Что мы за народ — мужики. К спине палки приближаются, причём во всех смыслах, а перед глазами юбки мелькают.

Караван выдвинулся на следующий день. Ещё через десятину на "бочку" где я восседал, перекочевал тюк с моими вещами. Благо, что лошадь была отдана под поклажи воинских, и никто не контролировал, что на ней везут. С десяток раз, пока мы ехали по территории Северных земель, на караван нападали звери, но поскольку меня везли почти в "голове", где охрана каравана была усиленной, то до меня магические животные добраться не смогли. Ну а

уже когда мы вступили на территорию перешейка между океаном и орочьими степями, я вздохнул с облегчением — один из этапов квеста на выживание, пройден.

Основной проблемой теперь стали кандалы. Я был почти уверен, что смог, гоня магию из запястья в запястье, размягчить укрепление деревянного украшения моих рук. По крайней мере, мои длинные нестриженные ногти оставляли уже на дереве след, чего раньше не было. Только вот в моём деле была важна каждая мелочь и "почти" меня никак даже не устраивало. Ещё у деда мне попадалась книга с описанием действия живой магии на неживые предметы, но на тот момент я был настолько слаб магически, что даже вникать не стал, предпочитая изучение воздействие магии на организм. Теперь бы рад был, только, кто бы научил.

— Зеленомордых чего-то не видно, — произнёс седой воин, шедший рядом с моей лошадью.

— Соскучился что ли? Нет и не надо, — ответил ему мужик зим тридцати — тридцати пяти.

— Дурень. Раз их нет, то что-то задумали. Так бы всё равно на кого-то нарвались. Они здесь постоянно крутятся. А сейчас... тихо уж очень. Встретят вот с того холма, даже построиться не успеем.

— Нее, там только что наш разъезд был.

— То-то и оно, что был. Ты заметил, что сразу с холма едут сотнику докладываться. Не к добру это всё.... Гляди, так к вечеру за древко братья придётся.

Я тоже обратил на этот интересный факт внимание. Если раньше разъезды осмотрев округу подавали знак рукой что всё в порядке, то теперь зачастую кто-то ехал докладываться сотникам. Причём пару раз после таких докладов караван останавливался чуть ли не на час.

Орки были не дураки. Далеко не дураки. Началось всё во время переправы через небольшую лениво текущую реку. Рут вроде сделал всё правильно. Сначала мы остановились перед бродом раскинувшимся несколько шире остальных основного русла, и разъезды проверили лес на противоположенном берегу. Затем, разослав разъезды на стражу, на тот берег переправились арбалетчики, и копейщики, вставшие в круг оцепления на сравнительно небольшой поляне. И только потом началась переправа. Ошибка была одна — основной руководящий состав, то есть оба наших сотника, переправлялись вместе, причём из-за узкого брода без бокового охранения. Когда они достигли середины, вальяжно раскинувшейся в этом месте реки, из ветвей склонившегося прямо к воде одинокого дерева ниже по течению, вылетели четыре стрелы. Моего "скакуна" как раз готовили к переправе, поэтому я прекрасно рассмотрел эту сцену. Не знаю, куда попала стрела Руту, но он практически сразу мешком свалился с лошади. Второй сотник оказался везучее — стрелы срикошетили от доспеха. Но, везение на этом закончилось. Стрелы второго залпа, были направлены только на него. Воины личной охраны, ехавшие впереди, немного не успели прикрыть щитами. Одна стрела впилась в бедро сотнику, а вторая, воткнувшись в круп жеребца, заставила его встать на дыбы. Раненый сотник не удержался и полетел вниз. Но, запутавшись в стремени, потащился, рассекая воду, за обезумевшей лошадью. Буквально вылетевшая из кустов лодка с четырьмя машущими вёслами бугаями в это время уже отдалялась от брода.

Дальнейшие события развивались с невероятной скоростью. Сзади каравана раздались крики локотской сотни:

— Орки! Орки!

Наверное, если бы локотский сотник дал команду встать в оборону от показавшихся сзади них зеленомордых, то всё было бы не так плачевно. Но, сотня полным составом рванула через брод. Резон, конечно, тоже был. Река, как ни крути — преграда, и встречать врага при переправе через узкий брод удобнее. Только вот позднее стало понятно, что это лишь отвлекающий манёвр, посеявший панику. Орков сзади локотских было всего десятка два.

Мечущиеся воины стеснили в сторону вьючных тяжеловозов, стараясь переправиться как можно быстрее. Вместе с ними оттеснили и меня. Когда наплыв вояк стал спадать, я попытался сдвинуть с места груды мяса подо мной, но этот увалень имел свой взгляд на стечение обстоятельств и довольно шустро побрёл по берегу в сторону. Для побега это был почти идеальный вариант. Только вот я тоже считал, что на этом берегу орда орков и, спрыгнув, перехватил повод лошади, потащив животное в воду. Можно было бы и без него, но мне было видно, как орочьи стрелы летят в спину переправляющимся. А я был без доспеха.

Спрятавшись за тяжеловозом, я брёл уже по шею в воде — мы были метрах в двадцати от брода. Когда голову пришлось задрать, чтобы не нахлебаться, я остановился, дёргая повод моего скакуна вперёд. Он вроде понял, что от него требуется, и побрёл дальше, а я, зацепившись за поклажу, повис на нём. Где-то в середине этот увалень взбрыкнул, потеряв под ногами дно, но тут же, по-видимому, достал его, потому как успокоился и стал двигаться в сторону берега несколько быстрее.

Когда я добрался до берега, последние воины локотской сотни, бросив часть тяжеловозов на том берегу, уже пробежали сквозь оставленные между щитами "ворота". На взбаламученной глади реки оставались лишь скованные между собой рабы, тащившие либо мёртвого, либо раненного товарища и пара "бочек", шедших по привычке за ними, тем самым, прикрывая от стрел орков. Орки весело галдя, гарцевали на оставленном нами берегу. Изредка кто-то из них посылал в нашу сторону стрелу. Их было всего то пара десятков. В основном они восседали на крепких лошадях, казавшихся по сравнению с ростом седоков, приземистыми, но трое... Трое сидели на лохматых животных. Подробно рассмотреть издали было сложно, но судя по прыжкам и выкрутасам одного из всадников — очень опасная пара. Животное, делало по-кошачьи несколько впечатляющих прыжков в длину, после чего почти ложась на бок и вцепившись в дёрн когтями — разворачивалось. Но главное не это. Главное что всадник словно предугадывал движения. Они были как одно целое и это при отсутствии узды! По крайней мере, я не видел, чтобы орк тянул поводья. Более того, он держал в обеих руках по прямому клинку.

Наши арбалетчики пытались изредка выстрелить, но орки точно вымеряли расстояние и болты подлетали к ним уже на излёте, тогда как их стрелы щёлкали изредка по нашим щитам.

Дальше глазеть на представление противника я не стал, так как откуда-то со стороны наших войск вновь раздались пронзительные крики...

Первыми под мечи основной части орочьих войск попала локотская сотня. А нечего было прятаться в тылу наших. Конечно, жаль было людей, но толика злорадства над локотскими проскользнула, когда до меня дошло что к чему — орки тупым обманом рассеяли наше внимание и напали с этого берега.

— Тикайн! Разруби! — Крикнул я воину из соседнего десятка мчащемуся куда-то.

Вообще вокруг стоял хаос. Все что-то орали. Кто вставал в боевую позицию в сторону криков локотских, кто в сторону реки. Арбалетчики вообще растерянно стояли — десятники не могли дать команду куда стрелять.

Тикайн вроде сначала проигнорировал мой крик, но потом развернулся:

— Чем?

До меня дошло, что у него только щит и копьё.

— В тюке мой клинок, — кивнул я на тяжеловоза.

Парень с сомнением огляделся вокруг, потом мельком глянул на меня и, опустив стыдливо глаза, попятился:

— Не могу, десятник. Тебя же Рут велел...

— Духи тебе в грызло! Орки вокруг! Меня же убьют! А так ещё один воин...

Договаривать я не стал. Подошвы воина уже мелькали в сторону муравейника сотен.

— Ротим! Ротим! — Увидел я скачущего друга и замахал кандалами над головой.

Услышать он меня в общем гаме точно не смог бы, но каким-то чудом, не смотря на шлем ограничивающий зрение, увидел. Сориентировался он быстро. Развернув на месте свою лошадь, Ротимур, чуть не затоптав зазевавшегося мытаря, рысью подъехал к одной из обозных и, нагнувшись, вынул из кучи вещей топор.

— Ставь на землю! — таким серьёзным и немногословным этого баламута я ещё не видел.

Встав на колени, в позорную для мужика позу "кошечки", как говорила Светка, я вытянул руки как можно дальше вперёд. Не самые приятные, скажу я, ощущения, когда тебе долбят промеж рук топором. Пару раз кандалы так сыграли, что содрали в кровь кожу на запястьях. Наконец звонкий удар топора известил о том, что верхняя половина уз разбита.

— Сейчас лошадь найдём, — ровно произнёс Ротимур.

Его спокойствие каким-то непостижимым образом передалось и мне. Встав и вытерев руки рукавом засаленной рубахи от крови, я направился к тяжеловозу. Сняв и развязать тюк, заботливо приготовленный для меня Шрамом, я развернул его. Сзади раздался топот копыт. Ротимур кинул мне узду какой-то клячи. Я, поглядев на доспех, грустно вздохнул — одеть не успею — долгая это процедура. Вынув из кучи блестящего металла, шлем и перевязь с клинком, запрыгнул на лошадь.

— Надо свободных лошадей собрать, — ставя ногу в стремя, произнёс Ротимур. — Мытарей и обозных выдёргиваем из сёдел. Я, молча, ударил пятками под рёбра своему транспорту, пытаюсь успеть за другом, чем изрядно напугал лошадь.

— Получше не мог найти? — Проворчал я.

Ротимур улыбнулся. Пока забирали у обозных лошадей, он рассказал мне создавшуюся ситуацию. Оказалось, всё было не так уж плачевно. По крайней мере, с имперскими сотнями. Локотские воины, сами не понимая, спасли положение. После того как они сбежав с того берега оказались в тылу наших сотен, на них пошла лавина конницы орков, превратив тыл в передовую. Локотские толи от испуга, толи, продолжая начатое бегство, попытались уйти вдоль реки. Большая часть орков села им на хвост, с азартом рубя убегающих людей. Та же небольшая часть зеленомордых, что атаковала наши сотни, получила хоть и не слаженный, но

отпор. В итоге мы получили недолгую передышку.

— Ладно, я этих уведу к Охрану, — забирая у меня повод только что изъятый у мытаря лошади, произнёс Ротимур, — а ты дальше собирай.

— Хорошо.

— Куда?! Сучьи дети! — Орал тот самый седой воин, что обратил внимание на отсутствие орков.

Мужик, хотя уже даже старик, пытался поймать убегающих воинов за рукава.

— Куда? Они же так всех порубят. Воротайтесь!

Тут ему пришлось отскочить, так как младший воин Рута пронёсся на своём жеребце чуть ему не по ногам. Я, направив лошадь наперерез парню, попытался остановить его, но тот вовремя заметил.

— Стой! Зарублю! — Закричал я, удивившись своему голосу.

Зычно. Громко. Беспрекословно. Парень чуть не выпал из седла. Его конь крутанулся на месте.

— Слазь!

— Это, чего это? — попытался выкроить время для раздумий воин.

Мой меч упёрся ему в доспех. Потянув поводья, он сдал назад.

— Слазь ссыкун!

— Ага, сейчас! — парень попытался пришпорить лошадь, но тут же его кто-то выдернул из седла в противоположенную от меня сторону.

— Стоять! — Преградил я дорогу убежавшим копыеносцам.

— Уйди Лигранд, — поднял один из них копьё.

Я не помнил, как его зовут, но он меня узнал и то ладно. Я, спешившись, пошёл на него.

— Так, Лигранд, там сотников нет, командовать некому — свара. Так и так порубят, — зататорил он, отступая. — Тут може схоронимся где...

Воины расходились в стороны, пропуская его и меня. Тут кто-то из его десятка попытался ударить меня. Увернувшись, я провёл ему такой свинг левой, так как в правой всё ещё был клинок... Несколько переборщил в запале, так как отчётливо услышал хруст челюсти. Воин упал и замер. Не факт что не насмерть. Почти два десятка мужиков расширенными глазами смотрели на меня не смея пошевелиться, хотя если бы захотели... Тут я осознал, что часть воинов смотрит мне за спину. Я обернулся. Сзади, восседая на жеребце младшего воина Рута и держа, нацеленный на несостоявшихся дезертиров арбалет, находился Анри.

— Куда бежите? Ясно же вам сказано — развернуться! Отец! — Обратился я к седому воину, пытавшемуся остановить бегунков и только что поднявшемуся с земли — кто-то из воинов уронил его. — Принимай десяток.

— Так я...

— Если кто-то его... — я ткнул в старика рукой. — То ...— теперь мой палец указал на поверженного нападавшего. — Назад! В строй!

Не скажу, чтобы с большим восторгом, но мужики стали разворачиваться.

У подножия подъёма из устья реки, несколько хаотично, сотни разворачивались в строй, готовясь принять бой. Метрах в двухстах впереди, среди деревьев мелькали орки. Вернее всего собирались в кучу после преследования локотских.

— Шрам! — Увидел я своих. — Воины вокруг обернулись.

По всей видимости, магические силы, когда надо могут усиливать не только скорость и силу, но и голосовые связки, поскольку голос был очень громким.

— Расставь эти десятки, — слегка качнул я головой в сторону ведомых мной воинов — я всё таки не решился оставить седого наедине с бежавшими.

Шрам кивнул:

— Плотнее строй. В две шеренги меж оглобель вставайте. У кого нет копий, берите топоры, вон в куче, и вставайте позади оглобельных.

Я уже развернул свою клячу, чтобы продолжить сбор лошадей, как сбоку раздался молодой голос:

— Кто командует, то?

— А вон, Лигранд за сотника, — ответил кто-то ему.

— Сотник Лигранд, — тут же подлетел ко мне паренёк на вид чуть старше Ильнаса. — Я от десятника Порита. Сколько десятков оставлять на охрану брода?

Я глупо смотрел на парня, лихорадочно думая куда, вернее к кому бы, его отправить. И на ум особо никто не шёл. Сотников нет. Вот у дракона есть назначенный приемник, а у сотников не положено. А из знати... А из знати только я. Охрон разве что ещё... Насколько знаю, он отпрыск балзона, как и Ротимур. Но это всё ниже, чем лигранд. Десятников копейщиков даже вспоминать не буду. Понимая, что пауза затягивается и, ловя боковым зрением, взгляды, направленные на меня, я понимал, что пора бы что-то ответить. Но ответить надо так, чтобы не создавать анархии в войсках.

— Сколь...— я закашлялся, и усилием убрал приток магии к горлу. — Сколько сейчас у брода?
— Уже более спокойным голосом спросил я.

— Десяток арбалетов и два с половиной десятка копий! — Незамедлительно отрапортовал парень.

— Оставляйте полтора десятка копий и пять арбалетов, — прикинув ширину брода, ответил я ему.

— Понятно сотник Лигранд.

Парень уже развернулся и чуть не убежал, когда я засомневался в своём решении.

— Стоять.

— Да, сотник Лигранд, — вновь повернулся ко мне мальчишка.

— Доложишь Париту, сам встанешь вон у того дерева, — указал я на корявое подобие ивы, торчащее одиноко между бродом и нами, от которого должен был просматриваться противоположенный берег. — Если орки пойдут на переправу, доложишь мне. И копий оставляйте не полтора десятка, а десяток.

Если привстать на стременах, то мне и самому брод виден был бы, там всего-то метров сто, только всё время оглядываться не хотелось.

— "Оглобли" упёрли. Копья меж "оглобель". Арбалеты на три шага вперёд копий! — Орал я, создавая стандартный строй.

Как-то, взвалив перед лицом воинов бремя сотника, отступить, было уже стыдно, и командование само по себе перешло под мою руку.

— Охрон, бери кого нужно себе. Верховых должно быть как можно больше. За спину не оглядываемся! Там заслон!

Собственно тем оркам, что атаковали на том берегу, было не до нас — они собирали разбредшихся тяжеловозов.

Десятка четыре орков, вернувшихся после преследования локотских, пытались с наскока атаковать нас, но, потеряв троих от арбалетных болтов, и видя, что их встречают лицом, а не задницей, развернулись обратно и теперь вновь хаотично мелькали в листве деревьев на холме, пуская в нас стрелы.

Орки ждали остатки своих войск, а я не мог решиться — идти в атаку или занять оборону. И там, и там были плюсы и минусы. Идти в атаку можно, только орки вернее всего уйдут, а мы рискуем получить удар в спину от той части, что ещё не вернулась. К тому же позволим переправиться ещё двум десяткам. Обороняться же — значит принять полноценный бой, что учитывая мой опыт ведения средневековой битвы, тоже не хорошо. Я попытался спросить совета у Шрама, но тот только плечами пожал — я ж воин, не дракон. Чем слегка вывел меня из себя.

Чем ближе становился час икс, тем сильнее приходило понимание, что шапка не по мне. Даже глаз стал слегка подёргиваться. Тут ещё ощущение взгляда... Я огляделся, выискивая, кто такой внимательный? И нашёл...

Орденские. Оба прислужника Гнутой горы сидели на своих лошадях в сторонке и нагло рассматривали затихающую суету построения. Так по-детски захотелось им чем-нибудь напакостить, чтобы сбить спесь... Я задумчиво отвёл от них взгляд и натолкнулся на глаза Шрама. Тот проследил, куда я смотрел, потом снова посмотрел на меня.

— Охрон! — подозвал я своего зама по кавалерии. — А чего у них лошадей не забрал? — Указал я на орденских.

— Так... — замялся десятник верховых.

— Забирай! И копыа им выдай. Чуть не забыл — Резвого мне верни.

Охрон хмуро посмотрел на меня, и потянул повод в сторону орденских.

— Десятник, мне сказали, что ты распорядился... — ко мне подъехали орденские.

— Теперь уже сотник, — перебил я орденского. — И на вы, ко мне — мы с тобой настойку не пили вместе.

— Сотником тебя никто не ставил и наших лошадей мы...

Орденский несколько замялся, когда я начал вынимать клинок.

— ... мы не отдадим, — закончил он фразу.

— Отдадите. И в строй встанете. Разве орден не должен помогать Империи?

— Воина с орками не предус...

— Мне плевать! — Я решил зарываться так по полной. — Либо вы отдаёте лошадей и встаёте в строй, либо... раз не хотите биться на нашей стороне, едете к оркам. Здесь есть всего две стороны, и отсидеться в кустах у вас не получится. Сдохнем так вместе.

— Тогда мы...

Я слегка подал кобылу вперёд:

— У меня нет времени играть с тобой. Слазь, — я упёр в грудь орденского меч.

— Это нападение на орден, десятник, — сквозь зубы прошипел он.

Второй потянулся было к рукояти своего меча, но, тут же в его сторону был направлен арбалет одного из воинов и орденский отказался от опрометчивого поступка.

— А мне так и так... — тихо прошептал я. — Только если вы умрёте, то никто не узнает...

Тот в чью грудь упиралось остриё клинка побледнел.

— Ты не посмеешь... На глазах у всех.

— А я потом скажу, что это вы навели на нас орков.

— Тебе...

— Слазь, тварь! — во мне вдруг взыграла дикая злоба.

Не знаю, что он рассмотрел в этот момент в моих глазах, но с жеребца спустился. Я, ткнув клинком в сторону второго, указал на землю и ему.

— Оружие у вас есть, так что в строй!

Шрам! Охрон! И вот ты! — указал я на седовласого, пытавшегося остановить дезертирство, — Идите сюда.

Сам я дуб дубом в стратегии и тактике средневекового боя. Нет, принцип знал — всё-таки уже прилично служу, но одно дело теория с рассказов вояк, а другое реальный бой.

— Что думаете?

Мои военные советники не проронили ни слова в ответ, тупо смотря на меня.

-Что молчите? Может первыми пойти?

— Первыми нельзя, — ожил Шрам. — У них луки дальше наших арбалетов бьют. Начнут навесом стрелять выкосят много.

— Как думаете, когда они начнут?

— Сложно сказать. Могут и ночи дожждаться. Зеленомордые ночью лучше видят.

— На верховых зря надеешься, — подключился седой. — Они на хрумзах встретят. Десяток таких могут полсотни верховых за сто ударов сердца разорвать.

Я посмотрел на Охрона. Тот кивнул, подтверждая слова седого.

— А зачем тогда лошадей собирал?

— Прорваться хотел сквозь них, и уйти, — ухмыльнулся Шрам. — Пока нас добивают.

— Ты! — Охрон схватил за ворот Шрама. — Я тебе за такие слова корень вырву!

— Тихо. Тихо, — взял я за руку Охрона.

— Чего? Не так что ли? — Огрызнулся Шрам. — Слышал я разговор твоих!

— Это которых? — Отпустил Шрама десятник.

— Рыжего и ещё одного. Рябой такой.

— Тикулт! — Повернулся назад Охрон.

К нам спешно подошёл грузный воин.

— Найдёшь Ирита и Рыжего. Делай что хочешь, но узнай, кто ещё дёру дать собирался. Всех спешить! Вместо них с копейщиков наберёшь.

— С этими что потом? — Спокойно спросил воин.

— Смогут копыя держать — в строй. Нет — подвесь на дереве.

-Не собирался я бежать, — когда от нас отошёл Тикулт, объяснился десятник. — Хотели в хвост оркам ударить.

— Это как?

— Они вернее всего во фланг пойдут — обычно так поступают — врубаются и вдоль строя идут. Хотел когда они вклинятся, обойти сзади и ударить. Орки на хрумзах всегда впереди. Сзади не должно быть.

— А то они слепые идиоты. Сколько у тебя сейчас верховых?

— Почти пять десятков.

— Орки! — Подбежал Ильнас.

Дальше думать, уже не было времени. Я вскочил на Резвого, приведённого ко мне.

— Лигранд! Я не знаю, кто побежит! — Охрон уже был в седле.

— Не успеют. Выводи своих по центру. После того как хрумзы пойдут на тебя, уходи... — я приподнялся на стременах разглядывая надвигающуюся сотню, даже наверно меньше, орков.

— Уходи направо! Давай прямо сейчас! Шрам разведи в стороны!

Двойное превосходство в численности над орками, это не серьёзно. Очень не серьёзно. В любом случае два человека не могут справиться с одним. Думать некогда. Зеленомордые действительно шли на фланг, и их надо было любым путём оттянуть оттуда. В любом случае по навязанным правилам играть сложнее.

Смерть обдала своим дыханием. В мышцах появилась какая-то вялость, но тут же сменилась зудом — словно у подростка, когда растёшь. Суставы прямо выворачивало на изнанку. Я отпустил зрение. Магические линии, образуясь из тумана света, словно копыта стремились ко мне. Тело требовало действий. Самопроизвольно я вдруг резко наклонился к гриве Резвого. Резкий и сладкий запах лошадиного пота ворвался в лёгкие. Над головой прошелестела стрела.

— Сними шлем! — Крикнул Отон. — Они в него бьют.

— А корень им под хвост! — Я ударил по сгибу правой руки, одновременно поднимая её — межмировой жест, понимали все — уверен, орки тоже. Воины засмеялись выпуская напряжение.

Сзади слышался топот копыт.

— Расходись! — Крикнул я, хотя Шрам уже давно организовал коридор для кавалерии среди копейщиков.

Орки шли двумя группами. Впереди, со всё увеличивающимся отрывом всадники на хрумзах, размахивая клинками, и следом за ними обычная кавалерия. Ну, как обычная.... Сами седоки делали её сказочной. Дать последние указания Охрону я не успевал. Сблизив ладони, я показал ему, что надо подвести как можно ближе. Может и показалось, но он кивнул мне.

— Арбалеты! За первый ряд! Будете бить оттуда! — В голос снова вселилась магия. — Стрелять по команде!

Охрон вёл своих в "хвост" потоку орков. Головная часть орды, вдруг стала разворачиваться на них.

— Уходи. Уходи, — сам не понимая, что говорю вслух, шептал я.

За "ведущими" хрумзами хотели развернуться и остальные, но... один из головной группы вдруг что-то прокричал и перенастроился на прежний курс — основная масса пошла за ним.

Практически перед носом полутора десятков орков, Охрон стал разворачивать кавалерию. Прежде чем до орков дошло, они уже попали в зону прицельной стрельбы арбалетов. Толи тупые, толи азарт... только орки на хрумзах продолжили погоню.

— Лигранд. Сейчас, — нервно теребя мою штанину, тихо причитал Шрам.

Ему было плохо видно разворачивающуюся на поле битву, и он привставал на цыпочки.

— Залп! — Заорал я.

Показалось, что даже орки вздрогнули.

Пять-шесть точно были либо выбиты из сёдел или что там у них, либо хрумзы орков "скопытились", то есть "слапились". Арбалетчики словно мыши из пшеничного поля вылетали в последний ряд на перезарядку. Если честно, то я предполагал, что орки начнут уходить от нас, но... они повернули прямо в центр нашего строя....

Когда-то, рассматривая у деда картины боя орков с людьми, я удивлялся, почему маги идут в атаку без доспехов и с мечами. Ну, действительно, почему? А вот теперь понял. Доспех сковывает, а главное оружие мага — скорость. Выпустить прицельно молнию не возможно, а вот если касаешься клинком и пускаешь, то цель с вероятностью процентов в семьдесят — мертва. Даже если нет — добьют. Для этого и нужен антураж из воинов вокруг тебя. Это был уже пятый. Пятый орк! Что там творилось на левом фланге, я уже контролировать не мог, потому, как хрумзы вошли в строй точно рядом со мной, и я невольно оказался вовлечён в сражение.

Прыжок хрумза. Стандартное падение под него со скольжением и прикосновение клинка к брюху. Бился я пешим — Резвого растерзали практически сразу. Хрумз падает в конвульсиях — дальше уже не моя проблема — за мной хвост копейщиков. Где следующая цель? Ага! Вон он! С этим проще — не видит меня. Разбег с лавированием и удар клинка под рёбра животному — главная опасность именно он. В первой схватке я был нацелен на седока, как оказалось это ошибка — после смерти орка, хрумз просто зверел. И так, где следующий?..

Тишина.... После битвы, размеренные перекрики воинов, казались тишиной. Орки бежали. Разделение их сил вкupy с самоуверенностью дало неожиданный результат: зеленомордые не ожидали мага, и по счастливому стечению обстоятельств вывели основную ударную силу прямо на него, то есть на меня, тем самым, погубив свой козырь. Ну а после уничтожения хрумзов, мы уже совместно навалились и на простых орочьих всадников. Те страшны, пока не завязнут в строю, а там уже наши ссаживать их приноровились.

Да, нас осталось меньше сотни, но мы выстояли. Орков вообще ушло только десятка три. Нет, спокойствия не настало — средневековые раны, это не дырка от пули. Проткнутые животы, отрубленные руки, снятые скальпы, раны через всё лицо.... Первых можно было добивать смело — чтобы не мучились — не выжить. Битвы на мечах и копьях, это в первую очередь увечья. Из моего десятка осталось в живых лишь четверо: Шрам, Анри, Отон и Ильнас. Вернее три с половиной — Анри потерял левую руку. Я тоже слегка пострадал — в конце орки поняли, откуда исходит опасность, и попытались взять меня вдвоём. Уйти от первого хрумза я смог, но второй достал меня лапой — разодранная спина теперь пылала болью.

Я остановился, разглядывая мёртвого хрумза, рядом с которым один из воинов перевязывал единственного выжившего орденского.

— Лигранд, помоги. Знаю, можешь... — орденский лежал с распластанным лапой хрумза брюхом.

— Зачем? — Честно спросил я его.

— Я никому не скажу...

Ложь. Я не знаю, чем им там промывают мозги, но даже на пороге смерти, он лгал. Теперь я понимал Дайнота — когда тебе врут, это... очень ощущается — словно собеседник строит тебе гримасу, только ни мимикой, а ... эманациями силы, что ли....

— Конечно, помогу, — махнул я рукой воину, рядом с орденским.

Тот, поняв жест, пошёл искать других выживших.

— Конечно, помогу, — прошептал я, кладя руку на грудь и ощущая, как его тело прямо тянет силы.

Небольшая волна силы, чтобы сердце орденского захлебнулось....

Глава 17

Половину обоза мы потеряли — орки увели всех тяжеловозов, что остались на том берегу и часть разбежавшихся по этому. Причём уводили в наглую — из-под носа. Но, обидно было не за это. Обидно было за то, что мы не смогли даже похоронить по человечески павших — надо было уходить.

Поскольку опасность разоблачения частично отступила, вместе с наказанием за не сожжение деревни, то побег из войск я решил на время отменить. На время, потому как берсечью ярость, проявленную мной во время битвы, заметили все. Шрам и Ильнас уже проводили работу с массами, распуская слух о зелье, выпитом мной перед боем. Правда... был один нюанс.

Во время боя у меня проснулась способность отвода глаз. Как бы объяснить.... Я и раньше знал, что некоторые маги и даже алтыри, могут отвлекать внимание окружающих от своего тела. Дайнот даже пытался научить меня этому, но не получилось, так как для этого нужна концентрация с длительными тренировками, ну или... стрессовая ситуация. И то, если есть способность. Это как чувствовать лож — далеко не все маги могут это. Для себя я определил такие способности, как ментальные. И похоже, у меня эти способности были. По крайней мере, Ильнас, сопровождавший мои поединки с орками "прицелом" арбалета со стороны, сказал, что иногда не мог разглядеть меня. Просто терял. Вот я был и вдруг исчез. Парень мог, конечно, ошибиться, но я надеялся, что это не так.

Так вот.... Если вдруг кто видел и выжил, и если понял суть моих временных исчезновений — придётся всё-таки уходить, а если нет.... В общем, слишком много если, поэтому, я пока ещё окончательно ничего не решил — не до этого.

Озираясь на каждый куст, практически без сна и отдыха, мы смогли дойти до орочьих ворот, откуда весть о выжившем обозе уже была передана в тысячу. Оказалось нас считали мёртвыми — несколько локотских выжили, и добрались раньше нас, рассказав о полном разгроме.

— Садись, Элидар. Даже не знаю, что тебе сказать, — дракон, достав два бокала, наполнил оба вином. — Пафосных речей ты перед строем наслушался.

Час назад меня официально перевели в сотники.

— Герой. Гонца с докладом о твоих подвигах я уже отправил, — дракон отпил из своего бокала.
— Твои прежние "заслуги" я, разумеется, не упомянул, как и ту историю с северной деревней.

Он подошёл к шкафу, стоявшему в его шатре, и достал оттуда свиток.

— Читай, — протянул он мне его.

Бумага была занятой. Подписана самим правым плечом императора. По сути это был приказ о моём прибытии пред светлые очи главнокомандующего всеми войсками. Зачем и почему не было написано. Просто распоряжение тысячнику незамедлительно отправить меня во дворец императора.

— Ты не часто встречаешься с такого рода документами, — Сиим присел на стул, — но вот видишь в конце — произвести расчёт. Это означает, что обратно ты не вернёшься. Обычно так уходят на службу во дворец. Ну а, учитывая, что ты довёл обоз, то надеюсь, не забудешь своего первого тысячника, — дракон улыбнулся. — Удачи во дворце.

Возможно, мне и показалось, но сквозило некой фальшью от его слов.

— Когда прислали? — Протянул я свиток обратно.

— Десятин через пять после того как ты вы отбыли. Я уже ответил с объяснением, почему ты не можешь выехать незамедлительно. Так что... у тебя есть три дня на то, чтобы привести себя в порядок и сдать сотню новому сотнику — прибыл тут недавно такой же сопляк, как и ты когда-то. Кораблей в ближайшее время не предвидится, поэтому поедешь своим ходом. Выделю троих верховых на охрану — во дворец надо приходиться подобающе. На моей памяти, настолько недолго сотником, ещё никто не был.

— Забавно, — Илун вновь наполнил кружки настойкой.

Я, Шрам, Ротимур и Ильнас сидели в его шатре. Магический светильник тускло освещал ковёр с незамысловатой снедью, по краям которого мы восседали.

— Сам то, как думаешь? Зачем?

— Не знаю, — я залпом опрокинул кружку.

— Чего тут знать — ждёт героя девица с рыжими волосами, и будут они жить долго и счастливо, — улыбнувшись высказал свою версию Ротимур.

— Шутник, — я потянулся за кусочком сала мускуна.

— Ты про дочь плеча? — Заинтересованно спросил Илун.

— Ага, — Ротим ещё больше расплылся в улыбке. — Она даже меж клинков кинулась, когда Элю на одну дырку больше хотели сделать.

— Хм...

— Чего несёте? — Осадил я начинающееся зубоскальство.

— Лара Альяна лучше, — пробурчал Ильнас, потянувшись за своей кружкой.

Парни даже не потребовали, а просто проигнорировали моё слабое заявление о том, что нельзя спаивать ребёнка. Да и я особо не сопротивлялся — пережить то, что пережил Ильнас в той сече... Он, даже орка из арбалета убил. Правда, это только с его слов — свидетелей данного факта нет. Но никто из нас не намеревался оспаривать его слова. Единственное что

успокаивало, Илун наливал ему вино, а не настойку.

— Да ты ходок, как посмотрю, — черносотенник вновь наполнил кружки.

— Это ты ещё не знаешь, как мы одного кучера развлекали, пока он с его женой секретничал, — продолжил Ротим раскрытие интимных подробностей моей жизни.

Дальше останавливать не имело смысла — мужики перешли на тему баб.

— Задержись, — когда уже далеко за полночь решили расходиться, остановил меня Илун. — Не знаю, зачем тебя вызывают во дворец... Я знал, что тебя должны перевести, но по-тихому. Без вызова во дворец точно. Будь осторожней.

— В смысле? Знал?

— Не могу всего рассказать. Думаю, тебя всё равно там встретят....

Странности в моей жизни нарастали буквально снежным комом. Не успел я дойти до своего шатра, как меня попытались убить. Нагло. Прямо посередине лагеря.

Дабы не спотыкаться в безлунную ночь, я шёл на магическом зрении. Идущий мне на встречу воин, ещё издали мне показался подозрительным — слишком уж яркими были его нити жизни. Но я даже представить не мог.... Только поравнялись, как незнакомец выбросил вперёд руку с кинжалом. Полностью отбить, учитывая состояние "навеселе", я не успел, но отпрянул. Кинжал слегка прошёлся по груди. Прыжок вперёд. Отбить повторную попытку удара... Я за спиной и моя рука у него на подбородке. Рывок....

— Наёмник, — со знанием дела Илун осмотрел утром тело. — Столичный.

— Почему так решил? — Спросил я его вялым голосом — кинжал был с ядом и теперь магические силы черпались уже из жизненных, чтобы остановить действие непонятной субстанции.

— Печать поисковая на предплечье. Чтобы если не выполнит работу, можно было найти. Дорогой яд. Да и ввели именно нашу тысячу.... Не мог поаккуратней? Сейчас бы знали, кто послал.

Я хмуро покосился на черносотенника. Можно подумать мне до этого было — убить пытались всё-таки.

— Ну-у-у... в тысячу то вообще не вопрос, — вспомнил я бутылку дуваракского отданную Ротимуром. — То есть ошибиться не мог?

— Вряд ли...

— Вроде никому дорогу не переходил.

— Смутно всё. Тебе надо уезжать. Такие редко в одиночку приходят.

— Ладно, я к алтырям — ещё зелья надо взять, — яд был очень хорош, сейчас уже кризис прошёл, но если бы не алтырские примочки, сомневаюсь, что мой организм бы так просто справился, а это о чём-то говорило.

— Зелёный! Ни на шаг... — кивнул на меня Илун.

Убийца был из последнего пополнения новобранцами. Там пришёл всего десяток. До моего отъезда, Илун уговорил Сиима держать новиков под стражей. Ну, как уговорил — дракон готов был пойти на любые меры, чтобы я покинул тысячу живым. Мне даже дали вместо трёх — пятерых верховых для охраны, и... разрешили отобрать их лично. Разумеется, Ротимур попал в их ряды.

Отбыл я по графику. Нет, можно было и раньше, только яд уж больно серьёзный попался — мутило и стул водопадом.

— Ха, ха, — Ротимур задал нешуточный темп передвижения.

Собственно понять его можно было — решили ехать через Якал и парню очень хотелось предстать пред отцом героем — битвой с орками не каждый может похвастаться. Сзади меня, на неказистой лошадёнке, ехал ставленник Илуна — Сопот — сбитый мужичонка зим сорока. Разумеется — черносотенник. Путешествие было вальяжным — оттиск медальона сотника имперских войск оплачивал наше пребывание в трактирах. Без спиртного разумеется. Причём такса стоимости нашей ночёвки была фиксирована и ровно в два раза ниже рыночной. Короче трактирщики были не в восторге, но и перечить не смели.

Постель.... Настоящая.... Купальня.... Как же хорошо в цивилизации, пусть и трактирной. Бокал вина под хорошо прожаренный бифштекс. М-м-м.... Воистину понимаешь прелесть некоторых вещей, только потеряв их. А как же прекрасна женская ласка, пусть и покупная.... Сказка!

До Якала добрались мы практически без приключений. Разве что... Ротимур как-то раз реально зарылся со своей "короной" народного мстителя оркам и попал под раздачу деревенским парням — девкой, видите ли, не пожелали делиться. Я, а соответственно и остальная охрана, в это ввязываться сразу не стали — а нечего выёживаться, да и надоели его рассказы о битве и убитом орке. Ладно, хоть у него хватало ума не увеличивать количество поверженных врагов. В общем, Ротимур получил пару знатных оплеух. Только вот деревенские, окрылённые близкой победой, решили и нас помять слегка.... Ох, раззудись плечо.... Я бы так славно размялся.... если бы не Сопот. Тот технично прикрывал меня и почти всю драку, словно имея глаза на затылке, передвигался впереди меня. Я всего раз в полсилы и успел ударить. Но всё равно весело. Оплата разрушений трактира была за счёт проигравшей стороны, то есть поломанных деревенщин. А они и рады были наутро — далеко не шутка напасть на имперских воинов — можно и без головы остаться. Ну и что, что мы первыми начали? Извинялись парни, перед нашим отъездом, опустив гривы и умоляя не держать зла.

Родной (хотя, для кого как) город встретил нас мерзко морозящим дождём. Мои спутники кутались в плащи, а я разогревался магически — всё равно надо было выпустить силы, чтобы не дай духи, не быть обнаруженным каким-нибудь случайно проходящим одарённым. А то, что это возможно я знал уже не со слов — силу воинских алтырей я ощущал метров с трёх.

Я ожидал какого-нибудь тёплого ощущения от возвращения, но... даже по прибытии в тысячу после Северных земель, казалось, что ты вернулся домой, а тут... пустота. Нет, родных я был очень рад видеть. Тем более, что вся семья была в сборе, а вот ощущения именно своего дома — не было. Ротимура я отпустил в сторону имения его отца ещё на подъезде к стене города, договорившись, что он появится вечером следующего дня у моего отца — послезавтра с утра собирались выехать в Дуварак. Пришлось выделить ему одного из воинов охраны, во-первых, для безопасности, а во-вторых, для антуража — друг решил предстать перед родственниками не верховым стражем, а вызванным в Дуварак героем. Понтануться в общем.

Процедура встречи, не смотря на погоду, проходила во дворе. Отец, подойдя ко мне, пристально посмотрел в глаза, потом обнял и слегка срывающимся голосом тихо произнёс:

— Здравствуй, сын.

В душе защемило. На глаза натянулась влажная пелена. Ни от отца, ни уж тем более от себя, я не ожидал такой сентиментальности. После объятий со мной, отец пожал руку Ильнасу и потрепал его вихры:

— Подрос. Возмужал. Взгляд вон... стал суровым.

Следующим обнимал меня Корндар. Тот крепко прижал к себе и обошёлся без слов. Затем наступила очередь сестры и матери, стоявших, до этого, в стороне под зонтами удерживаемыми рабынями. И если мать молча пустила слезу, то Симара с визгом повисла на шее.

— Да вы все вымокли, давайте в дом, — когда сопли и слёзы были утёрты, — произнесла сестра, но тут же поймав взгляд отца, опустила голову — эти слова, в присутствии посторонних, то бишь моей охраны, должен был произнести отец.

Поскольку воины едущие в охранении моей тушки похвастаться благородным происхождением не могли, то отцу я их не представил. Он отдал распоряжение приготовить охране комнату на первом этаже, что уже было честью, только тут отличился Сопот. Мужик сделав шаг вперёд посмотрел на отца. Отец слегка кивнул.

— Грандзон Элидар, в связи с некоторыми обстоятельствами, мне дан однозначный приказ об охране сотника Элидара вплоть до передачи страже дворца. И не оставлять его ни на удар сердца.

— В уборную вместе ходите? — Ухмыльнулся отец. — Что за обстоятельства?

— Попытка убийства, — с несколько глуповатым видом ответил Сопот.

Вот если бы я его не знал, то точно принял бы за деревенского простачка — уж больно лицо наивно. Но я то знал, насколько в действительности умён Сопот. И, кстати, я только сейчас понял, что ведь он действительно ненавязчиво умудрялся находиться всю дорогу в непосредственной близости от меня.

Во дворе на некоторое время повисла тишина.

— Интересно, — задумчиво произнёс отец, глядя на меня. — В моём доме поверьте, ему опасность не грозит, но мне было бы интересно выслушать данную историю из ваших уст ...

— Сопот, — представился мой телохранитель в ответ на вопросительный взгляд отца.

— Может, я сам всё расскажу? — Попытался я остановить эти переговоры — очень не хотелось, чтобы отец узнал о моих огрехах, ну и о палках — стыдно как-то.

— Разумеется, и ты расскажешь. Надеюсь после ужина вы, Сопот, не откажите в любезности переговорить в моём кабинете.

Как вежлив, бывает, когда надо отец. Что-то раньше я не замечал за ним, чтобы он говорил вы — простолюдину. Надеюсь, у Сопота хватит ума не рассказывать всю историю моей службы.

Ужин прошёл довольно информативно. Я вкратце рассказал о службе, об орках, сильно не выпячивая свою роль в той битве. Корндар похвастался грядущим расширением своего бумажного цеха — дела шли в гору. Отец сдержанно похвалил брата. Симара еле дождалась, пока отец разрешит и женщинам вставить своё слово, и как только он кивнул, велела принести Элидара.

Некое помешательство моих родных на этом имени явно ощущалось. Моего полугодового племянника тоже назвали в честь отца, который прямо растаял, когда внесли внука. Весь светятся, улыбка на лице, собравшая морщинки около глаз — не суровый грандзон, а такой милый дедушка. Хотя... дедушкой этого статного и крепкого мужчину язык не поворачивался назвать.

— Вы бы ещё с Корндаром сподобились... — отдавая внука служанке, отец как-то странно посмотрел в мою сторону.

После ужина отец пригласил к себе в кабинет, который несколько изменился со времени моего последнего визита сюда — появился камин, отблески пламени которого теперь играли на стенах кабинета.

— Теперь рассказывай, — отец наполнил бокалы.

— Даже не знаю, с чего начать....

— Начни с попытки убийства.

Рассказывал я довольно долго. И об убийце, и о битве с орками, и о становлении меня как мага. Не умолчал я и о том, что несколько человек знают о том, что я маг.

— Интересно. А вот Сопот... — неожиданно спросил отец, — как попал к тебе в охрану?

— Сотник чёрной сотни назначил, после того как меня убить пытались.

— Это который тебе амулет дал?

— Да.

Отец некоторое время помолчал, рассматривая пляшущее в камине пламя.

— Наверняка с тобой захочет поговорить Дайнот, — наконец задумчиво произнёс он. — Ты о том, что тебя раскрыли в имперских войсках, не говори.

— Почему?

Отец вновь замолчал на минуту.

— Не самая лучшая идея была отправить тебя в войска, — устало прозвучал, наконец, его голос. — Я уже потом понял. В империи уже давно всё перемешалось, хотя можно сказать, никогда и не было всё гладко. Тебя, похоже, втягивают в игру между орденом и империей. А это опасная... даже я бы сказал... смертельная игра для несведущих.

— Думаешь, поэтому и к плечу вызвали?

— К плечу... — отец ухмыльнулся. — Вряд ли. Хотя... кто знает.... Я, если честно, надеюсь, что по другому поводу. Как думаешь, кто тебя хотел убить?

— Не знаю, вроде поперёк пути никому не вставал.

— Интересные слова. Поперёк... Даже сам не представляешь, скольким возможно ты встал поперёк... — Отец вдруг оживился. — Давай-ка Элидар, завтра договорим. Я ещё твоему начальнику охраны обещал время выделить.

После отца, меня перехватила сестра и затащила к себе в комнату — помогать усыплять племянника. По какой-то причине она решила, что мне это будет очень приятно. Я согласился, чтобы не расстраивать Симару. И, как оказалось, действительно забавно смотреть, как ворочает соловыми глазками-пуговицами ребёнок, смешно сопя розовым носиком. Не то что бы очень увлекательно, но один раз — интересно. Тем более, что Симара постаралась сделать моё пребывание комфортным — то есть люльку качала сама, а я, с бокалом приторно сладкого вина, сидел в кресле рядом. Поскольку наше общение в этот момент складывалось из шепчущего монолога сестры, то меня самого стало клонить в сон.

— А знаешь... — глаза сестры, даже в полумраке было видно, хитро сузились, — лара Исина, вдруг, после того, как провела приём в нашем локотстве, перестала пить сдерживающие зелья.

— И что? — Шепотом спросил я её

— Как что? Никто теперь не знает причин, по которым она решила превратиться в девушку. Говорят, очень красива стала. Для неё зелья специальные из ордена привозят....

Собственно теперь стала понятна истинная подоплёка моего присутствия в комнате Симары — банально намекнуть и посплетничать, ну или получить повод для сплетен.

— Между мной и ларой Исиной ничего не было, — решил я охладить пыл сестры.

— Ну, ну.... О чём то же вы шептались, когда танцевали?

— Симара, это не смешно. Вокруг дочери плеча полно более достойных кандидатур — выбирай, не хочу.

— А если она выбрала тебя?

— Я то её не выбрал.

— Ты просто её не видел, говорят, орхидея. Да и куда ты денешься... от её отца, — при этих словах на лице Симары вновь появилась маска ухмыляющейся лисы.

— Ты думаешь... — тут мне стал ясен предполагаемый отцом повод моего вызова к плечу — наверняка Симара голову ему промыла своими сплетнями, — что меня вызывают к плечу из-за этого?

Ладно, Симара, но отец-то... как мог в такое поверить? Теперь становился понятен его намёк на детей.

— Да о тебе уже вся Империя шепчется, — чуть не рассмеялась Симара, но вовремя вспомнила, что укачивает ребёнка. — У Корна число заказов из Дуварака в два раза поднялось. К нам гости за гостями вдруг приезжать стали.

Безумство какое-то. Иногда женские языки могут такого натворить....

Пока засыпал, вспомнился наш танец с Исиной.... А ведь может! Она действительно может! Только вот зачем ей это? Ещё не хватало мне влюблённой девочки-подростка. И ведь... если это так.... Если только представить, конечно... то я действительно некоторым сейчас поперёк даже не дороги, а горла встал — на эту соплячку наверное у многих планы. И вот попытка убийства.... Да запросто! И даже если меня вызвали не из-за неё, а я всё-таки надеялся на это, то и одних слухов достаточно, чтобы какой-нибудь столичный грандзон, желающий женить своего сына, подослал ко мне убийцу.

С другой стороны.... Илун явно завязан на какую-то тайную организацию. Он мне это практически в открытую сказал — должны вызвать. А это значит, что убийца мог быть и из какого-нибудь противоборствующего лагеря — ордена например. Те на кого работает Илун, ведь не ромашки собирают, а так понимаю — магов. Опять же орден бы прислал карающих, ну, в крайнем случае, не настолько тупого убийцу — отравили бы по тихому зельем и всё. Кому же я всё-таки насолил?..

Уснул я очень тяжело.